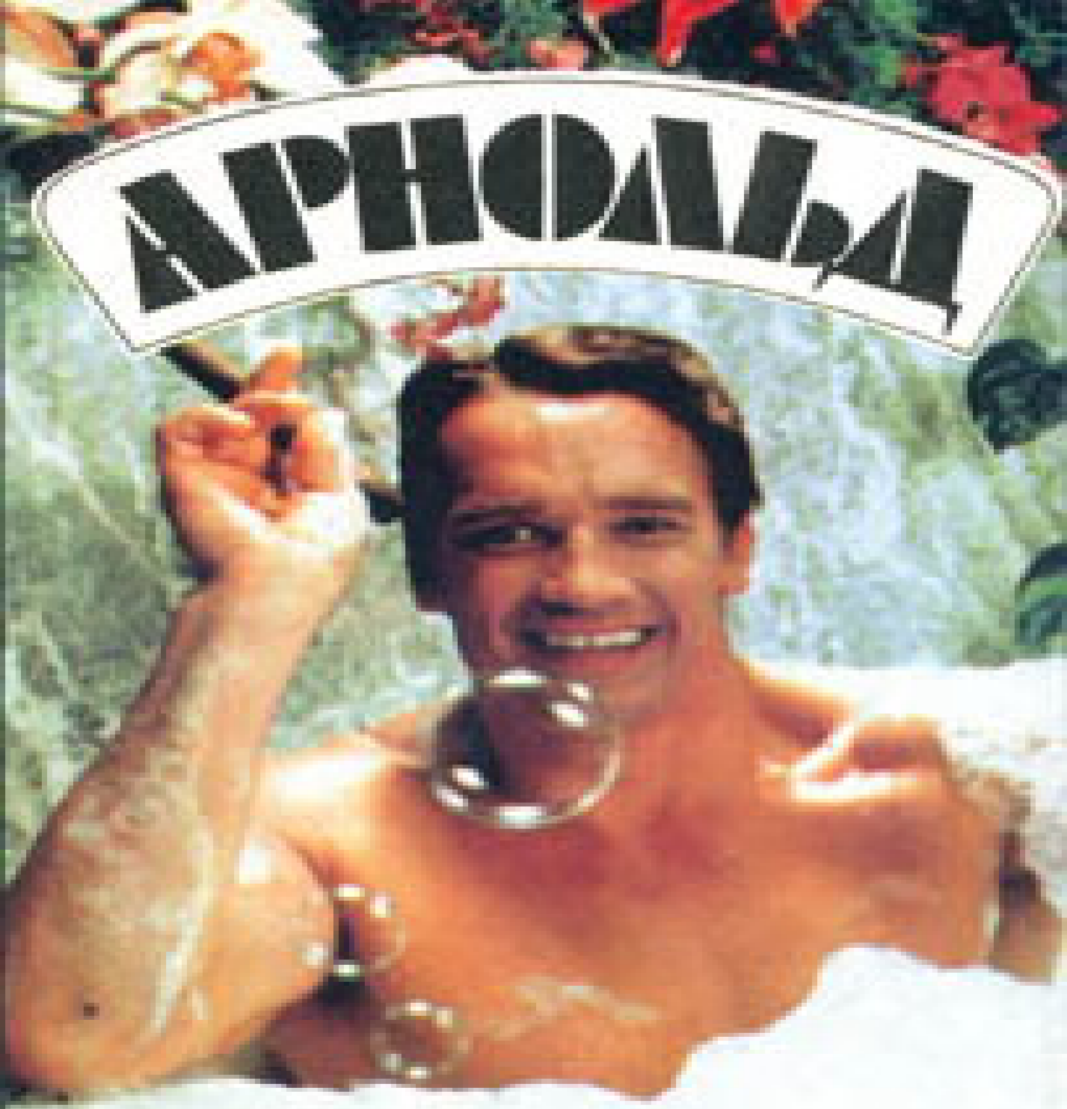
АРНОЛЬД



ВЕНДИ ЛЕЙ

НЕОФИЦИАЛЬНАЯ
БИОГРАФИЯ
АРНОЛЬДА
ШВАРЦЕНЕГГЕРА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Арнольд Шварценеггер. Человек-легенда нашего времени. Он не только побил все рекорды в культуризме и покорил Голливуд, но и стал примером подражания для сегодняшнего поколения молодых людей. Что это — счастливая звезда или выдающееся усилие воли? Но эти и другие вопросы отвечает эта книга, впервые переведенная на русский язык в 1992 году О.В. Лазинским. Шварценеггер предстает перед читателем не божеством, не кумиром, а реальной личностью. Одним из нас. Но чтобы стать таким, как он, надо быть героем «Терминатора».

Книга содержит фотографии.

- Венди Лей
  - Пролог
  - Глава 1: «Горы как львы»
  - Глава 2: Побег из Таля
  - Глава 3: Мюнхен
  - Глава 4: Лондон
  - Глава 5: Побег в Америку
  - Глава 6: Флорида и Калифорния: 1968 год
  - Глава 7: Любовь и победа: 1969-1970 годы
  - Глава 8: Успехи Арнольда. Смерть отца. Съемки в фильме «Оставайся голодным»
  - Глава 9: Съемки «Качая железо» и прощание с культуризмом
  - Глава 10: Сталлоне, фильм «Качая железо» и Сью Мори
  - Глава 11: Мария
  - Глава 12: Мария и Сью
  - Глава 13: Австралия. Возвращение
  - Глава 14: «Джейн Менсфилд» и «Конан-Варвар»
  - Глава 15: «Конан-Разрушитель»
  - Глава 16: Джит
  - Глава 17: Арнольд, Бриджит, Мария и Сталлоне
  - Глава 18: Свадьба. Подарок Курта Вальдхайма
  - Глава 19: Май 1986-Февраль 1990
  - Эпилог
  - Фотографии
- notes
  - 1
  - 2

Венди Лей Арнольд

Пролог

26 апреля 1986 года в римско-католической церкви Святого Франциска Ксавьера в Хайяннисе Арнольд Шварценеггер венчался с Марией Шрайвер. Слетевшиеся со всего мира на свадьбу в Масачусетс журналисты были убеждены, что уж они-то знают каждую мельчайшую подробность жизни жениха. Родом из заброшенной австрийской деревушки, в двадцать один год он, никому неизвестный культурист, прибыл в Америку без гроша в кармане, но с извечным арсеналом иммигранта — надеждой, тщеславием и беспредельной верой в Великую Американскую Мечту. Это теперь, благодаря врожденным достоинствам — трудолюбию, таланту, обаянию, уму, настойчивости и доброму отношению к людям, имя Арнольда Шварценеггера стало легендой и вошло в каждый дом. История его жизни завораживает миллионы поклонников во всем мире. Удостоенный семь раз звания «Мистер Олимпия», он стал первым атлетом, которому удалось превратить спортивные подмостки в источник золотого дождя. В то время как Джонни Вайсмюллер, Рег Парк, Стив Ривс, Джим Браун, Фред Уильямсон, О. Дж. Симпсон и Мерлин Олсон остались на обочине кинематографа, Арнольд преуспел в штурме серебряного экрана, получая сногсшибательные гонорары в 10 миллионов долларов за фильм.

Арнольд Шварценеггер — это олицетворение классического героя, из нищего ставшего богачом. Он покорил Америку. И вот теперь, через восемнадцать лет после того, как он впервые вступил на ее землю. Арнольд вот-вот станет обладателем самой драгоценной жемчужины — предмета обожания многочисленных романтических воздыхателей Америки, племянницы Джона Ф. Кеннеди — Марии Шрайвер. В глазах прессы история Арнольда Шварценеггера — это великая американская сага борьбы за выживание, триумфа и успеха, вдохновляющая сказка про иммигранта, не упустившего свой шанс. Однако это далеко не вся истина. Пока гости, затаив дыхание, ожидали появления невесты в церкви, сторонний наблюдатель мог бы классифицировать их на группы и группки, где каждый человек представлял собой часть прошлого Арнольда и таил бы в себе один из множества ключей к постижению его жизненного пути. Присутствие этих людей было не только ярким свидетельством одного из самых восхитительных качеств Арнольда Шварценеггера — его верности своим друзьям, но и неизменной привязанности к тем, кто помог ему достичь колоссального успеха. Они приехали отовсюду — из Германии и Австрии — свидетели его нелегкого прошлого. Тут была и группа

британских культуристов во главе с Уэгом Беннеттом, ревностно хранящая тайны юношеских ошибок Арнольда. И американские культуристы — знавшие Арнольда по первым годам пребывания в Штатах, когда он потерпел поражение. И те, не верящие в него, кого он затем завоевал и подчинил себе. Такие знаменитости, как Энди Уорхол и Грейс Джоунс, ныне равные ему и знающие Арнольда только как кинозвезду, такие бизнесмены, как Джим Лоример, помогавшие Арнольду нажить миллионы благодаря сделкам с недвижимостью и конкурсам культуризма, а теперь превозносящие его финансовую проницательность.

И, разумеется, здесь собрались все Кеннеди и Шрайверы: Жаклин Кеннеди Онассис, Кэролайн, Джон-младший, Тедди, Джоан и Этель, отец Марии — Сарджент Шрайвер и ее мать Юнис, когда-то любимая сестра Джона Фитцджеральда Кеннеди. Эта группа, как мог бы заметить сторонний наблюдатель, на первый взгляд, — самая престижная на свадебных торжествах Шварценеггера. Но в то же время и они, и сама невеста, видимо, знали о женихе меньше, чем кто-либо из присутствующих. Только двое из гостей, вероятно, более других имели представление о подлинной жизни Арнольда: лучший из лучших его друзей — Франко Коломбо, «кровный брат» Шварценеггера, чья карьера культуриста зеркально отражала его собственную, и родная мать — Аурелия, ослепительная в своем сиреневом платье, укрытая от холодной не по сезону погоды Новой Англии норковой шубой до пят, вероятнее всего, подарком сына. Когда Аурелия смотрела, как Арнольд и Мария идут к алтарю церкви, где в свое время Бобби и Джек Кеннеди помогали священнику, она, должно быть, изумлялась, как высоко вознесла ее судьба, благодаря тому, что высоко вознесла Арнольда. Ведь на этот раз кавалером Аурелии был сам Тедди Кеннеди, Густав, муж Аурелии и отец Арнольда, умер четырнадцать лет назад. Но, может быть, его душа наблюдала за происходящим. И, может быть, только Густав понял бы и оценил происходящее, аплодируя невероятной одиссее, перенесшей его сына из крохотной австрийской деревушки в Америку. Ведь Арнольд являл собой не только блеск и надежду, но также безжалостность и невидимую сторону Американской Мечты, мечты, которая, в конце концов, забросила его в самую сердцевину одного из могущественнейших семейств Америки. Только Густав мог бы в полной мере оценить блистательный триумф воли, которая дала имя Арнольду Шварценеггеру.

Глава 1: «Горы как львы»

Очаровательная австрийская деревушка Таль, раскинувшаяся в предместьях Граца, на земле Штирии, могла бы стать идеальной натурой для съемок фильма «Звуки музыки». Окруженная волнами холмов, озерами, горами и пышнозелеными лесами, Таль — воплощение безмятежности. Лошади пощипывают травку в нескольких шагах от центра деревни, где прохладной штирийской весной цветут кусты сирени и огненножелтые лютики тянутся вверх под раскидистым дубом, укрывающим их тенью, как это было десятилетия назад, и ничего не изменится впредь. И если красота Таля и его окрестностей может по праву соперничать с любым пейзажем, запечатленным в «Звуках музыки», то и Густав Шварценеггер, отец Арнольда, наверняка, мог бы соперничать с Кристофером Пламмером в роли капитана Фон Траппа. Во всяком случае, и внешний вид, и обаяние и военная выправка были у Густава не хуже. Высокий, привлекательный и широкоплечий, он занимал должность начальника полиции и держался гордо, больше походя на князя из какой-либо оперетты Франца Легара. Еще ребенком он привлек внимание императора Франца-Иосифа своей внешностью и благородством. Летний дворец Франца-Иосифа стоял неподалеку от дома Густава. Отец рассказывал Арнольду, как император пригласил его однажды прокатиться в королевской карете. Густав надолго запомнил ощущение приближенности к всесильному императору, после чего власть, во всех ее проявлениях, завораживала, его на протяжении всей жизни. Он был человеком контрастов — служака-военный и изящный денди, одевавшийся столь изысканно, что вполне заслужил бы прозвище «австрийского Кери Гранта». Обремененный земными заботами о семье, Густав был в то же время интеллигентным и обходительным человеком. Играл на шести музыкальных инструментах, превосходно владел флюгель-горном, исполняя на нем все, что угодно, от военных маршей до австрийской народной музыки. Музыка была его величайшей отрадой, центром всего существования. Поэтому в 1935 году он вошел в состав полицейского оркестра при жандармерии Граца, часто дирижировал им и до конца жизни не оставил своих товарищей оркестрантов. Однако не только этим оркестром ограничились интересы Густава Шварценеггера. Когда в Австрии создавалась нацистская партия, восемьдесят девять процентов населения бойкотировали ее, а вот Густав Шварценеггер подал заявление и 4 июля 1938 года стал членом партии. С 1933 по 1938 год

нацистская партия в Австрии была запрещена. Но как только в марте 1938 года Австрию захватила Германия, этот закон был отменен, что дало как старым нацистам, так и новым их последователям возможность официально оформить свое членство в отныне уже легальной партии. Густав, хотя и принадлежал к австрийскому полицейскому корпусу, но вовсе не был обязан состоять в нацистской партии. Его вступительное заявление было бы немедленно отклонено, если бы в жилах Густава не текла чистая арийская кровь. Но в данном случае не могло быть никаких сомнений, Шварценеггеры (в буквальном переводе — «черные пахари») вели свою родословную на протяжении семи поколений и все, за исключением одного из предков, который прибыл в Австрию из Чехословакии, происходили из Штирии. Штирия, федеральное графство Австрии в юго-восточной части страны, граничит с Венгрией на востоке, Югославией на юге и австрийскими землями на западе и севере. Штирийцы гордятся своей независимостью и, в отличие от легкомысленных венцев, более патриотичны, ценя в себе, прежде всего, так называемый harter Kern («Твердый центр»). У них есть свой национальный костюм, который все они, в том числе и Арнольд, одевают по торжественным случаям. Говорят они на своеобразном диалекте, распространенном только в Штирии, и чужаки, с их «верхненемецким» наречием не всегда понимают штирийцев. Семья Шварценеггеров происходила из Нойберга, расположенного поблизости от Мюрцзушлага к северо-востоку от Граца, где они слесарили и выплавляли сталь. Отец Густава — Карл умер молодым, став жертвой несчастного случая. Он был крупным, сильным человеком, и, как гласит семейное предание, от него Арнольд унаследовал свою физическую силу и мощь. Мать Густава — Цецилия Хинтерлейтнер, всегда одетая в элегантные голубые шелка, тоже была статной женщиной, дожившей до восьмого десятка, умудрившись избежать морщин. От Карла Цецилия имела трех сыновей — Франца, Алоиза, Густава — и дочь Циллию. Незадолго до смерти Карл Шварценеггер работал несколько лет в Вене на сталелитейном заводе Шмидта, оставив детей на воспитание бабушке. Густав в течение некоторого времени следовал по стопам отца, став металлургом. Затем он пошел служить в австрийскую армию, пышная форма которой идеально отвечала его воспоминаниям о прогулке в королевской карете. В нем всегда жил артист, обожающий внимание. В более поздние годы, когда его старший угрюмый брат Франц впадал в депрессию, Густав всегда готов был подбодрить его шутками. Атлетически сложенный, чемпион в игре керлинг, Густав получил прозвище «домашнего

джентльмена» и отнюдь не торопился жениться. Как впоследствии и его сын Арнольд, он только к тридцати восьми годам пришел, в конце концов, к алтарю. Густав повстречал вдову некоего Герра Бармюллера — Аурелию Ярдни, уроженку Нойнкирхена близ Вены, в Мюрцштеге (область Штирия). Ясноглазая брюнетка с крупными, выступающими вперед зубами, она в то время работала в военном ведомстве, распределяя продовольственные карточки. Хотя те, кто был знаком с Густавом и Аурелией, прекрасно знали, что Густав служил в военной полиции, дислоцированной в Бельгаи, Аурелия утверждала, что, встретившись с ним после войны, она абсолютно не представляла, чем конкретно он занимался в военное время и даже в какой стране служил. Как бы там ни было, Густав и Аурелия поженились в Мюрцштеге 20 октября 1945 года. Как относился к своей службе в годы войны Густав, неизвестно. Однако его решение вступить в нацистскую партию кое-что говорит о его политических взглядах. Хотя, как уже было сказано, значительная часть австрийцев не стали нацистами, многие из них, в особенности штирийцы, восторженно приветствовали вступление Гитлера в их столицу Грац. Энтузиазм жителей Граца настолько воодушевил Гитлера, что он даровал городу почетный титул «Die Stadt der Ehrenbung» («Великий город» — нем.). Австрийцы и поныне помнят триумфальный въезд Гитлера в Грац, когда толпы народа высыпали на улицы. Люди взбирались на фонарные столбы, чтобы хоть краешком глаза увидеть фюрера, и кричали «Зиг хайль». Уровень безработицы в Штирии был высок, а рассказы о процветании государств под сенью «третьего рейха» широко распространялись. Так что в надежде на обеспеченное будущее штирийцы поддержали Гитлера. Ведь он не только обещал им рабочие места, но с вступлением в гитлеровскую молодежную организацию вселял в их сыновей гордость и надежду, не говоря уже о красивой форме и блестящем кинжале. Все это помогало забыть окружающую их беспросветную нищету. Кроме того, Гитлер, как и они, был австрийцем и в своей военной форме выглядел молодцом. Он казался им таким величественным, что даже тридцатью годами позже Арнольд якобы рассказывал своей подружке Сью Мори, как его мать, увидев Адольфа Гитлера, чуть было не упала в обморок от восторга. В конце войны Аурелия и Густав переехали в Таль, насчитывавший в 1947 году около тысячи двухсот жителей. Здесь они поселились на втором этаже дома, полагавшегося Густаву по его новой должности — начальника полиции. Старинное здание за номером 145 по улице Таль-Линак принадлежало когда-то представителю местного высшего света барону Герберштейну.

Холодное, с голыми деревянными полами, без центрального отопления и водопровода. Аурелия ходила по воду к источнику за сто пятьдесят ярдов от дома и отдавала одежду и белье, хотя по временам стирала сама, в местную прачечную. Ей приходилось все время бегать вверх-вниз по лестнице, принося воду или подавая еду, и с течением времени он нажила болезнь сердца. Она была покорной женой, готовой всегда повиноваться своему второму мужу и следовать установленным им правилам. Ее роль сводилась к готовке, уборке, стирке, вязанью, шитью и штопанью. Она была буквально помешана на чистоте — черта, которую унаследовал и ее сын Арнольд — постоянно приводила в порядок прическу, тщательно ухаживала за руками, внимательно следила за тем, чтобы ботинки и пряжки ремней Густава были надраены до блеска, а яблочные струдели испечены, и каждый день, до работы, приносила мужу чистую рубашку. Деньги для Шварценеггеров всегда были проблемой, поскольку Густав зарабатывал не более 250 долларов в месяц. Работа его, однако, отнюдь не обременяла, так как в обязанности тальской жандармерии входило, главным образом, наблюдение за туристами, ходившими по воскресеньям из Граца в Таль, чтобы искупаться в озере Талерзее. Рука у Густава, как начальника, была, можно сказать, тяжелая, и подчиненные — Фредерик Гзольц, Франц Стамплер и Антон Шпулер — побаивались его. Нрав начальника был крутой, и именно это, по слухам, привело однажды к серьезной перебранке с важным британским комиссаром, квартировавшим после войны в Тале. Впрочем, вспыльчивость была, вероятно, не единственным поводом конфликта Густава с британским чиновником. Второй причиной вполне могло послужить его пристрастие к спиртному. Рабочий день Густава в тальской жандармерии начинался обычно в одиннадцать утра с булочки и сосиски на завтрак. Затем он не отказывал себе в выпивке, В сороковые — пятидесятые годы жители Таля, деревушки без кино и даже регулярного автобуса до Граца, вовсе не чурались алкоголя, а Густав в этом плане превосходил любого тальца, Очевидец, иногда доставлявший его домой после очередного возлияния, вспоминал: «Густав мог выпить два литра вина, а затем сказать: „А теперь, выпью-ка я еще, протрезветь надо“. Но очень часто он напивался так, что уже не понимал, где находится, и вообще едва держался на ногах. Аурелия буквально дрожала от испуга, когда он приходил пьяным, поскольку Густав в этом состоянии был страшен». Временами, однако, жизнь улыбалась Аурелии, особенно когда они с Густавом коротали вечерок в тальской пивнушке Шротта или Крайнера. Погожими летними днями Шварценеггеры

выбирались на Талерзее. Озеро и сегодня окружено деревьями и дышит покоем, который нарушает только кряканье уток. Парочки по берегам замирают в поцелуе или заглядывают на террасу приозерного ресторанчика, где можно пропустить кружечку пивка и посмотреть на детишек, катающихся на лодках. Здесь Аурелия иногда помогала на кухне, скорее всего для того, чтобы укрыться от пьяных тирад своего мужа, разносившихся по всей безмятежной округе. Как потом оказалось, озеро Талерзее сыграло важную роль в необычайной и полной чудес судьбе Арнольда Шварценеггера. Арнольд Шварценеггер родился в 4 часа 10 минут утра 30 июля 1947 года. Его старший брат, Мейнард, родился годом раньше 17 июля. Психологи утверждают, что любимчиком у обоих родителей обычно становится младший ребенок. Однако, хотя Арнольд (как и его мать и отец) родился под знаком Льва, он никогда не был сувереном в замке своего детства. С самого начала вся любовь отца доставалась Мейнарду, который был в центре внимания, в то время как Арнольда частенько отправляли к дядюшке Алоизу в Мюрцушлаг. Такое отношение Густава к младшему сыну было явным и неприкрытым, основанным на ничем не обоснованных подозрениях. Ночами, будучи в сильном подпитии, Густав рвал и метал, понося Аурелию за то, что она будто бы родила Арнольда, этого ублюдка, неизвестно от кого. Судя по фотографиям Аурелии сороковых годов, она выглядела отнюдь не гулящей женщиной, и все свидетели ее жизни утверждают, что она хранила верность мужу. Густав же воспринимал свою Рели, как он ее называл, не иначе как безраздельную собственность. Аурелия родилась в 1922 году и была на пятнадцать лет моложе своего строптивого мужа. Разница в возрасте, должно быть, только подогревала его алкогольный бред. Его ревность доходила до маразма, до запрета надевать даже летом платья без рукавов, чтобы идти в церковь. Когда Арнольду исполнилось три года, Густав стал еще более несносным, и на дом Шварценеггеров обрушивались столь мощные волны несчастья, что даже дети интуитивно ощущали их. По ночам маленький Арнольд просыпался от кошмаров. Он горько плакал, испуганный и покинутый всеми. Но никто — ни отец, ни мать — не приходили, чтобы утешить его. Детство наложило на психику Арнольда неизгладимый отпечаток, и, даже став взрослым, он безжалостно и неустанно продолжал добиваться внимания, которого когда-то желал так страстно, но не мог получить. Со дня рождения Мейнард был признан очаровательным, а Арнольд казался заморышем. Даже Аурелия уделяла больше внимания старшему сыну, придумав ему ласковое прозвище Мейнхардль («Мое

сердечко» — нем.). Внешне, однако, она относилась к мальчикам одинаково, пряча их локоны и храня первые молочные зубки. В погоне за равенством, она считала необходимым подравнять обоих детей. И если один мальчик рос быстрее, чем другой, она усиленно кормила второго. Мейнард, тем не менее, был здоровее Арнольда, который часто болел. В те годы в Тале детские недомогания зачастую могли оказаться смертельными — ведь в деревне не было врача; и когда у Арнольда вдруг среди ночи поднималась температура, жизнь его зависела иногда от того, как быстро отец взгромоздит мальчика себе на плечи, чтобы отнести к доктору в Грац. Когда Арнольду исполнилось шесть лет, Густав взял его с собой в город, чтобы показать бывшего пловца-олимпийца, ставшего голливудским актером, Джонни Вайсмюллера, прибывшего на открытие плавательного бассейна. Что Арнольд подумал тогда о Вайсмюллере — об этом история умалчивает. К этому времени он, вслед за Мейнардом, пошел в школу Ганса Гросса в Тале. Учеба продолжалась с восьми утра до часу-двух пополудни, Арнольд добегал до школы за десять минут. С братом они делили скромную спальню, окна которой выходили к руинам древнего замка. Арнольд в то время был застенчивым маленьким мальчиком с оттопыренными ушами, носившим толстые очки. Рядом с братом, светловолосым очаровашкой, в своих кожаных рейтузах прямо-таки списанным с идеального австрийского ребенка, Арнольд выглядел неудачником, обреченным быть всегда «вечно вторым». Друг его отца, зная об отношении Густава к своему младшему сыну, жалел Арнольда и называл его «золушкой».

При виде отца мальчик буквально цепенел от ужаса, независимо от того, ругал ли его Густав или просто спрашивал о чем-либо. Знакомый Арнольда и его отца вспоминает такую сцену: «Арнольд был несчастным ребенком. Даже в десять лет он страшно боялся отца. Как-то раз ему пришлось прийти за отцом в полицейский участок. И только он успел вымолвить „папа, папочка“, как Густав в ответ грубо рявкнул: „Арнольд что ли? Ну, чего тебе?“ Арнольда бросило в дрожь, и от страха перед отцом он намочил в штаны». Дисциплинированность Густава Шварценеггера вошла в поговорку среди его друзей, соседей и коллег. Как только мальчики начали мыслить самостоятельно, он стал излагать им свое кредо: счастья можно достичь лишь силой и страданием. Невзгоды и боль — это препятствия, которые следует выдержать, превозмочь и победить. Власть и победа — превыше всего. Всю рабочую неделю Арнольда и Мейнарда поднимали с кроватей в шесть утра. Потом они ходили за молоком и, прежде чем направиться в школу, завершали все дела

по дому. Иногда Густав подвергал мальчиков, чуть ли не солдатской муштре, требуя, например, чтобы они ели, зажав подмышками по книге, и не могли тем самым класть локти на стол. Есть, однако, основания полагать, что Арнольд временами восставал и небезуспешно. Например, когда взрослые задавали ему извечный вопрос «Кем ты хочешь быть, когда вырастешь?», Арнольд громко объявлял: «Я не хочу ничему учиться и не хочу никем быть. Единственное, чего мне хотелось бы, так это ходить по миру с палкой, шляпой и обезьянкой». При этом он, вероятно, очень хорошо сознавал, что Густав, с его амбицией, меньше всего хотел бы услышать такой ответ. Выходные дни не приносили мальчикам избавления от жестокого прессинга отца. Каждое воскресенье Арнольду и Мейнарду разрешалось выбрать между прогулкой по окрестностям, визитом на ферму и поездкой в Грац на спектакль, выставку или в музей. Если же Густав играл в полицейском оркестре, мальчики должны были обязательно слушать его. Каким бы приятным ни был выход в свет, все его радости меркли перед страхом последующего дня, когда оба мальчика должны были писать ненавистное сочинение, описывающее в мельчайших подробностях прошедшие экскурсии. И через многие годы Арнольд никак не мог избавиться от этого чувства и получить полное удовольствие от прожитого дня. Когда он побеждал в конкурсе культуристов, обычной реакцией было безрадостное: «Подождем до следующего года!» Густав требовал, чтобы сочинения мальчиков были не меньше десяти страниц. В понедельник утром он проверял каждую страничку одну за другой, исправляя ошибки красным карандашом, пока мальчики с замиранием сердца наблюдали за отцом, зная, что даже одна ошибка в правописании повлечет за собой приказ переписывать это слово пятьдесят раз. Ошибки, какими бы незначительными они ни были, никогда не прощались. Мейнард всегда делал меньше ошибок, чем Арнольд. Густав поощрял безудержное соперничество между сыновьями. Не лишенный способности быть обаятельным и обходительным, Густав радостно наблюдал, как двое мальчишек лезли из кожи вон в стараниях превзойти друг друга в беге, боксе, лыжных гонках и в учебе, отчаянно нуждаясь в его одобрении. Каждое состязание начиналось с ироничного возгласа Густава: «Ну-ка, посмотрим, кто у нас лучший!» Вне всякого сомнения, — и Арнольд подтверждал это позже, — оба мальчика выбивались из сил, стремясь показать отцу свое превосходство. Арнольд, конечно, должен был сражаться более яростно, чтобы как-то выделиться, поскольку знал, что Мейнард занимал в сердце отца куда большее место, чем он. Его бои были упорнее, его старание победить брата — более отчаянным, его

потребность завоевать любовь своего отца — куда сильнее. Когда какое-либо состязание заканчивалось, Густав награждал победителя. Проигравшему доставалась лишь презрительная усмешка. С инстинктивным стремлением унизить сыновей, которое таилось где-то в самой глубине его души, Густав заставлял потерпевшего поражение брата встать перед победителем и признать его верховенство. Затем спрашивал: «Итак, скажите мне, кто из вас лучший?» Слова эти бередили раны маленького неудачника. Арнольд не всегда проигрывал. Однако он постоянно должен был ощущать, что отец не старается высказать ему свое одобрение и любовь, в которых он так нуждался. Даже если ему доводилось услышать столь желанные слова: «Да, теперь ты и в самом деле победил своего брата», бой вовсе не кончался. Впереди был следующий, другое состязание, очередная возможность обойти своего брата, завоевать любовь отца и доказать, что он лучший. На протяжении всей юности Арнольда состязания эти продолжались, выковывая в мальчике ту спортивную злость, про которую он потом как-то скажет, что она глубоко въелась в его сердце. В десятилетнем возрасте наиболее примечательным талантом Арнольда стали успехи в рисовании, но, кроме этого, школа не приносила ему особого удовольствия и не была для него убежищем от всех невзгод его жизни с не знающим никаких компромиссов выпивающим отцом, забитой матерью и куда более любимым, чем он сам, братом. Да, у него были друзья, и он часто ходил с ними на Талерзее кататься на коньках зимой, плавать и грести летом. Он освоил настольный теннис, ходил в походы по лесам, окружавшим Таль, иногда играл в полицейских и разбойников с Фредди Каттнером, который был примерно его возраста. При этом Фредди очень устраивало, что Арнольду всегда было безразлично, кем быть — полицейским или разбойником. Кроме детских игр, в жизни Арнольда, собственно, и не было других радостей, и с его желаниями, как правило, никто не считался, Шварценеггеры, оба правоверные католики, всегда брали мальчиков в церковь по воскресеньям и отмечали религиозные праздники, однако никогда не придавали особого значения дням рождения братьев просто потому, что были не в состоянии позволить себе купить им подарки.

Мясо на столе — обычно венский шницель — появлялось только по воскресеньям. Оставлять пищу недоеденной считалось в доме преступлением, поскольку у Шварценеггеров не было холодильника. Одним из самых ярких моментов юности Арнольда был для него день, когда семья купила, наконец, холодильник. Все суетились вокруг него, охваченные ощущением происшедшего

чуда. Появление холодильника сразу же напомнило о других материальных благах, которых семья была лишена. Возможно, этот факт впервые пробудил в Арнольде желание зарабатывать деньги и приобретать вещи. Само собой разумеется, у Шварценеггеров не было телевизора. По иронии судьбы, Арнольд, который в более поздние годы успешно завоевывал американскую аудиторию именно благодаря телевидению, вырос без него, имея возможность слушать только радио. Однако Арнольд нашел уникальный выход из положения, благодаря которому обеспечил себя на всю последующую жизнь. Сегодня бывшим одноклассникам Арнольда по школе Ганса Гросса уже перевалило за сорок, и они испытывают благоговейный трепет перед своим знаменитым однокашником. 0ни охотно рассказывают о нем, но в то же время постоянно боятся выболтать что-нибудь лишнее. Моника Циммерманн, тальская дама средних лет, еще и сейчас напоминающая сельскую школьницу с ее постоянными шуточками, вспоминая об Арнольде, отмечает его врожденное чувство юмора, умение развеселить друзей. И сразу же она наталкивается на предупреждающий взгляд дочери бывшего директора школы, которая что-то тоже хочет рассказать об Арнольде. Фрау Циммерманн сразу же прикусывает язык, но, несколько поломавшись, с охотой вспоминает, как Арнольд однажды стоял у дверей кондитерской и выпрашивал у прохожего несколько шиллингов на пирожные. Затем, поразившись собственной смелости, с которой она обнародовала столь незначительную мелочь, Моника прикрывает рот руками, как бы заставляя себя замолчать. Хельга Фершинк, другая одноклассница по тальским годам, продолжает: «Арнольд всегда защищал меня как самую маленькую». А Франц Хорманн, также школьный приятель, произносит: «Арнольд был самый, самый, самый». Возможно. Да, уже в ранние школьные дни воспитание Густава наложило свой отпечаток на личность Арнольда и его брата. В своей работе «Эго и механизмы защиты», в частности, в главе «Отождествление с нападающим», Анна Фрейд пишет о детях, которые боятся родителей и справляются со своим страхом, ставя себя на их место. Маленький Арнольд пытался преодолеть страх перед отцом, надевая на себя его форму полицейского и представляя себя в этой роли. А когда он подрос, его любовь без взаимности к Густаву уже не ограничивалась примеркой формы, а перешла в подражание всем его действиям. Густав научил его больше ненавидеть и унижать, чем любить. Отец терроризировал его, и теперь вдохновляемый братом Арнольд стал терроризировать других. Не без влияния Мейнарда, он начал дразнить и мучить своих товарищей точно так же, как Густав

мучил его раньше и продолжал издеваться над ним теперь. Однажды сосед Густава увидел, как Мейнард и Арнольд стегали девочек жгучей крапивой. Возмущенный, он пожаловался Густаву, который вызвал Арнольда для объяснения. Тот все отрицал, и Густав, заявив во всеуслышанье, что он верит сыну, не стал разбираться дальше. После этого случая люди предпочитали сначала подумать, прежде чем идти жаловаться Густаву на его сыновей. Когда Арнольд покинул школу Ганса Гросса, чтобы поступить к Фребелю в Граце, ее директор Герр Станцер сказал своему приятелю, что он молит Бога за избавление от юных Шварценеггеров. Мейнард был отдан в школу Маршалла, однако вскоре был исключен за нарушение дисциплины и направлен в исправительное заведение. Он стал настоящим хулиганом, а Арнольд, хотя и избежал участи брата, но ничему так и не научился. Сосед, который уже жаловался на Арнольда, вскоре вновь стал свидетелем, как Арнольд, которому не исполнилось еще и пятнадцати, подошел на автобусной остановке к двенадцати-тринадцатилетней девочке, выхватил ее набитый книжками портфель и закинул его в реку. Временами Густаву было непросто игнорировать проступки своих сыновей. Он был на вершине власти, полубог в маленьком мирке Таля, где, как начальник полиции, воплощал верховную власть. Но Арнольд и Мейнард стали наводить ужас на все местечко. В конечном итоге Густаву пришлось признать справедливость жалоб своих соседей. Один из них рассказывал про случай, свидетелем которого был: «Арнольд и Мейнард учились уже в старших классах, когда это случилось. Молочник ехал по улице, и тут братья перегородили ему дорогу и без всякой видимой причины не давали проехать. Они избили его до крови. Все же молочник ухитрился вырвать портфель у одного из мальчишек. Весь в крови подъехал он к полицейскому участку. Густав, прочитав на портфеле имя сына, не мог опровергнуть показания молочника. Он упросил его не давать делу хода. Однако и на этот раз Арнольда и Мейнарда не наказал». Так Арнольд обучался тому, что такое власть. Этому уроку он нашел достойное применение в дальнейшей жизни. Да, он боялся отца, но власть отца оберегала его. Мейнард тоже привык использовать служебное положение Густава. Житель Таля, хорошо знавший братьев, вспоминал: «Когда Мейнарду было двенадцать или тринадцать лет, пожилая супружеская пара Шинерль, которым было уже за восемьдесят, встретилась с ним на улице. Мейнард плакал. Он подошел к ним и жалобным голосом сказал: „Моя бабушка умерла, мои мама и папа на похоронах. Я хочу купить венок для бабушки, но здесь нет никого из родных, а у меня нет денег. Фрау Шинерль, не могли бы вы одолжить мне

пятьсот шиллингов?“ Шинерли жили на пенсию. Пятьсот же шиллингов были по тем временам огромные деньги. Рассказ о смерти бабушки был примитивным обманом, но Мейнард оказался хорошим актером. Когда отец узнал об этом, он пальцем о палец не ударил, чтобы наказать сына». Казалось, Густав вообще не наказывал своих сыновей за проступки. «Именно поэтому Шварценеггеров в Тале ненавидели. Теперь каждый их любит, а сорок лет назад никто не хотел иметь с ними ничего общего», — закончил рассказчик. Арнольд частенько участвовал с братом в его сомнительных проказах. Но он все равно был лишь вторым и никак не мог добиться похвалы от своего отца. Тогда он стал посещать атлетический клуб в Граце, где играл крайним нападающим в местной футбольной команде. К тринадцати годам Арнольд накопил достаточно спортивной злости, которую так упорно взращивал в нем Густав. Однако игра в команде уже не удовлетворяла Арнольда. Воспитанный эгоистическим отцом, он стремился выделиться только в одиночку. В то же время, если Густав увлекался искусством, то его сын возненавидел классическую музыку, живопись и театр. Несомненно, в не меньшей степени возненавидел он потом и Густава. В этом возрасте, стремясь избавиться от страха перед Густавом, Арнольд стал погружаться в безудержную фантазию, мечтая о том, как он станет и выше, и сильнее, и мужественнее своего отца. Пример он видел в легендарных сверхлюдях. Сперва это был Зигурд, человек-мускул из комиксов, а затем и другие мифические персонажи, обитавшие будто бы в Черных Лесах Германии. Вскоре, однако, он убедился, что у героев комиксов существуют реальные прототипы — кинозвезды. Он начал посещать дешевые кинотеатры, например, Гайдорфа в Граце, где билет стоил всего шесть шиллингов, и буквально пожирал глазами фильмы с Джоном Уэйном или Вайсмюллером в роли Тарзана, или со Стивом Ривзом и Регом Парком в «Геркулесе». Не считаясь с установившимся мнением, Арнольд отдавал предпочтение Парку, а не более популярному Ривзу, будучи убежденным, что Парк — это сила. Он смотрел «Геркулеса» неоднократно, часами изучая Парка, оценивая его, восхищаясь им и, в конечном итоге, внушив себе, что он, Арнольд Шварценеггер, пока еще бедный тринадцатилетний мальчишка, в конце концов, станет похожим на Рега Парка и даже превзойдет его. Арнольд интуитивно чувствовал, что избавится от страха лишь тогда, когда заберется на самый верх. Он дал себе слово, что никогда не будет похожим на других людей. Ведь он, Арнольд Шварценеггер, рожден, чтобы отличаться от других, быть могущественным, вращаться среди той маленькой части людей, которые повелевают, а не той

большей части, которая следует за ними.

Короче, по его собственным словам, он выбрал в те далекие годы некий образ, объединивший в себе Зигурда, Геркулеса и Рега Парка. Он и сейчас, по всей видимости, убежден, что сам решил свою судьбу. На самом же деле, весь его жизненный путь и даже внутреннее противостояние отцу определялись тем кредо, которое воспитал в нем его родитель: путь силы, состязания и победы превыше всего; он приведет к тем людям, которые стоят много выше других. Но как бы сильно ни не ненавидел Арнольд своего отца, казалось, две мрачные силы будут вечно бороться друг с другом в его душе: желание уйти от отца и подсознательное стремление быть похожим на него. Избранный им путь заставлял Арнольда отождествлять себя с отцом. Пусть он ненавидел Густава, но и убежать от него ему не удавалось. Долгими вечерами в унылом кинотеатре Граца тринадцатилетний Арнольд, возможно, уверовал, что сумеет избавиться от накинутой отцом на его душу петли, вырвется из-под удушающей власти Густава и, став суперменом, укроется от него навсегда. В кинотеатре Арнольд создавал в себе, и был убежден в этом, сверхчеловека. Этой мечте подростка Арнольд Шварценеггер остался верен на всю свою дальнейшую жизнь.

Глава 2: Побег из Таля

В тринадцать лет Арнольд решил покинуть Таль, оставив позади тиранию пьяницы отца и нищету семьи. Но сначала надо было перебраться из Таля в Грац — недолгое путешествие в несколько миль, но фактически — в другой мир. Первое из трех путешествий, которые предстояли Арнольду, прежде чем он найдет дорогу к сегодняшнему успеху. Первое и, возможно, наиболее трудное. Таль, с его извилистыми улочками без тротуаров, представлял собой типичную сельскую общину, столь тихую, что трудно было поверить, что Грац, крупный город, находится рядом. Стоило пять минут проехать на машине (Арнольд в те дни частенько ходил пешком), как сельский пейзаж начинал меняться: откуда ни возьмись появлялись рекламные щиты, тротуары, уличное движение и дома. Затем, миновав торговый квартал, вы попадали на окраины Граца — в закопченные проулки с оранжево-розовыми, серыми и желтыми зданиями и множеством велосипедистов. Грац — город скорее Центральной, чем Западной Европы, и больше напоминает Вену из фильма «Третий человек», чем Лондон или Париж. В городе жило, однако, множество народу, которые никогда не видели Лондона, Парижа или даже Вены (всего в 134 милях отсюда), не говоря уже о Нью-Йорке и Голливуде. Даже сегодня, через тридцать лет после того, как Арнольд перебрался из Таля в Грац, женщины средних лет — его ровесницы — все еще ходят по улицам города в национальных костюмах с буфами на рукавах и платьях ниже колена, вполне довольные тем, что они никогда не покинут Граца, не говоря уже об Австрии. Витрины заставлены Mozart Kugeln (Букв. «Шарики Моцарта» — нем. — традиционные австрийские сладости), цветочницы торгуют своим товаром прямо на улице, а туристы заполняют уличные кафе, лакомясь штирийскими деликатесами — пикантным чесночным супом, сырным супом и толстыми побегами белой спаржи, лопающимися от сока. Грац, сохранивший один из наиболее привлекательных в мире средневековый квартал, даже сегодня выглядит так, будто двадцатый век прошел мимо него. И кажется невероятным, что тринадцатилетний Арнольд оказался способным не только высунуть нос из Таля, но и решиться навсегда покинуть Грац.

Мечта стать суперменом, похожим на Рега Парка, настолько овладела всем его существом, что Арнольд твердо решил уехать из Таля. Рег Парк был культуристом — следовательно, и ему надлежит им стать. До сей поры он все время приходил к финишу лишь вторым, был беззащитен перед тиранией отца и не мог

рассчитывать на себя в жизни. Теперь у него была цель, открывался шанс. Сегодня культуристы, завидующие колоссальному успеху Шварценеггера, а таких много, зачастую обвиняют его в том, что ему все давалось легко, что он родился под невероятно счастливой звездой. Это не совсем так. Ибо уже к тринадцати годам Арнольду пришлось стать хозяином своей судьбы, режиссером своего собственного сценария. Тогда он впервые (потом ему не раз пришлось это повторять) наметил себе ту личность, на которую можно было опереться в осуществлении своих целей, и придумал план, как с этим человеком встретиться. В начале шестидесятых годов Курт Марнул, «Мистер Австрия», считался самым знаменитым культуристом в стране, своеобразным австрийским Регом Парком, которого так полюбил Арнольд. Марнул начал заниматься культуризмом в 1952 году, а в 1958 основал атлетический клуб Граца, место, где и сейчас тренируются лучшие культуристы Австрии. Арнольд, прослышав, что тренер по плаванию на Талерзее — один из приятелей Марнула, упросил, чтобы тот представил его культуристу. Уступив настойчивым просьбам Арнольда, тренер рассказал Марнулу о подающем надежды молодом культуристе, который горит желанием с ним встретиться. И вот, как-то, жарким воскресным утром (по воспоминаниям Марнула, это был июль 1961 года, хотя другие утверждают, что дело происходило в июле 62-го) Марнул, по какой-то необъяснимой прихоти — коренным образом изменившей жизнь Арнольда — решил поехать на Талерзее поплавать, а заодно и познакомиться с настырным молодым поклонником.

Арнольду, по воспоминаниям Марнула, было тогда почти четырнадцать. Тренера сразу же поразил его рост — 6 футов и 2 дюйма, Марнул отметил, что Мейнард, пришедший вместе с братом, отличался лучшим сложением, чем Арнольд, и представлял собой классический тип для занятий культуризмом — с более развитой мускулатурой и узкими бедрами. Но очевидным было и то, что Арнольд выглядел серьезнее. В то время как внимание Мейнарда то и дело отвлекали красивые девушки, купающиеся в озере. Арнольд был сосредоточен и всем своим видом показывал, что только и мечтает стать культуристом. Марнул пригласил обоих в свой клуб на тренировки. История спорта, которому готов был посвятить себя Арнольд, восходит к временам Древней Греции, где молодые люди совершенствовали свое тело, наращивая мускулатуру. Он возродился в конце XIX века, когда силач Сандов показывал такие великолепные силовые трюки, что заслужил покровительство некоторых европейских коронованных особ. Флоренц Зигфилд

назвал его «Поразительный Сандов» и привез в Америку как сильнейшего человека в мире. Зигфилд ангажировал его на Всемирной ярмарке 1893 года в Чикаго, где тот продемонстрировал свою невероятную силу, поднимая тяжести, людей и даже животных. За Сандовым последовал экс-борец Бернар Макфадден, который основал первый в Америке журнал по культуризму под названием «Физическая культура». Он также провел в 1903 году в Мэдисон-сквер-гарден первый в Америке спортивный конкурс среди мужчин, собравший толпы народа. Победитель — Эл Трелор — получил приз в тысячу долларов и титул «Самого совершенного мужчины Америки». По ту сторону океана, в Англии, первый британский конкурс культуристов состоялся в Альберт-холле в Лондоне в 1905 году. Следующим выдающимся культуристом стал Анжело Сицилиано. Он взял себе псевдоним «Чарльз Атлас» и заработал состояние, продавая пособия по «динамическому напряжению» и завоевав титул «Самого великолепно сложенного мужчины мира» в 1922 году. В 1939 году Союз спортсменов-любителей (ССЛ) организовал свой первый конкурс на звание «Мистер Америка». Однако к этому виду спорта продолжали относиться как чему-то мало серьезному, не было у него и сколько-нибудь значительного числа последователей. Только с началом второй мировой войны американцы встряхнулись и осознали, что как сам культуризм, так и просто физические упражнения весьма полезны. В Калифорнии, на Мускл-бич, к югу от причалов Санта-Моники, сформировался центр разрастающейся вселенной культуризма. Проезжая на красном трамвайчике в направлении Мускл-бич, пассажиры могли услышать клацанье дисков задолго до прибытия к месту назначения. Теплыми летними ночами сотни людей проводили время на пляже. Они читали, закусывали и отдыхали. Во время войны отели близ Мускл-бич служили сборными пунктами перед отправкой военнослужащих на заморские театры боевых действий. Призывники проводили свободное время, занимаясь гимнастикой к северу от причалов. Временами тысячи солдат маршировали там и выполняли различные упражнения

В 1945 году Вик Тэнни, один из первых антрепренеров в области культуризма, открыл свой гимнастический зал в Рочестере, штат Нью-Йорк. В пятидесятые годы Тэнни, вместе с Бертом Гудричем, организовал также ряд показательных выступлений культуристов в Шрайн-аудиториум Лос-Анджелеса. К всеобщему удивлению, эти выступления собирали до шести тысяч человек единовременно. Проводились они в типично голливудском стиле, когда перед зрителями выступали не только культуристы, но и музыкальные ансамбли, трюковые силачи,

балетные танцоры и акробаты. Среди других пионеров культуризма были бывший тренер по тяжелой атлетике Боб Хоффман, а также Джо Голд, основатель гимнастического зала Голда — этой мекки культуристов, расположенной в Санта-Монике. Вместе с мужем Джейн Мэнсфилд — Микки Харджитеем, Голд когда-то выступал в группе силачей Мэя Уэста, демонстрировавших свою силу в кабаре по всем Соединенным Штатам. Последними по порядку, но не по значению, можно назвать братьев Вейдеров, Джо и Бена, двух канадских гигантов, основавших Международную федерацию культуризма (известную также как ИФББ) и издававших многочисленные журналы. И никто иной, как Джо Вейдер, впоследствии привез Арнольда Шварценеггера в Америку, добившись для культуризма его нынешней респектабельности. Культуризм стал популярен лишь недавно, признание его шло с трудом. Даже сегодня культуризму зачастую отказывают в статусе вида спорта. После второй мировой войны Алистер Мэррей, главный тренер британской национальной команды тяжелоатлетов, презрительно окрестил культуризм «бесцельным накачиванием мышц». Его рассматривали как внебрачного ребенка тяжелой атлетики. Один атлет даже воскликнул в раздражении: «За каким чертом им, культуристам, нужна вся эта мускулатура? Нет, вы меня послушайте, чем они только занимаются. Залазят на крошечный, но денежный помост и рисуются. Да-да, именно рисуются! Ла-да-ди-да». Рисовка, как подразумевалось, предполагала имитацию. Некоторые называли культуризм искусством, другие вешали на него ярлык конкурса красоты. Крепло расхожее мнение, что культуризм — это не что иное, как упражнение в нарциссизме и эксгибиционизме, проделываемые мускулистыми уродами из мяса без мозгов. Слухи о распространенности в среде культуристов и их поклонников гомосексуализма не приносили им доверия. Но никакие инсинуации не могли помешать Арнольду сделать культуризм своей профессией.

В понедельник, на следующий день после знакомства с Куртом Марнулом, Арнольд уже поджидал его на пороге атлетического клуба Граца, размещавшегося на футбольном поле «Либенауэр». В те дни клуб не мог похвастаться оснащенностью: снарядов было мало, полы — без ковров, отопление отсутствовало. В стене гимнастического зала зияла дыра, обычно заткнутая газетами, которые выдувались ветреными ночами, пуская внутрь холод, ветер и дождь, пронизывающие до костей два десятка упражняющихся культуристов. Многие годы спустя, в своей популярной автобиографии «Арнольд: воспитание культуриста» Шварценеггер утверждал, что завел много друзей

среди культуристов Граца, считавших его за своего и помогавших ему. Это, однако, не соответствовало действительности. По словам Гельмута Чернчика, тренера клуба с 1960 по 1967 год, завоевавшего титул «Мистер Австрия» в 63-м, Арнольд не произвел на спортсменов благоприятного впечатления. В первый вечер представился каждому из них, по очереди, произнося нарочитым, по мнению Чернчика, как у звонящего в каждую дверь коммивояжера, тоном: «Добрый вечер, меня зовут Арнольд Шварценеггер. Я хотел бы заниматься культуризмом». Чернчику резануло слух, что слово «культуризм» австриец Арнольд произносил на английский манер — «бодибилдинг». Впечатление было отвратное. Чернчик рассказывает: "С первого же вечера, когда он вошел в клуб, мы все решили, что Арнольд — трепло. Он был очень плохо сложен: со слегка впалой грудью, покатыми плечами и неразвитыми ногами. Занимался обычно с полу прикрытыми глазами и полуоткрытым ртом, как будто витал в облаках. Только-только приступив к первой тренировке в клубе, он неожиданно обернулся к другому культуристу, Джонни Шнетцу, парню примерно его же возраста, и заявил: «Ну, мне понадобится всего пять лет, чтобы завоевать титул „Мистер Вселенная“. Мы переглянулись и подумали: „У этого парня, видно, не все дома“. Если же принять во внимание, что он то и дело отпускал презрительные замечания в адрес то одного, то другого культуриста, то результат неудивителен — его не стали уважать. По правде говоря, он действовал нам на нервы».

В клубе Арнольд держался особняком, другие культуристы избегали его. По словам Чернчика, общий настрой по отношению к Арнольду был таков: «Тренируйся сам. И, ради Бога, помалкивай». Мейнард приходил в клуб несколько раз и пробовал, без особого рвения, тренироваться. Он оказался значительно сильнее, чем Арнольд, и более выносливый, но вскоре все это ему надоело, и он прекратил занятия. Довольно скоро Курт Марнул посоветовал Арнольду: «Когда занимаешься, думай о той мышце, которую ты развиваешь, и работай до боли, пока можешь терпеть, пока не закричишь. В этом весь секрет знаменитых культуристов. Они тренируются, перешагнув болевой порог». Он чувствовал потенциальные возможности Арнольда и давал ему советы по диете, о которой в ту пору в австрийском мире культуризма не имели ни малейшего понятия. Спортсмены ничего не знали о вреде холестерина и поедали горы яиц. Марнул рассказал Арнольду об употреблении стероидов, ускоряющих рост мышц и необходимых для победы в соревнованиях. Арнольд внимал. Тренер предложил ему стероиды. Сам Марнул узнал о стероидах и об их дозировке от Стива Ривза, которого впервые

встретил во Франции во время каникул 1952 года. Он стал вводить Арнольду необходимые инъекции примоболина, довольно легкого стероидного препарата, два-три раза в неделю практически сразу же, как только Арнольд приступил к занятиям культуризмом. Принимал он также и таблетки, в частности, диабанол. Как вспоминает австрийский культурист, тренировавшийся вместе с ним, «Арнольд принимал стероиды в дозах, приводивших других спортсменов в ужас. Я видел, как он глотал по восемь-девять таблеток диабанола за раз. Затем следовал большой глоток молока, пригоршня белковых таблеток, и, не успев проглотить их до конца, он уже говорил: „Ну, вот, я и готов!“, и начинал тренироваться». По словам другого его товарища Рика Уэйна, стероиды Арнольд принимал еще в 1966 году, когда он предложил Уэйну месячный запас диабанола. Уэйн рассказывал также, что Арнольд признался ему, что употребляет стероиды с тринадцати лет. Совсем недавно вокруг вопроса о стероидах было поднято немало шума. С точки зрения культуриста, стероиды способствуют наращиванию мышечной массы. Однако у них есть и серьезные побочные эффекты, заключающиеся не только в нарастании агрессивности, но и в сильнейшей стимуляции эрекции. Но так бывает только вначале. Впоследствии стероиды могут вызвать опадание яичек, практически прекращая эрекции. По мнению звезды современного германского культуризма Рональда Матца, завоевавшего титулы «Мистер Германия», «Мистер Европа» и «Мистер Вселенная», стероиды приводят и к другим последствиям: «Твой организм разогревается, и ты думаешь только о сексе. А затем тестостерон падает ниже нуля. Организм его больше не производит. И все — у тебя больше нет никаких сексуальных ощущений». Продолжая тему, Матц рассказывает о способах нейтрализации некоторых негативных последствий приема стероидов: «Для того чтобы прийти в себя, нужно не меньше пары месяцев, если только ты не принимаешь ХГЧ, гормон, извлекаемый из мочи беременных женщин. Сегодня, правда, есть и другие методики. Некоторые культуристы обходятся без стероидов, делают пластические операции, накачивая мышцы силиконом. Впрочем, большинство из них убеждены, что если один анаболик, скажем, стероид, хорош, то два-три еще лучше». В начале шестидесятых годов опасность стероидов в полной мере еще не осознавалась. Марнул обычно начинал принимать стероиды за три месяца до соревнований. Затем, когда они оставались позади, делал перерыв на четыре месяца, а потом, в следующие три месяца, все повторялось сначала. Арнольд не только перенял у Марнула употребление стероидов, но старался походить на него и

характером. А тот был мотом, обожал красивую одежду, облачаясь в белые хлопковые штаны. Нацепив желтые темные очки, он, как истинный денди, раскатывал по Грацу в своей «Рено-Флориде», восхищая дам. На Арнольда это производило огромное впечатление. Он решил, что когда вырастет, будет таким, как Марнул. А со временем и превзойдет его во всем: в машинах, деньгах и красивых женщинах.

Но пока приходилось ходить в школу в своем Тале. Впрочем, жизнь Арнольда уже без остатка принадлежала Грацу. Если он опаздывал на автобус из Таля в Грац, то ловил проходящую машину. Каждый вечер в пять часов, к открытию клуба, он уже был там — весь в ожидании, постукивая в дверь с мольбой: «Пустите меня, пустите. Я не могу ждать. Я должен тренироваться». И поздно вечером, оказавшись перед выбором, то ли завершить комплекс упражнений, то ли успеть на автобус. Арнольд всегда выбирал первое, а затем шел домой четыре мили пешком, Карл Кайнрат, культурист-чемпион, который тренировал его, рассказывал: «Мы все знали, что стены могут обрушиться, но Арнольд все равно продолжит занятия». По словам Чернчика, Арнольд даже как-то признался: «Если вы велите мне съесть килограмм дерьма, чтобы оно превратилось в мышцы, я съем его». По субботам и воскресеньям атлетический клуб не работал, но вскоре после того, как Арнольд начал тренировки, Марнул, приехав в клуб, обнаружил однажды разбитое стекло. В конце концов, Арнольд сознался. Он хотел тренироваться семь дней в неделю и, чтобы добиться своей цели. Раздобыл стремянку, залез на стену, разбил окно, и пролез в помещение. Марнул рассердился, но не смог ничего сказать этому охваченному страстью к культуризму парню. Лишить Арнольда тренировок было бы равносильно тому, что остановить ему дыхание. Густав научил Арнольда преодолевать боль и неустанно двигаться вперед. Холодные зимние вечера проходили в беспрерывных тренировках. Однажды вечером, закончив упражнения, весь вымотанный, Арнольд поглядел на свои руки и обнаружил, что ледяные поручни сорвали ему кожу с ладоней. Самоотдача спортсмена была абсолютной, непоколебимой и героической. Он чувствовал себя миссионером в попытке обратить тело в совершенное произведение искусства чего так страстно желал. Кроме тренировок, ничего теперь не имело для него ни малейшего значения — ни школа, ни друзья, ни девушки, ни родители, — абсолютно ничто. Пытаться заговорить с Арнольдом во время тренировок было бесполезно. Позже, однако, когда его уверенность в себе возросла, а другие культуристы свыклись с несносным характером Арнольда и привычкой подкалывать их, он

стал находить с ними общий язык, отпуская колкие и веселые шуточки. Временами они смеялись так, что прекращали тренировку, в то время как Арнольд, к собственному удовлетворению, продолжал ее. Для него стало обычным играть в компании роль шута, привлекая к себе внимание и одновременно нейтрализуя любого противника, представлявшего какую бы то ни было угрозу его дальнейшей карьере. Вскоре Марнул перестал быть единственным наставником Арнольда, Сэмми Адиа Саад, известный культурист, занимавшийся в Граце, стал тоже давать ему советы. Его примеру последовал Гельмут Кнор, еще один культурист, служивший раньше в британских военно-воздушных силах и обучивший Арнольда нескольким словам на английском языке. Затем возник Альфред Герстл, местный политик, чей сын Карл был ровесником Арнольда. У Герстля была в Граце просторная квартира, и вскоре он предложил Арнольду использовать ее для тренировок в те дни, когда клуб закрыт. Альфред Герстл был, вероятно, первым евреем, которого повстречал Арнольд, и, несмотря на то, что отец вступил когда-то в нацистскую партию, Арнольд сразу же проникся к нему самыми теплыми чувствами. Вскоре он для него стал как бы вторым отцом. Хотя Арнольд к тому времени переоборудовал подвал своего дома в Тале в некое подобие гимнастического зала, тренировки у Герстля часто заканчивались приглашением к обеду, и Арнольд быстро обнаружил, что ему куда интереснее провести вечер с Альфредом и его семьей, слушая музыку и разговаривая о культуризме, нежели возвращаться домой к Аурелии и Густаву.

Родители Арнольда по-прежнему не одобряли занятия сына, особенно теперь, когда он стал жить своей жизнью. Густав, вероятно, был недоволен тем, что Арнольд занял лишь шестое место в чемпионате по керлингу 1962 года. Аурелия же, глубоко религиозная женщина, больше переживала то, что сын перестал ходить в церковь. Гельмут Кнор дал Арнольду книгу «Pfaffenspiegel» («Священник в зеркале» — нем.), про которую тот позже говорил, что она рисует «ужасные» образы церковников, Арнольд объявил родителям, что он больше не верит в Бога, и на церковь у него нет времени. И вряд ли можно считать, что эта его позиция коренным образом изменилась к 1981 году. Несмотря на то, что Арнольд очень серьезно относился к браку с Марией Шрайвер, был первым кандидатом на роль ее мужа и знал о католической семье Кеннеди как глубоко религиозной, он все же как-то обронил, что ходит в церковь по воскресеньям, да и то, если «вспомнит» об этом. Густав всегда стремился принизить Арнольда. Теперь же Арнольд нанес ему ответный удар,

поднимаясь все выше и морально, и физически. В то время как его сын становился все мужественнее и мощнее, Густав, казалось, терял в осанке и в фигуре. Весной 1962 года он был переведен из Таля в полицейский участок Раабе, на окраину Граца. Перевод был вызван дисциплинарным проступком: Густав напился и начал в автобусе приставать к женщине. В довершение всего, его любимчик Мейнард открыто бросил ему вызов, уйдя без разрешения из школы и поступив на работу в электронную фирму. А Арнольд проводил большую часть своего времени, тренируясь, общаясь с Альфредом Герстлем или отправляясь в кино на очередной фильм с Регом Парком. Густава беспокоил фанатизм Арнольда и его жажда победы — жажда, которую он сам в нем воспитал. Истина состояла в том, что Густав своими собственными руками создал, в известном смысле, Франкенштейна, чудовище, которое вышло теперь из-под его контроля. Чтобы исправить положение, он стал внушать Арнолъду, что тот никогда ничего не добьется и, как бы к тому ни стремился, не будет победителем в чемпионатах культуристов. А когда и это не смогло отвлечь Арнольда от тренировок, пригрозил направить его к психиатру. Однако он никогда не претворил в жизнь свою угрозу. Хотя многие утверждали, что кулътуризм — это не что иное, как нарциссический конкурс красоты среди мужчин, Густав сам занимавшийся поднятием тяжестей, определенно не принадлежал к их числу. Он мог высказать угрозу, чтобы ублажить Аурелию, или из ревности и опасений, что сын превзойдет его как мужчина. Или побудительным мотивом могла стать альтруистическая родительская обеспокоенность манией величия Арнольда. Как бы то ни было, психиатры выдвинули теорию, объясняющую притягательность культуризма и сладкую песнь сирен, которой этот вид спорта завлекал своих наиболее рьяных последователей, Д-р Морис Уайт, британский психиатр, исследуя некоторых культуристов, охваченных необоримым желанием становиться все мощнее и сильнее, утверждает, что хотя «многие люди занимаются культуризмом по приемлемым мотивам, существуют и другие, желающие, чтобы ими восхищались, уважали и боялись. Но, — продолжает Уайт, — под панцирем из мышц у них нет ничего, кроме пустоты и отсутствия всякой созидательной энергии». Британский профессор Лори Тейлор отмечает: «Я всегда считал и считаю, что культурист подобен увлеченному онанисту, который педантично планирует этапы собственного оргазма. В данном случае мы имеем ту же прилежную сосредоточенность на своем теле, ту же четкость, ту же граничащую с клаустрофобией заботу о самом себе, то же удовлетворение от каждой

мельчайшей детали процесса. Зеркало для культуриста — ключевая опора в занятиях нарциссизмом… Культурист отличается тем, что благодаря нагрузкам, методике тренировок, диете и лекарствам может частично воплотить в жизнь свои фантазии. Он может превратить себя из слабака, весящего девяносто восемь фунтов, в Железного Человека».

Д-р Стенли Риклин, нью-йоркский физиолог-клиницист, пишет: «Человек, который занимается культуризмом, чтобы сделаться более сильным, здоровым и уверенным в себе, чтобы лучше контактировать с другими людьми, коренным образом отличается от того, кто сосредоточен исключительно на себе, накачивая мышцы до необыкновенных размеров. Однако этот второй, по моему мнению, обычно чувствует себя незащищенным и пытается преодолеть представление о своей ущербности и малозначительности. Его жизненная сила направлена не вовне, на других людей, а во вовнутрь; он заинтересован в других только затем, чтобы им восхищались, отвлекая от вечного состояния неудовлетворенности». Бойер Коу, четырежды «Мистер Вселенная» и семь раз — «Мистер Мир», уверен, что культуризмом занимаются люди, страдавшие в детстве комплексом неполноценности: "Способ его преодолеть — это создать себе мощное мускулистое тело. Артур Джонс, основавший «Наутилус», окрестил культуристов «маленькими мальчиками в обличье гориллы». Пропагандируя культуризм, как вид спорта, сам Арнольд неоднократно сравнивал накачивание мышц с сексуальными ощущениями, с оргазмом. Рональд Матц в связи с этим добавляет: «Культуризм сексуален. Когда мышца растет, ты смотришься в зеркало и чувствуешь себя великолепно. Это сексуально. Однако надо быть чуть-чуть мазохистом, чтобы перешагнуть определенный предел. Ты не думаешь о женщинах, ты думаешь только о своем собственном теле». В пятнадцать лет Арнольд полностью отвечал этой формулировке. Женщины находились где-то за пределами его сознания. Мир состоял только из культуризма и мечты о будущем успехе. Чтобы зарабатывать на жизнь, Арнольд поступил на трехлетние курсы учеников в строительную фирму на улице Нойбер в Граце, выполняя плотничьи работы примерно за двести пятьдесят шиллингов в месяц. Арнольд принял участие в своем первом конкурсе культуристов в самом шикарном отеле Граца — «Стайрер Хоф». Альфред Герстл, гордясь им, пригласил на состязание своих знакомых политиков в надежде доказать, что культуризм — занятие стоящее, которое отвлекает мальчишек от бессмысленного шатания по улицам. Фотографии Арнольда, сделанные во время этого первого конкурса, запечатлели

симпатичного юношу, слегка недовольного чем-то, чьи губы еще не успели сложиться в надменную усмешку и пока еще выражают доброжелательность. Арнольд не занял в этом конкурсе первого места, добившись лишь второго. Но на, помосте он уже чувствовал себя как дома — аплодисменты согревали его жаждущую почета душу, наполняя ее ранее неизведанной уверенностью в себе.

Весной 1964 года Арнольд уже догоняет своего отца. 0н становится чемпионом города и победителем национального юношеского чемпионата по керлингу — в тот же год, когда его отец выигрывает чемпионат среди взрослых. Густав был удивлен. Наконец-то Арнольд заслужил одобрение и внимание своего отца, в чем он когда-то так отчаянно нуждался. Но признание пришло слишком поздно. Момент был упущен, жребий брошен. Сколько бы любви и внимания не уделял ему потом Густав, они не могли восполнить прошлое. И ничто, будь то любовь и восхищение всего света, никогда не вернет Арнольду отцовской любви в детские годы. Арнольд покорил Грац. Но Граца ему уже было мало, и он начал строить планы второго большого путешествия в своей жизни — из Австрии в Германию. Понимая, что это раздвинет его горизонт, Арнольд, проявив способность к предвидению, которая станет одной из выдающихся черт его характера, вступил в переписку с Бенно Даменом и его партнером Петером Фашингом, издававшими «Атлетик Спортсмен», немецкий журнал по культуризму. В 1963 году Арнольд написал Бенно письмо с просьбой проконсультировать его по технике культуризма. Вот когда пригодились сочинения, которые заставлял его писать Густав, — письмо получилось убедительным. Бенно ответил, и начал с интересом следить за успехами Арнольда.

Вскоре, однако, спортивная судьба Арнольда приняла новый и, в конечном счете, благоприятный поворот. Первого октября 1965 года, за несколько месяцев до своего восемнадцатилетия, Арнольд был призван на год для прохождения обязательной службы в австрийской армии. Он был рожден для армейской службы. В конце концов, Густав управлялся со своей семьей как генерал, и Арнольд до своих занятий культуризмом, безоговорочно подчинялся его приказам. Привыкший к молодецкой выправке отца в полицейской форме, Арнольд горел желанием самому надеть военный мундир. Возможность заслужить награды, подчиненная строгой дисциплине жизнь, по словам Арнольда, всегда привлекала его. Кроме того, Густав подстелил соломку младшему сыну, использовав свое влияние и добившись, чтобы он был направлен в гарнизон поблизости от Граца. Он также потянул за все возможные веревочки, чтобы

Арнольд, восхищавшийся мощными танками, стал водителем-механиком. Вождение танка дало Арнольду потрясающее ощущение силы. В книге «Арнольд: воспитание культуриста» он описывает свои ощущения при отдаче орудия после выстрела. Все это как-то отвечало его натуре, преклонявшейся перед всяким проявлением мощи. Временами, однако, армейская жизнь была чревата опасностями. Так, однажды он, приведя танк на стоянку, забыл поставить его на тормоз. Танк скатился в реку. К счастью, ему удалось избежать наказания. В армии Арнольд впервые в жизни каждый день ел мясо. Его тело благодатно отдавалось на значительное количество белка, которое неожиданно стало получать. Арнольд расцветал на глазах. Что было очень кстати, поскольку практически одновременно с началом службы он получил письмо от Бенно Дамеца, пригласившего молодого человека принять участие в конкурсе на титул «Мистер Европа» среди юниоров, который должен был состояться в Штуттгарте 30 октября. Все, кто знал Арнольда, его сверхчеловеческую увлеченность, его непоколебимую веру в свои силы и впечатляюще развитое тело, были уверены, что результат предопределен. Ведь Арнольд, в свои восемнадцать лет, был уже выдающимся явлением в мире культуризма. На всем протяжении своей карьеры, будь то в области культуризма или кино, Арнольд никогда дешево себя не продавал. Его первое крупное соревнование не было исключением. Отдавшись на милость посторонних — тактика, хорошо помогавшая ему в будущем, — Арнольд написал Бенно ответ, откровенно признаваясь, что у него нет денег на билет до Штуттгарта. Имея за спиной поддержку своего журнала, рассчитывавшего описать рождение новой звезды культуризма, Бенно оплатил поездку Арнольда в Штуттгарт. Купил ли Арнольд на деньги Бенно железнодорожный билет от Граца до Штуттгарта — точно неизвестно. Двое из его австрийских компаньонов-культуристов, Карл Кайнрат и Ганс Гобетц, вспоминают, что ехали они на машине, Бенно, со своей стороны, утверждал, что встретил Арнольда на вокзале.

Как бы там ни было, конечная цель Арнольда никогда не ставилась под сомнение. Это был титул «Мистер Европа» среди юниоров. Он точно знал, чего хотел. И сильно рисковал при этом, поскольку, несмотря на преподанную ему Густавом школу дисциплины и повиновения, Арнольд — как он будет действовать и в дальнейшем — пошел ва-банк. Чтобы участвовать в соревнованиях в Штуттгарте, он самовольно оставил службу. Цель, как это обычно бывало у Арнольда, оправдывала средства. Хотя обозреватели этого раннего конкурса, такие, как немецкий культурист Карл Бломер, ставший сам в 1968 году «Мистером

Европа», а в 1971 году — «Мистером Мир», и не считали, что Арнольд был так уж хорош, его внешние данные оказались вне конкуренции. Арнольд выиграл состязание и стал «Мистером Европа» среди юниоров 1965 года, по пути обойдя своего будущего партнера по тренировкам Франца Дилинджера. Но даже если бы он проиграл, то все равно получил бы, в определенном смысле, выигрыш. Дело в том, что именно в этот день, 30 октября 1965 года, в штуттгартских «Вулле-Румз» судьба вывела на авансцену жизни Арнольда Шварценеггера три выдающихся фигуры: Рольфа Путцигера, Уэга Беннетта и Франко Коломбо. Франко Коломбо, которого Арнольд повстречал в тот день в Штуттгарте, родился, как и семейство Шварценеггеров, под знаком Льва. На шесть лет старше Арнольда, симпатичный темноволосый чертенок, он казался моложе своего возраста. Ростом всего пять футов пять дюймов, уроженец Сардинии, Франко увлекался легкой атлетикой и боксом, став чемпионом Италии в легком весе. Между ним и Арнольдом тотчас установился контакт. Практически без долгих слов они образовали нерасторжимый союз. Франко было суждено на протяжении большей части своей карьеры подражать Арнольду, но он никогда не превзошел его. Да, действительно, это был великий атлет, со временем завоевавший большинство главных титулов в области культуризма. Не был лишен он и искры Божьей. Но Франко был обречен навек оставаться в тени Арнольда. И все же он был ему верен, оберегал и любил, как брата, Вечный Санчо Панса при Арнольде. Франко все время отставал от него на шаг. Это может выглядеть странным, но для Арнольда он был его братом Мейнардом, побежденным Мейнардом. И именно это нравилось Арнольду. Уэг Беннет, видное лицо в британском культуризме, превративший этот вид спорта в смысл своего существования, владелец гимнастического зала и сам спортсмен, будучи в Штуттгарте проездом, посетил конкурс на титул «Мистер Европа» среди юниоров. Спорт был для Беннетта почти что религией. И когда он увидел октябрьским днем в Штуттгарте на помосте Арнольда Шварценеггера, то понял, что нашел своего мессию. Путцигер, третий из тех, кого Арнольд повстречал на конкурсе в Штуттгарте, был владельцем гимнастического зала в Мюнхене и издавал журналы по культуризму, сначала «Геркулес», затем «Спортс джурнел» и, наконец, «Спортс ревью». Он и его компаньон Альберт Бусек пригласили Арнольда в Мюнхен, предложив ему работу тренера. Арнольд сказал, что подумает. Путцигер, гомосексуалист, выразил надежду, что молодой культурист примет его приглашение. Он строил в отношении Арнольда большие планы.

С радостным чувством победителя Арнольд вернулся в Грац, где его ждало наказание командования. Арнольд рассказывал, что он провел семь дней на гауптвахте, где в его распоряжении было лишь одеяло, холодная каменная скамья и практически никакой еды. Слух о победе Арнольда разлетелся по гарнизону, и скоро его прославляли как героя. Командиры заботились о питании Арнольда и побуждали его тренироваться еще усерднее, чтобы он мог сосредоточить все силы во славу Австрии. Не надо думать, что Арнольд был угрюмым фанатиком, живущим только ради культуризма и не интересующимся ничем больше, В восемнадцать лет он уже открыл для себя чрезвычайно важную отдушину — природное чувство юмора. Арнольд подшучивал над товарищами, но в меру, чтобы не прослыть задирой. А ведь эта черта была характерна для него в пору его молодости. Сегодня культуристы рассказывают легенды о шутках Арнольда. И хотя таких историй — миллион, одна из них все-таки наиболее примечательна. Это была довольно «соленая» шутка, которую Арнольд сыграл с наивным культуристом примерно в то время, когда выиграл соревнования в Штуттгарте. В Австрии, во время тренировок в клубе, Арнольд, Карл Кайнрат, Курт Марнул и Ганс Гобетц познакомились с неким г-ном К. Отец этого К. был состоятельным человеком, владевшим домом для приезжих и мясным магазином в Глейсдорфе, неподалеку от Граца. Г-н К. восхищался Арнольдом, жаждал добиться таких же успехов и в его присутствии вел себя как сгорающая от любви девушка. К. буквально раболепствовал перед Арнольдом. Однако между вниманием, к которому всегда стремился Арнольд, и бездумным поклонением своему герою существовала тонкая грань и скоро и пыл, и обожание г-на К. стали ему претить. Г-н К. умолял Арнольда открыть секрет его успеха. Какие методики тренировок он применяет? Или, например, что он употребляет в пищу? Лицо Арнольда загорелось. И он дал обратившемуся молодому культуристу следующий откровенный совет: «Если ты хочешь иметь такое же тело, как у меня, то должен растолочь ореховую скорлупу и добавить к ней столовую ложку соли. Съешь одну полную ложку этой смеси в первый день. На второй день увеличь дозу до двух ложек. На третий — до трех. Продолжай в том же духе до тридцатого дня, когда ты будешь принимать по тридцать ложек в день. К этому времени нарастишь гору мышц. И у тебя станет такая же фигура, как у меня». Г-н К. был вне себя от счастья. Он немедленно приступил к солевой диете, подсказанной Арнольдом. При этом К. не осознавал, что делает, не зная, что такое количество соли смертельно для кого бы то ни было, будь то рядовой человек или супермен, и что даже

небольшие доли соли — проклятье для культуриста, поскольку она задерживает в организме ту самую жидкость, которую они целенаправленно выводят. Все рассказчики сходятся в том, что г-н К. покончил с этой диетой на семнадцатый день, когда должен был съесть семнадцать чайных ложек смеси соли со скорлупой. Однако в вопросе, каким стал результат арнольдовой диеты, мнения разделились: некоторые очевидцы утверждают, что г-н К. покрылся прыщами с головы до ног, другие — что он очутился в больнице. Остаются бесспорными два факта. Первый — это то, что сегодня, двадцать с лишним лет после того, как г-н К. пал жертвой арнольдовой шутки, он бледнеет как смерть при малейшем упоминании имени Арнольда. И второй — что это была первая и, как считают некоторые, величайшая подначка Арнольда. Но именно она способствовала распространению среди культуристов мифа об Арнольде, привлекла к нему значительное внимание и дает ему повод для бурного восторга всякий раз, когда он рассказывает эту историю.

Глава 3: Мюнхен

Арнольд возвратился домой в Таль героем. У Аурелии дух захватывало от сознания его победы, и она полировала приз сына до блеска, а затем ходила от одного соседа к другому, предъявляя его, как доказательство, что ее младший сын — победитель. На Густава это тоже произвело впечатление, хотя он был серьезно обеспокоен поведением Арнольда по другой причине. Густав, как об этом рассказывали, был большим повесой, и он тревожился по поводу сексуальных способностей Арнольда. В то время как Мейнард, по всем признакам, становился законченным волокитой, Арнольд, хотя ему было уже восемнадцать, даже не имел подружки. Другие культуристы обычно проводили вечера на танцах у Тенне в Граце, а за четыре года, что Арнольд тренировался в клубе, его тренер, Гельмут Чернчук, ни разу не слышал, чтобы Арнольд пошел на дискотеку и танцплощадку. Густав, генерал по духу, направил все силы под своим командованием на то, чтобы преодолеть холодность сына. И когда Арнольд, отпущенный на побывку, приводил домой девушек, его обрадованный отец всячески поощрял такие встречи и даже выдавал гостям бутылку вина и два бокала. Именно тогда Арнольд стал методично удовлетворять свои половые потребности. Он смотрел на женщин только лишь как на инструмент для утоления своих страстей. За исключением его первой близкой подруги Барбары Аутленд и жены Марии Шрайвер, он никогда не тратил время попусту, ухаживая за женщинами. По мере того, как его слава и известность росли, он обнаружил, что обычный разговор о пустяках и любезности, составляющие неотъемлемую часть процесса ухаживания, ему абсолютно ни к чему. Женщины становились чрезвычайно доступны, и Арнольд выработал уникальный подход к ним, который в дальнейшем изумлял или шокировал каждого, кто соприкасался с Шварценеггером.

В марте 1966 года Арнольд завоевал свой второй крупный титул — «Мистер Германия». Тем не менее, его родители все еще не были убеждены, что ему следует заниматься культуризмом профессионально. Ведь, в конечном счете, культуристы не могли заработать себе на жизнь. По их мнению, Арнольду следовало обосноваться в Граце, устроиться на «нормальную» работу, может быть стать армейским офицером, и заниматься спортом в свободное время. Жизнь, которую Аурелия и Густав прочили Арнольду, была, вероятно, очень близка к классическому уделу жителя Таля. Многие тальцы становились фермерами или

работали на карандашной фабрике в Граце, но Арнольд, уже овладевший профессией плотника, мог бы заработать больше в строительной фирме. Он мог бы жить в Тале (где даже в середине шестидесятых годов не было кинотеатра и парикмахерской), не получая никаких развлечений, кроме вечерней выпивки в местных пивных, садиться на рассвете на автобус до Граца, днем работать и в сумерках возвращаться назад в Таль. Но в то время Аурелия и Густав еще по-настоящему не понимали натуры супермена, которого они породили. Люди, в целом, делятся на тех, кто держится за прочное и обыденное, не принимая никаких перемен и приключений, и тех, перед которыми открываются безграничные горизонты, кто не боится рисковать, очутившись перед лицом опасностей неизведанного. Первые не покидают свой дом на протяжении всей жизни, цепляясь за спокойный и неизменный быт, и еще в большей степени за соседей и друзей. Вторые принадлежат к числу тех, кто рвет устоявшиеся связи, покидает дом, ловит удачу и раскидывает свои шатры далеко от семьи, родных и знакомых. На месте Арнольда кто-нибудь другой мог остаться в Тале, год за годом завоевывая незначительные спортивные титулы и наслаждаясь краткими минутами славы. Возможно, уделяемое при этом внимание и было бы достаточным для человека уравновешенного, удовлетворило бы его тщеславие и привело к его ногам красивых девушек, получил бы он и известную долю одобрения родителей и старших. Но этот путь был не для Арнольда.

Он никогда не играл наверняка, никогда не выбирал легких дорог, не шел по известной или накатанной колее. Не чуждый риска, он всеми силами сопротивлялся соблазну стать самоуверенной рыбой в маленьком пруду — Граце. Вместо того чтобы сделать выбор в пользу безопасного прозябания на якорях, стать в Граце на вечную стоянку и основать там маленькую империю из людей, про которых он знал, что покорит их и будет управлять ими, Арнольд направил свои паруса в открытое море, будучи уверенным, что нет акулы смертельнее, чем опасность обречь себя на застой и заурядное существование. Арнольд хорошо усвоил кредо отца — сила приносит радость, скрестил его с фанатизмом своих знакомых австрийских культуристов, обрамил кружевом опьяняющей эйфории победы и, наконец, дополнил мировоззрением, выработанным пятью годами раньше, когда он, тринадцатилетний подросток, сидя в одиночестве в темном кинотеатре Граца, смотрел, как Рег Парк завоевывает мир. Он должен ехать в Мюнхен, работать в гимнастическом зале Путцигера, оставив за спиной обыденную жизнь в своей семье и стране. Но вместо шляпы, палки и обезьянки Арнольд взял с

собой свое мировоззрение, которое вложил в его душу отец. На этом месте было бы уместно ознакомиться с убеждениями Арнольда Шварценеггера.

«Я презираю беспомощных людей, которые проводят всю жизнь в беспочвенном ожидании. Мне нравятся люди, полагающие, что жизнь не ограничивается приемом пищи или походом в туалет».

«Еще когда я был ребенком, то сказал себе: „Жизнь не ограничивается тем, что я вижу вокруг“. И я обнаружил, что не хочу походить на всех. Я хотел быть другим. Я хотел попасть в то крошечное число людей, которые ведут за собой, а не следуют за толпой. Я же видел, что вожаки реализуют на сто процентов свой потенциал. Я всегда восхищался теми, кто управляет другими людьми».

«Сила — не результат победы. Сила — результат борьбы. Когда ты преодолеваешь трудности и принимаешь решение не сдаваться — вот тогда ты обладаешь силой… Ты должен постоянно стремиться к тому, чтобы стать над людьми».

"В детстве я всегда обожествлял атлетов-победителей. Но одно дело — обожествлять героев. И совсем другое — видеть себя на их месте. Когда я видел выдающихся людей, я говорил себе: «Я могу быть на их месте».

«У всех нас есть великая внутренняя сила. Эта сила — вера в себя. К победе ведет соответствующий настрой. Ты должен увидеть себя победителем, прежде чем победишь. Это сравнимо с чувством голода. Ты должен стать завоевателем».

«Хорошее не приходит случайно… Каждая мечта таит в себе опасность, особенно риск поражения, Но опасность не может остановить меня. Предположим, кто-то рискует и терпит неудачу. Тогда он должен предпринять новую попытку. Ты не можешь терпеть поражение вечно. Если ты предпримешь десять попыток, у тебя есть больше шансов достичь своего при одиннадцатой, чем, если бы ты не предпринял ни одной».

«Что мне нравится больше всего, так это то, что я могу безошибочно взять на прицел перспективу. Я вижу себя в будущем столь отчетливо, словно грежу наяву, и оно становится почти реальностью. А затем мне становится легко, и не надо сжиматься в пружину, чтобы попасть в будущее, ибо я ощущаю, что я уже там и все остальное — лишь вопрос времени».

Арнольд приступил к тренировкам в гимнастическом зале Путцигера на Шиллер-штрассе 36, в Мюнхене первого августа 1966 года. Этот день примечателен не только потому, что он открыл новый этап в жизни Арнольда, но и потому, что в этот день его отцу исполнилось пятьдесят девять лет, а его брат

Мейнард впервые повстречал большую и единственную любовь в своей жизни. Жизнь Мейнарда Шварценеггера отнюдь не протекала безмятежно. Любимый сын Густава, он тоже страдал от сурового воспитания отца. Талантливая художественная натура, Мейнард ни во что не ставил свою физическую стать и спортивные способности, унаследованные от отца. По иронии судьбы, именно Арнольд, отвергнутый, нелюбимый сын, последовал в спорте по стопам своего отца, в то время как его любимчик полностью отверг пример Густава. Когда Мейнард бывал дома, он ожесточенно спорил с Густавом о политике и не только о ней. Мейнард, который когда-то приложил все усилия, чтобы надуть пожилую пару на пятьсот шиллингов, теперь хотел ухватить куда более крупную рыбку, Используя положение отца и растущую славу брата. Мейнард ухитрился взять в долг около тридцати тысяч шиллингов (что в 1965 году равнялось 1070 долларам) у небольшого числа людей, включая, по слухам, и г-на К. Это не замедлило отразиться на репутации Густава. В результате, пытаясь спасти свою карьеру, которой и так был нанесен ущерб его увлечением алкоголем, Густав был вынужден расплатиться со всеми долгами Мейнарда. Мейнард переходил с места на место, не думая о заработке и постоянно завидуя успеху младшего брата на поприще культуризма. В то время как звезда Арнольда восходила, Мейнард, всегдашний золотой мальчик, обнаружил, что его собственная — на закате. Слава и аплодисменты обходили Мейнарда стороной. Его главным достоинством было обаяние, и, зная его силу, он принялся использовать его в разрушительных целях.

Первого августа 1966 года, отправившись на прогулку в прелестную австрийскую деревушку Куфштайн, Мейнард заметил там очаровательную девушку примерно двадцати одного года. Голубоглазая и светловолосая, она вполне могла бы представлять Австрию на конкурсе красоты за титул «Мисс Мира». Вернувшись из Испании, где она была на каникулах, через Мюнхен в дом своих родителей в Куфштайн, Эрика Кнапп выглядела загорелой и пышущей здоровьем. Даже сегодня, в своем национальном костюме, Эрика остается такой же ослепительной женщиной, как это бывало в годы, проведенные с Мейнардом. Мейнард Шварценеггер, чьим шестым чувством был нюх на женщин, понял, что Эрика создана для него. Эрика испытывала ответное чувство к Мейнарду. Он был высок, светловолос, и красота его приковывала взгляд. С необычной для нее смелостью она спросила у него, который час. Он проводил ее до дома и пригласил пообедать. Она отказалась. Инстинктивно чувствуя, как следует действовать дальше — черта, которой в избытке обладал и с поразительным

успехом применял его младший брат — Мейнард, вместо того, чтобы нарываться на второй отказ, назначил свидание соседке Эрики. Уязвленная девушка, естественно, сменила гнев на милость. Проведя несколько дней в Куфштайне, Эрика возвратилась в Мюнхен, где она работала портнихой. Мейнард, охваченный страстью, последовал за ней. К ноябрю они обручились. Месяца два спустя Эрика и Мейнард прогуливались по берегу протекающей через Мюнхен реки Изар. Тут Эрика заметила пятерых мускулистых парней, направляющихся к ним. Хихикнув, она обернулась к Мейнарду и прошептала: «Посмотрика, ну и накачали они мускулы». «Умолкни, — ответил Мейнард, — среди них — мой брат». Хотя со времени их знакомства прошло шесть месяцев, Эрика до этого момента и не подозревала, что у Мейнарда есть брат.

Арнольд, со своей стороны, тоже не горел желанием распространяться повсюду о своем брате. Когда его новые друзья в Мюнхене справлялись о Мейнарде, он советовал обратиться к кому-нибудь другому, скажем, к матери. Преисполненная гордости Аурелия всегда посещала соревнования, на которых выступал Арнольд, а Густав регулярно переписывался с ним. Не желая отказываться от своей привычной роли, Густав упрекал Арнольда, что тот пишет слишком крупным почерком, и интересовался, не уловка ли это, чтобы отделаться от отца коротким письмом. Арнольд отвергал подобные обвинения, но, вероятно, всегда бдительный Густав был недалек от истины. Поскольку в этот период, работая на Путцигера в Мюнхене, Арнольд мало, что мог сообщить своему родителю. Ему исполнилось девятнадцать. Теперь он был высокий гигант со щербатой улыбкой, который мог, в зависимости от настроения, привести в восторг или вызвать усмешку. Сначала его сильный австрийский акцент мешал ему работать у Путцигера, но никто не осмеливался смеяться над ним. Хотя по существу Арнольд так и остался сельским мужланом, выходцем с фермы, у которого был только один костюм. Уверенность Арнольда в себе была поразительной, его внешний вид — устрашающим, а способность иронизировать — остро отточенной. И самое удивительное заключалось в том, что неприглядный мальчик, набравшийся уверенности в результате своих культуристских триумфов, вырос в очаровательного мужчину. В конце концов, это же был сын Густава, об обаянии которого ходили легенды, и брат Мейнарда, шарму которого он вполне мог подражать.

В первое время он спал в гимнастическом зале. Хотя формально Арнольд числился менеджером-тренером, фактически он выполнял все работы — мыл полы, убирал в душевых и вообще

был мальчиком на побегушках. Издательство Путцигера «Юниверсум Спорт», специализировавшееся на выпуске журналов по культуризму, размещалось в том же здании, что и гимнастический зал. Редактируемые Альбертом Бусеком, свидетелем штуттгартского триумфа Арнольда, иллюстрированные журналы «Юниверсум Спорт» вскоре выдвинули Шварценеггера на первый план как новую великую надежду культуризма. Альберт Бусек, вместе с Альфредом Герстлем, был в числе первых «арнольдоманов» — людей, ставящих Арнольда превыше всего, готовых боготворить почву, которой коснулась его нога, и делать все, что в их силах, чтобы поддерживать о нем легенду. Но даже без них Арнольд все равно бы стал Арнольдом — славой культуризма. В Мюнхене он тренировался по семь часов в день, добившись ошеломляющих результатов. Тренировавшиеся в зале борцы и их агент предложили Арнольду работу, которую он отверг. Культуризм оставался его единственным и неизменным Святым Граалем. Вне стен гимнастического зала Арнольд начал соединять свое пристрастие к шуточкам с эксгибиционизмом. Бурными ночами, опрокинув немало вместительных глиняных кружек в знаменитых мюнхенских пивных или в баварском ресторанчике, размещавшемся в том же здании, что и спортивный зал, Арнольд вдруг вскакивал, распрямлялся в полный рост и затем, к вящему удовольствию своих компаньонов, срывал с себя рубаху и начинал играть мускулами. Впервые в жизни чувствуя себя «своим в доску», он одаривал друзей соленым анекдотом, смеясь так громко, что спагетти с его тарелки разлеталось по всему ресторану.

Скоро Арнольд стал для владельцев мюнхенских ресторанов сущим наказанием: однажды он с группой приятелей сидел рядом с женщиной, на коленях у которой лежал крошечный пудель. Поглотив гору еды, Арнольд повернулся к пуделю и оскалился, как бы угрожая, что собачка станет его следующим блюдом. Дама в страхе ретировалась. Один мюнхенский культурист был приглашен отобедать вместе с пятью друзьями. Когда подошло время расплачиваться, Арнольд стал убеждать их уйти из ресторана, не заплатив. Он имел обыкновение во всеуслышание объявлять: «Я штириец — и покажу вам всем!» И все, кто знал его в эти полные приключений мюнхенские годы, соглашались, что он выполнит свои обещания. Арнольд и Франко Коломбо, работавший тренером в Регенсбурге, стали близкими друзьями. Они вместе пускали пыль в глаза женской половине Мюнхена. К этому времени Арнольд привык заниматься сексом без каких-либо предварительных заходов. По словам очевидца, культуриста

Гельмута Ридмейера, когда однажды несчастная официантка спросила, не желает ли он чего-либо еще, Арнольд, подогретый большим количеством выпитого пива, ответил: «Да, трахнуть тебя». Он применял этот метод неоднократно. В Мюнхене у него не было постоянных отношений с женщинами, но постель его частенько занимала то одна, то другая претендентка.

Его огромный рост и положение в мире культуризма, его обаяние и напористость помогали Арнольду домогаться любой женщины по первому желанию. Необходимо заметить, что повышенная агрессивность Арнольда в мюнхенские годы частично объясняется тем, что он сидел на стероидах. По словам Гельмута Ридмейера, партнера по тренировкам, Арнольд «обычно колол себя стероидами и принимал таблетки на завтрак, обед и ужин совершенно открыто». Возможно, стероиды, позволявшие ему набирать вес, высвободили также и его безрассудство, которое Арнольд так долго подавлял, живя под тиранией отца. Его бесшабашная езда на автомобиле стала легендой у тренировавшихся с ним культуристов, большинство из которых отказывалось ездить с Арнольдом, если тот сидел за рулем. Его коллекция штрафных квитанций за превышение скорости и другие нарушения правил движения, часть которых никогда не оплачивалась, постоянно пополнялась. Агрессивность Арнольда находила также выражение в различных ресторанных потасовках. Кулаки его так и мелькали на мюнхенском «0ктоберфесте», традиционном празднике, зачастую вырождавшемся в пользующуюся дурной славой пивную оргию и печально известном происходящими в этот день бесчинствами. Арнольд придрался к группе американцев, проводивших вечер на ярмарке. Решив, что они не потерпят немецкой самонадеянности, особенно со стороны какого-то сопляка, американцы приготовились к драке. Арнольд, будучи всегда настороже, оценил, что он и его друзья, коллега Бусека Эрих Джаннер и партнер по тренировкам Франц Дишинджер, столкнулись с численно превосходящими силами и предложил мировую. Но американцы не успокоились и толкнули Арнольда, вынудив его отступить. Тогда, обернувшись к Джаннеру, он сказал: «Подержи мою куртку». Стоило Арнольду обнажить грудь и напрячь мышцы, как американцы сразу же капитулировали. Стороны достигли перемирия, и со смехом и шутками пошли вместе искать, где бы найти еще пива.

Хотя Арнольд и обосновался на мюнхенской культуристской сцене, он продолжал поддерживать связи с клубом в Граце. Его австрийские друзья по культуризму Гобетц, Кайнрат и Марнул часто приезжали его проведать. Однажды они привезли с собой Густава. По дороге из Граца они проезжали через деревушки, где

жили родственники Густава. Обладавший сильными родственными чувствами, он настоял на том, чтобы наносить визиты вежливости родным во всех деревнях до единой. В результате поездка длилась вдвое дольше обычного. Попав в Мюнхен, Густав, преисполненный гордости за Арнольда, хвастался каждому, кто был готов его слушать, что его сын унаследовал свои физические способности от отца. В 1967 году Арнольд жил в небольшой квартире, которую с ним часто делил Гельмут Ридмейер, завоевавший титулы «Мистер Германия», «Мистер Европа» и «Мистер Вселенная». А к концу мюнхенского периода к нему присоединился Франко. В общем, жизнь складывалась удачно. Но некоторые выходки Арнольда в мюнхенские годы вновь вызывали определенное беспокойство. Как заметил один из его партнеров по тренировкам, «Арнольд всегда выставлял людей, которых не уважал, дураками и вышучивал их». По словам Марнула, когда ему выговаривали за его грубые подначки, Арнольд замолкал, предварительно с презрением воскликнув: «0ни такие дураки. Я бы никогда не опустился до них».

Он прошел школу унижения Густава Шварценеггера и теперь был наверху. Теперь он мог опрокидывать столы и сводить старые счеты, выбирая в качестве жертв посторонних, знакомых и даже друзей, горечь обиды которых служила целебной повязкой на его ранах. Когда-то оскорбляли и издевались над ним, Арнольдом. Теперь он будет оскорблять. Теперь он будет издеваться. Число жертв Арнольда в его мюнхенские годы может показаться выходящим за всякие рамки, если не принимать во внимание его тогдашнее положение. Он был восходящей звездой культуризма, вдохновляющий пример для подражания среди тех, кто стремился преуспеть в этом виде спорта. Культуристы, горящие желанием достичь его результатов, искали советов Арнольда и следовали им с религиозным рвением. Г-н К., историю с которым мы рассказывали, был лишь первой ласточкой среди многих жертв. Арнольд как-то сказал приятелю-культуристу, что если он съест два фунта мороженого, то нарастит еще больше мышц. Сегодня-то большинство культуристов знает, что вода лишает их четкого мышечного рисунка, поэтому они принимают столько диуретиков перед крупными состязаниями, что иногда, перед началом показа, бегут за кулисы из-за приступов рвоты. Эта информация определенно не дошла до очередной жертвы Арнольда, которая с его слов приступила к заглатыванию целой горы мороженого. Узнав, что он делает это по совету божественного Арнольда, девять приятелей последовали его примеру. И им пришлось пожалеть об этом. Затем была сахарная диета. Она представляла

собой вариации старой истории с г-ном К. Арнольд посоветовал одному культуристу начать с потребления одного кусочка сахара в первые сутки, двух — на вторые, трех — на третьи, и так далее, до тех пор, пока тот не начнет съедать по тридцать кусков сахара в день.

Еще один культурист чуть не задохнулся, когда Арнольд убедил его не размешивать излюбленное блюдо спортсменов, приготовленное из яичного белка и витаминов, до состояния пасты, а вместо этого придать ему форму яблока и есть в таком виде. Когда Курт Марнул предупредил, что его совет может принести серьезный вред культуристу, Арнольд, по воспоминаниям Марнула, рассмеялся и повторил в очередной раз, что его жертвы «просто дураки». Положение Арнольда как менеджера-тренера как нельзя лучше помогало ему подначивать ничего не подозревающих культуристов, которые приносили заявление с просьбой разрешить посещать гимнастический зал. Один новичок, попросивший у Арнольда такое разрешение, был проинформирован, что он может получить его в зависимости от того, пройдет ли тот определенное испытание, связанное с профессией. «А, кстати, каким видом спорта ты занимаешься?» — спросил Арнольд. «Альпинизмом», — последовал ответ. «Ну, хорошо, — продолжил Арнольд. — Тебе придется вылезти из окна зала и спуститься на улицу». Зал находился на втором этаже. И соискатель полез, лишь бы выполнить требование Арнольда. Надо сказать, что Арнольд в выборе своих жертв был абсолютно демократичен и не проводил различия между старыми друзьями, такими, как Ганс Гобетц, молодыми культуристами, у которых не было шансов выиграть какое-либо соревнование, но, которые, не задаваясь лишними вопросами, черпали из источника его мудрости, и совершенно посторонними людьми, как уже упоминавшийся соискатель-альпинист. Арнольдовы подначки расцвечивали новыми красками легенду о нем. Обычно культуристы очарованы силой, и все их поиски нацелены на то, чтобы произвести мощное впечатление на окружающих, накачивая свои мышцы. Они также привыкли переносить боль в процессе тренировок. Но, если ты превозмогаешь боль, то, естественно, и стремишься причинить ее. Или с удовольствием наблюдаешь за тем, кто делает это по твоей подначке.

У арнольдовых шуточек был и еще один, куда более соблазнительный результат. Самоутверждение не только придавало ему новые силы и приносило счастливые моменты, но и разделяло всех, с кем он общался, на жертвы и хищников. Над жертвами издевались. Хищники же наблюдали, смеясь вместе с Арнольдом от счастья, что он избрал их для участия в этом

восхитительном заговоре. Все они превосходно осознавали его силу. Каждая подначка Арнольда служила строительным материалом для укрепления своего самоутверждения, позволяла ему побеждать, завоевывать себе друзей, вызывать восхищение и чувство превосходства. Со временем его шутки стали преследовать и более серьезную цель: подорвать позиции любых возможных конкурентов, которые могли бы в будущем представить для него угрозу на соревнованиях. В Мюнхене он подсказал как-то одному сопернику, что один из новейших американских методов — стараться кричать как можно громче, стоя на помосте. Он так и сделал, и как Арнольд годы спустя с удовольствием вспоминал в книге «Качая железо», выставил себя полнейшим дураком. У Путцигера часто тренировались американцы — идеальная мишень для Арнольда. С располагающей улыбкой он услужливо предлагал научить их говорить по-немецки, чтобы облегчить пребывание в Мюнхене. Они с благодарностью принимали предложение, считая, что этот здоровяк немец — мировой парень. Начинались уроки, и они охотно заучивали фразы, которые называл им Арнольд, а затем предпринимали попытки поговорить с первым же немцем, попавшимся им на пути. Арнольд уверял американцев, что те особые фразы, которым он их так тщательно обучил, позволят, несомненно, завести друзей среди немцев и привлекать их на свою сторону. И американцы, ничего не подозревая, со слов Арнольда выдавали первому встречному: «Здорово, старая свинья, Ты все еще онанируешь».

Сам Арнольд в мюнхенские дни вовсе не нуждался в мастурбации. Со всех сторон его окружали женщины, готовые на все ради прекрасного культуриста. Арнольд, который в Тале совсем не интересовался женщинами, посещал в Мюнхене самые известные публичные дома. Когда Курт Марнул приехал в город, чтобы проведать его, возбужденный Арнольд повел Курта на экскурсию по публичным домам, восклицая: «Всю свою предшествующую жизнь я занимался ерундой. Грац — это место для стариков. Вот где настоящая жизнь». Сексуальная жизнь не миновала и гимнастического зала. Гомосексуалистов всегда страстно влекло к культуристам. И многие из них извлекали из этого финансовую выгоду. Как указывает Питер Мак Гау, журналист-культурист, связанный с этим видом спорта с начала шестидесятых годов, логическим выводом из накачивания своих мышц до такой степени, чтобы приводить в восхищение публику, является оплата ущербными проявлениями сексуальности. В середине шестидесятых годов многие из мюнхенских гомосексуалистов каждый вечер собирались у Путцигера,

наблюдая за тем, как тренируются культуристы. Некоторые из них готовы были предложить высокую оплату любому из культуристов, пожелавшему позировать для двусмысленных снимков. В книге «Арнольд: воспитание культуриста» Шварценеггер рассказывает об одном из судей на конкурсе за титул «Мистер Европа» среди юниоров, скрыв его под псевдонимом Шнек. Этот судья, владелец гимнастического зала и журнала, пригласил его в Мюнхен и предложил вступить в гомосексуальную связь. Арнольд пишет, что он выслушал предложения Шнека (на самом деле это был Путцигер), но отказал ему, равно как и другим культуристам-гомосексуалистам, которые ошивались вокруг гимнастического зала. Арнольд был молод, обаятелен, умен, остроумен, желанен и талантлив до крайности. Он оплатил свои долги культуриста и заслужил успех, ждавший его впереди.

Глава 4: Лондон

Не прошло и двух месяцев после начала работы в Мюнхене, как Арнольд принял участие в конкурсе «Мистер Вселенная — 1966», организуемом Национальной ассоциацией культуристов-любителей (известной также как NABBA) в Лондоне. Поскольку Путцигер платил ему гроши, а сам он еще в Мюнхене не обжился, приятели Арнольда — культуристы сложились и купили ему билет, Гельмут Ридмейер, умудренный опытом спортсмен, хорошо знавший британский мир бодибилдинга, предложил Арнольду досконально ввести его в курс дела и поехал с ним в качестве переводчика. Они остановились в отеле «Ройял» неподалеку от лондонского Британского музея и тренировались в клубе «Уэстсайд Хелс Клаб» в Кенсингтоне. Соревнования «Мистер Вселенная» были престижными: последний раз в них побеждал Микки Харджитей, а звезда фильмов о Джеймсе Бонде Шон Коннери был одним из его участников. Председатель НАББА Оскар Хейденстам пришел в замешательство, увидев молодого австрийца, прибывшего в Лондон в полной боевой готовности — с короткой стрижкой ежиком, привлекательной внешностью и фигурой, прямо-таки обреченным на успех. Сегодня Хейденстам с нежностью вспоминает свои первые глубокие впечатления об Арнольде. Он сидел вместе с ним, когда кто-то из друзей (вероятно, Ридмейер) вошел в комнату и заговорил с Арнольдом по-немецки. Шварценеггер сказал ему с упреком: «Разве ты не знаешь, что это дурной тон — говорить на немецком, когда с нами сидят люди, не понимающие его?» Хейденстам буквально онемел от столь изысканной учтивости девятнадцатилетнего молодого человека и никогда не забывал этого случая. Годы спустя, прекрасно зная, что Сью Мори, а в дальнейшем Мария Шрайвер не знают немецкого, Арнольд, тем не менее, говорил на своем языке в их присутствии. Но к этому времени он был богат, знаменит и добился признания. Сейчас же в Лондоне, на пороге соревнований «Мистер Вселенная», его природная сообразительность подсказала, как использовать подвернувшийся момент с максимальной выгодой: на всесильного Хейденстама его манеры произвели благоприятное впечатление, а его немецкий друг был поставлен в неловкое положение, ощутив при этом превосходство Арнольда.

С того самого момента, как он вышел на помост «Виктория-пэлес» в Лондоне на исходе сентября 1966 года, всем, кто его видел, стало ясно, что Арнольд Шварценеггер скоро будет царствовать безраздельно. Еще до начала состязаний этот гигант

с лицом младенца и полотенцем на бедрах прохаживался за кулисами с самодовольным видом, в то время как фаворит конкурса американец Чет Йортон разминался неподалеку, убежденный, что победа — у него в кармане. Ему-то она и досталась. Чет Йортон стал первым в борьбе за титул «Мистер Вселенная — 19б6», но ведь Арнольд Шварценеггер, новичок из Австрии, занял второе место. Обычно Арнольд не любил оставаться вторым, но в этот раз он, вероятно, не был особенно огорчен. В глубине души Арнольд должен бы сознавать, что он победил. Ибо с его фигурой, непосредственностью и беспечным обаянием он ураганом пронесся по конкурсу «Мистер Вселенная» и околдовал обычно циничную британскую аудиторию, заслужив два вызова на бис и громовые овации. Американский миллиардер и почитатель культуризма Дж. Пол Гетти сидел в первом ряду и наблюдал за Арнольдом, который добился на конкурсе по существу всего, кроме разве что, титула «Мистер Вселенная». Арнольд очаровал Пола Гетти, как и Джима Сейвила, британца, президента NABBA и знаменитого диск-жокея, проницательного актера, известного своими длинными светлыми волосами и тем, что он неизменно приветствовал телезрителей словами «Привет, парни и девахи», произносимыми с сильным ливерпульским акцентом.

Сейвил был профессиональным шоуменом и сразу же понял, что в лице Арнольда, девятнадцатилетнего и малоопытного, он встретил равного себе. Он почувствовал, что за гипнотическим влиянием Арнольда на аудиторию стоит не только его гигантская фигура и накачанные мускулы, но и умение подыграть зрителю и показать себя наилучшим образом. Короче говоря, Арнольд прямо-таки купался в лучах славы. Анализируя привлекательность Арнольда, Сейвил позже говорил: «Конечно, он был молод и сложен, как надо. Но дело не в этом. На первом плане стояли его личные качества. Когда он выходил на сцену, казалось, что включаются все прожектора. Он был сам как прожектор». Отныне Арнольд уже не затеряется в толпе. Ибо в этот сентябрьский день 1966 года в «Виктория-пэлес» он в мгновение ока стал звездой. Впрочем, многие связанные с культуризмом специалисты были отнюдь не столь высокого мнения о Шварценеггере. Джон Ситроун, выступавший вместе с ним в конкурсе «Мистер Вселенная — 1968», сказал, что хотя Арнольд и занял второе место, вызвав восторг толпы, его ноги недостаточно развиты. В те дни немецкие и австрийские культуристы, в отличие от своих американских коллег, уделяли больше внимания развитию торса и зачастую игнорировали ноги. Одним из наиболее проницательных свидетелей молниеносного

взлета Арнольда к славе и успеху, видевших его выступление на конкурсе 1966 года, был Рик Уэйн. Родился он на Сент-Люсии, где в настоящее время издает газету «Стар». Рик — в прошлом «Мистер Мир», «Мистер Вселенная», «Мистер Америка» и «Мистер Европа» — на протяжении десяти лет вел колонку в «Мускл энд фитнес» Джо Уэйдера и был соиздателем «Флекса». Он освещал карьеру Арнольда с момента их знакомства в Лондоне. Уэйн так описывает свою первую встречу с Шварценеггером, который попросил Гельмута Ридмейера представить их друг другу: «Он начал с заявления о том, что собирается сколотить миллион „зеленых“… Вы только подумайте — парень, который с трудом мог связать пару слов по-английски, рассказывает мне, спотыкаясь на каждом слове, как он собирается сделать этот миллион». Уэйн утверждал, что Арнольд был способен всегда предстать в нужном свете в нужное время. «Казалось бы, у этого парня застенчивость младенца, но стоит вам застать его в более узком кругу, и вы увидите, как он заносчив; иными словами, он прямо-таки надевает на себя эту маску младенца. Он был кем угодно, но отнюдь не скромнягой, хотя умел казаться совсем другим». После состязаний Арнольд спросил Рика, сможет ли он, по его мнению, победить Дейва Дрейпера — в то время звезду Вэйдера номер один. Рик подумал секунду и честно сказал, что далеко в этом не уверен. Арнольд изменился в лице и ответил: «А я-то думал, что ты стоишь за меня».

С самого начала своей карьеры Шварценеггер выработал жестокое правило: добиваться от друзей стойкой преданности себе. Непримиримо жестокий по характеру, как и его отец, Арнольд, который, к слову сказать, сам всегда был верным другом, требовал полной и беззаветной отдачи от любого, с кем входил в контакт. На состязаниях «Мистер Вселенная 1966» он познакомился с таким человеком — это был Уэг Беннетт. Уэг, выбитый из колеи триумфом Арнольда на конкурсе «Мистер Европа — 1965» среди юниоров в Штуттгарте, теперь выступал в качестве судьи состязаний «Мистер Вселенная». И, как он сказал Арнольду на танцах по случаю завершения конкурса, считал, что Шварценеггер должен был победить. Сидя в одиночестве в плисовом костюме и нескладных брюках, Арнольд поблагодарил Уэга на ломаном английском. Уэг пригласил, его к себе домой в Форест Гейт, где он и его жена Диана держали два гимнастических зала. Беннетты всегда занимали в британском мире культуризма видное место. Уэг был президентом Европейской ассоциации культуризма, а Диана издавала собственный журнал «Бодипауэр». Она содействовала развитию женского культуризма. Среди звезд, взошедших на конкурсе

«Мистер Вселенная 1966», были «шикарные девушки» Дианы Беннетт, поднимавшие тяжести под мелодию «Хорошенькая женщина» Роя Орбисона. Урожденная Диана Вулгер, дочь английской статистки, Диана Беннетт отчасти сама была «шикарной девушкой». Ее мать и отец всегда заботились о своей внешности и держали гимнастические залы в Портсмуте на юге Англии. В шестнадцать она познакомилась и вышла замуж за Уэга, который был на несколько лет ее старше. Они составили весьма интересную пару в эпоху «раскачивающихся шестидесятых», когда повстречали Арнольда. Величавая, с экстравагантной огромной шляпой на голове, Диана была прямо-таки наполнена страстью. Уэг, напротив, выглядел лысеющим и полноватым мужчиной, под обличьем доброго дядюшки скрывавшим, однако, некую внутреннюю силу. Это впечатление подчеркивалось лондонским просторечным произношением Уэга: его гимнастический зал располагался в Истэнде, суровом по нравам районе Лондона. Ко времени знакомства с Арнольдом Уэг и Диана уже создали вокруг себя некую таинственную атмосферу, сослужившую им добрую службу в культуристском сообществе.

Сегодня Уэг и Диана Беннетты возвели в своем доме некое подобие храма Арнольда Шварценеггера. Здесь развешаны не только его многочисленные фотографии, но и установлена величественная статуя этой суперзвезды в полный рост — суперзвезды, которой они помогали и которой продолжают поклоняться и восхищаться. Арнольд щедро отвечает им взаимностью, навещая Уэга и Диану, когда бы он ни оказался в Англии. Он приглашает их в Калифорнию, а также позвал их на свою знаменитую свадьбу. Уэг — хранитель британского очага Арнольда, естественно, всегда с радостью вспоминает его историю, его амбиции и их первое знакомство. В то время Арнольд сразу поехал к ним домой и, не желая возвращаться в Мюнхен, прожил у Беннеттов некоторое время, ночуя на диване в спальне одного из шестерых детей. Уэг имел обыкновение спрашивать у культуристов, с которыми его сводила судьба, какова их цель в жизни. "Большинство из них отвечали, — вспоминает он, — что хотят стать «Мистером Британия», «Мистером Вселенная» и т.д. Тогда я говорил: «Ну, и что дальше?» Но это было вершиной их устремлений. Однако когда я задал тот же вопрос Арнольду, его ответ был совсем не таким: «Я хочу стать величайшим культуристом в мире, величайшим культуристом всех времен и самым богатым. Я хочу жить в Соединенных Штатах, владеть кварталом и стать кинозвездой. В конечном итоге, я хочу стать продюсером». Уэг, по его словам, онемел от изумления. «Ну, с такой самонадеянностью Арнольд многого

сможет достичь», — подумал он про себя. Итак, Арнольд жил у Беннеттов, съедая по восемь яиц и по куску жареного мяса на завтрак, одновременно, по словам Беннетта, убеждая их в том, что он «эксцентричный парень». Он услужливо помог Уэгу избавиться от сквозняка в зале, прибив мешки из-под картошки к верхней части окна. Как-то раз Арнольд провозгласил: «Я не отправлюсь спать сегодня до тех пор, пока не буду весить 255 фунтов» (на тот момент он весил 252 фунта), и начал жадно поглощать еду, то и дело поднимаясь на весы, чтобы посмотреть, сколько он теперь весит. Это действо продолжалось весь вечер, пока он не достиг своей цели.

В любых интервью, когда речь заходит об Арнольде, Диана и Уэг сразу же подчеркивают, что Диана — это мамаша Уэнди при Арнольде — Питере Пэне (персонажи книги английского писателя Д. Барри (1860-1937) «Питер Пэн»). «Диана боготворила его. Ну, прямо-таки боготворила», — рассказывал Уэг, упомянув, как его супруга помогала Арнольду подыскивать подружек. А Диана в порыве откровенности добавляла: «Далеко ходить не надо было. У него был какой-то животный магнетизм, привлекавший женщин». Несомненно, был, Диана Беннетт сама стала одной из них. Диана поведала о своей интрижке с Арнольдом бывшему культуристу и журналисту, пишущему о культуризме. Любовное свидание Дианы с Арнольдом, по словам культуриста, имело место всего один раз, поскольку «он показался ей холодным. Ему было все равно. Для него все это было несерьезно». Куда более важным для Арнольда, по сравнению с мгновенной вспышкой страсти к соблазнительной Диане, было то, что Уэг Беннетт, сам не раз участвовавший в соревнованиях, не только научил его позировать, но и подобрал идеальное музыкальное сопровождение для его выступлений. Он выбрал «Исход» («Книга исхода» — вторая книга Пятикнижия (Библия)) — тему, которую Арнольд будет использовать на протяжении значительной части своей карьеры. Все это выглядит весьма забавно, учитывая членство его отца в нацистской партии. У Уэга в запасе было и кое-что еще: когда-то он жил и тренировался вместе с кумиром Арнольда — Регом Парком.

Диана вскоре была забыта и вернулась к роли матери, наперсницы и преданного друга, В более поздние годы, когда Уэг и Диана издавали вместе журнал по культуризму «Пик». Диана часто выступала на его страницах, фотографируясь вместе с Арнольдом, Иллюстрации время от времени становились на грань допустимого — возможно, это был розыгрыш, предпринятый Арнольдом, Дианой и Уэгом, который, как и его протеже, был искусным мастером подначки. Уэг Беннетт, наслаждаясь своей

ролью наставника, вскоре после конкурса «Мистер Вселенная» представил Арнольда Регу Парку, пригласив их обоих выступить с показательными номерами в шоу, которое он организовал в Стратфорде в Восточном Лондоне. По словам Уэга, перед встречей Арнольд выглядел как взволнованный ребенок. Рег, отвыкший встречать кого-либо, равного себе по фигуре, не мог поверить глазам своим, увидев молодого австрийца, и воскликнул: «Когда-нибудь ты станешь лучшим культуристом в мире». Арнольд был вне себя от радости и, стремясь снискать еще большую благосклонность своего кумира, выразил желание посетить его в Южной Африке, где проживал культурист из Йоркшира. Польщенный Рег ответил: «Получишь титул „Мистер Вселенная“, и я вытащу тебя в Южную Африку». Его обещание было отнюдь не голословным, поскольку он был уверен, что Арнольд в самом деле добьется этого звания. Ибо с самого начала он понял, что Арнольд — «весьма сметливый и честолюбивый парень, который точно знает, чего хочет, и идет прямо к цели». Время показало, что Рег был прав в оценке своего нового протеже. Но тогда он и сам пал жертвой безжалостного и непомерного честолюбия Арнольда.

Первая поездка Арнольда в Лондон на конкурс «Мистер Вселенная — 1966» принесла ему статус звезды, а также прибавила много новых друзей. Он стал наследником европейского трона культуризма, утвердил себя в избранной области, завел поклонников и стал раздавать автографы. Беннетты присматривали за ним и продвигали его, Рег Парк, первый кумир Арнольда, по-настоящему поверил в него. И когда Арнольд уезжал из Англии в Мюнхен, чтобы возобновить свои занятия в гимнастическом зале Путцигера, он уже знал, что жизнь его все быстрее набирает ход и он теперь ближе, чем когда-либо, к осуществлению своей мечты. Однако не все было так безоблачно. На протяжении всей своей карьеры Арнольд прилагал талант популяризатора и рекламного агента к сфере культуризма. Одна из его первых целей состояла в том, чтобы полностью избежать всякой параллели между культуристами и гомосексуалистами. Чтобы добиться этого, он сделал ряд заявлений. В 1975 году Арнольд сказал: «Лично мне неизвестно, чтобы кто-либо из успешно выступающих культуристов оказался гомосексуалистом. Однако вокруг культуризма крутится много их „голубых“ последователей. Вы можете увидеть их, к примеру, отправляясь на соревнования. И в гимнастических залах вы встретите гомосексуалистов, записывающихся в группу, только для того, чтобы поглазеть, как мы работаем. Они реагируют на нас, вероятно, как я реагирую на какую-нибудь сексапильную

женщину. Я хочу сказать, что и мне захотелось бы посмотреть на Бриджит Бордо, которая выполняла бы в зале боковые жимы в наклоне. Многие ошибаются, полагая, что мы — „голубые“ только потому, что мы привлекательны для этих людей».

А в 1976 году, комментируя сцену из своего фильма «Оставайся голодным», в которой женщина спрашивает культуриста Джо Санто, не гомосексуалист ли он, заметил: «Такого в фильме не подразумевалось. Мой персонаж в этом отношении не вызывает сомнения. Среди культуристов гомосексуалистов практически нет. Есть немного „голубых“ среди нашего окружения. Иногда они приходят в зал, чтобы иметь возможность пройти с нами в душ». Хотя Арнольд и был предельно осторожен в своих высказываниях (да, естественно, «голубые» восхищаются культуристами, идут заниматься с ними в залы, чтобы быть ближе к ним), становилось ясно, что полностью отрицать их гомосексуальность нельзя. До Арнольда, который поднял культуризм на недосягаемую высоту, предложив в качестве призов гигантские суммы денег, культуристы не имели и гроша в кармане. Они не желали работать, поскольку каждая секунда была дорога им, чтобы тренироваться и питаться, питаться и тренироваться. Таким образом, Арнольд, с его громадным талантом, с его связями с общественностью и легкой склонностью к дезинформации, забыл упомянуть об одной неотъемлемой черте культуризма — они в течение многих лет пытались свести концы с концами и зачастую не останавливались ни перед чем для решения своих финансовых проблем. Даже сегодня чемпион-культурист Рональд Матц говорит: «Когда культуристу не хватает денег, он сделает что угодно, чтобы выжить. Некоторые очень богатые „голубые“ вкладывают деньги в атлетов, заявляя: „Я дам тебе тысячу долларов, а ты — позируй“. Иногда „голубые“ только наблюдают, как позирует культурист, и затем, после того как деньги перешли из рук в руки, фотографируют их».

А в середине шестидесятых это тем более было распространено. Британский культурист Джон Ситроун, который, вместе с женой Конни в свое время выступал в английских ночных клубах, демонстрируя свою силу и надувая нагретые бутылки из-под воды до тех пор, пока они не лопались, так описывает английский мир культуризма того времени: «Мы все были энтузиастами культуризма, но этот спорт не приносил денег. Некоторые крупные фотографы, специализирующиеся на культуризме, были „голубыми“. Да и вокруг все время ошивалось множество гомосексуалистов». В Лондоне 1966 года на соревнованиях культуристов всегда присутствовали два «голубых»

мецената от спорта. Одни из них — испанский миллионер Оскар Хейденстам, по слухам, и сейчас активно поддерживает NABBA. На протяжении последних двадцати пяти лет он появлялся на конкурсах NABBA. После конкурса «Мистер Вселенная — 1966», на котором Арнольд добился успеха, испанский миллионер разговаривал в течение нескольких часов с Риком Уэйном, а затем, по словам Уэйна, «вытащил кипу фотографий Арнольда в своем доме, снятых определенным образом, и своих собственных — в нижнем белье». Другой, еще более откровенный информатор утверждает, что ему показывали те же самые фотографии Арнольда, сделанные испанским миллионером, который, якобы, уплатил ему тысячу долларов за то, что тот провел выходные дни в его доме в Испании и позировал для подобных снимков. Арнольд Шварценеггер отнюдь не был гомосексуалистом, а скорее активным гетеросексуальным мужчиной с горячей кровью. Тем не менее, девятнадцати лет от роду, преисполненный решимости обогатиться, покорить мир культуризма и стать суперзвездой, он иногда шел на некоторые отклонения от своих принципов. Недаром Рик Уэйн говорил: «В те дни искушение подстерегало на каждом шагу». Однажды в Нью-Йорке один культурист предложил Рику встретиться с неким г-ном Р. «Рик, — сказал он, — этот парень — врач, у него куча денег, и он хочет встретиться с тобой. Тебе ничего не надо будет делать. Он заплатит мне только за то, что встретится с тобой». По словам Рика, такие случаи были обычными. Более того, кое-кто мог предложить и поделиться деньгами, которые они зарабатывали, организовав встречу. Что касается г-на Р., вспоминает Рик, «то он преследовал меня шесть месяцев. Он предлагал мне квартиру, регулярную плату, чтобы я мог ничего не делать, а только тренироваться и питаться, если стану его парнем. Я решительно отказался, и тогда он сказал: „Ну, хорошо, ты можешь передать меня своему другу“. Г-н Р. специализировался на этом. Он подходил к культуристу, с которым был чем-то связан, и предлагал деньги, чтобы тот познакомил его с каким-либо другим спортсменом. Он прямо сорил деньгами. Арнольд был культуристом высшего класса, он был изюминкой, мог попросить, чего бы ни захотел, и стать для г-на Р. лакомым кусочком».

Г-н Р., встретившись с Гельмутом Ридмейером через британского издателя журналов для «голубых», откровенно попросил представить его «этой новой сенсации» Арнольду Шварценеггеру. Он собирается быть в Мюнхене, и может быть, Ридмейер организует там эту встречу? Ридмейер — друг Арнольда, его переводчик и лондонский гид — сказал, что, возможно, ему это и удастся. Заплатил ли тогда г-н Р. Ридмейеру

— неясно, Гельмут рассказывал об этом совершенно свободно, как если бы все было в порядке вещей. «Арнольду я его тогда представил», — говорил Ридмейер, добавив, что Арнольд не знал, как выйти из сложившейся ситуации. Ридмейер сказал ему: «Не нервничай, Знаешь… поступай так, как тебе в голову придет». «Это дело с г-ном Р., — продолжал Ридмейер, — было просто чисто финансовым вопросом. Я не знаю, платил ли г-н Р. Арнольду. Шварценеггер тогда уже хорошо зарабатывал. Но, видимо, Арнольд не стал вдаваться в детали, и польстился на деньги. Г-н Р. поблагодарил меня за услугу». Каким бы ни было существо этих взаимоотношений, дело не окончилось встречей в Мюнхене, Рик Уэйн предполагает, что Арнольд, к вящему огорчению Уэга Беннетта, приезжая в Лондон, жил то у Уэга, то у г-на Р. По рассказам Рика, однажды, когда Арнольд должен был, якобы, возвратиться в Германию, Уэг умолял его не спешить, но Арнольд отказался. Уэг отвез его в аэропорт. И что же — через несколько дней он вновь увидел Арнольда на ступенях собора Св. Павла, но уже в обществе г-на Р. По словам Ридмейера, «Арнольд продолжал поддерживать связь с г-ном Р. в течение двух лет, пока в 1968 году не уехал в Америку». Двадцать три года спустя после своей первой встречи с Арнольдом г-н Р., чем-то напоминающий сенатора Дэниеля Патрика Мойнихена в английском варианте, сидел в своей квартире в лондонском районе Челси и, прикуривая одну сигарету от другой, хорошо поставленным голосом рассказывал о своих взаимоотношениях с Арнольдом. Г-н Р. признал, что культуристами у него кое-что было. Ну, а с Арнольдом? На это г-н Р. разочарованно ответил: «Жаль, но только не с ним, хотя он получил от меня очень много». Впрочем, г-н Р. отрицает, что платил ему наличными, «Может, я и давал ему на такси, чтобы он вернулся к Уэгу», — говорит г-н Р., не отрицая, что Арнольд часто бывал у него, всего сытно ел и вообще был очарователен, «Он хорошо щекотал нервы».

Глава 5: Побег в Америку

К 1967 году имя Арнольда в мире культуризма было у всех на устах — по меньшей мере, в Британии. В Лондоне он выступил перед двумя тысячами поклонников и по завершении шоу раздавал автографы. За несколько недель до конкурса «Мистер Вселенная — 1967» он съездил в Портсмут, где провел несколько показательных выступлений, живя у отца Дианы Беннетт — Боба Вулгара. В это время он тренировался с Гордоном Алленом, ныне вице-президентом NABBA. Уэг Беннетт сообщил об Арнольде Гордону заранее, назвав его великим открытием: в Портсмуте до той поры никогда не видели подобного гиганта. Аллен вспоминает, что даже в двадцать лет Арнольд продолжал сидеть на стероидах. В Портсмуте Арнольд осмотрел также флагман адмирала Нельсона «Виктори». Когда он поднимался по сходням, свободные от службы матросы королевских ВМС поражались его мощью. Заметив их реакцию, Арнольд нагнулся и подхватил несколько корабельных ядер, словно это были мандарины. Арнольд всегда интересовался историей и с любопытством переходил из помещения в помещение, с трудом пролезая в двери, рассчитанные на людей, меньше его, как минимум, вдвое. Во время своего короткого пребывания в Портсмуте Арнольд дал Аллену понять, что, отнюдь не прочь, был бы, провести время с какой-нибудь женщиной, которой Аллен сочтет нужным его представить. Подходящая кандидатура была найдена — милашка небольшого роста, готовая следовать желаниям обаятельного австрийца. Ее, однако, ожидало суровое разочарование. И не потому, что Арнольд не удовлетворял ее как мужчина. Через два дня после того, как у нее начался этот роман, покоренная его статью — как это случалось позже со многими женщинами — и уверенная в том, что ей повстречалась самая большая любовь в ее жизни, она поехала с Гордоном Алленом в Лондон, чтобы посмотреть выступление Арнольда на конкурсе «Мистер Вселенная 1967». И тут Арнольд ее полностью проигнорировал. Она вернулась в Портсмут вся в слезах. Ибо Арнольд в это время не интересовался ничем — ни женщинами, ни любовью, ни сексом — его покоряли лишь огни рампы, ведь грандиозные мечты ныне становились реальностью. Он выиграл состязания. Будучи в наилучшей форме, Арнольд при весе 235 фунтов и росте 6 футов 2 дюйма продемонстрировал окружность плеча — 22 дюйма, бедер — 28.5 дюйма, икр — 20 дюймов, талии — 34 дюйма и груди — 57 дюймов. Настоящий супермен, он дышал мощью и силой и был совсем не похож на робкого десятилетнего

мальчика, который описался от страха перед своим отцом. Ныне же, в двадцать лет, Арнольд стал самым молодым в истории «Мистером Вселенная».

Памятуя об обещании Рега Парка пригласить его в Южную Африку, когда он получит почетный титул, Арнольд отбил своему кумиру телеграмму: «Я только что завоевал звание „Мистер Вселенная“. Ну, как?» Рег, обладавший в южноафриканском мире культуризма большим влиянием, обычно приглашал новокоронованного «Мистера Вселенная» провести в Южной Африке показательные выступления и, соответственно, предложил Арнольду контракт, предусматривавший его участие в качестве гостя в шоу в десяти южноафриканских городах с гонораром пятьдесят фунтов за выступление. В личном плане Рег также пригласил Арнольда в 1967 году провести Рождество с ним и его женой Марианной, уроженкой Южной Африки. Вне себя от радости, Арнольд согласился. В книге «Арнольд: воспитание культуриста» он писал, что был поражен роскошным домом Парка, бассейном, антиквариатом, слугами и чувствовал себя не в своей тарелке. Вместе с тем он вполне воспринял южноафриканскую систему апартеида. Дома же, в Австрии, Арнольд еще не стал всепобеждающим героем своих снов. Особенно это относилось к Грацу, где ему так и не удалось окончательно перетянуть на свою сторону партнеров по тренировкам в клубе. Однажды Арнольд чуть было не подрался с Карлом Кайнратом после того, как сказал ему: «После четырех лет тренировок хоть что-то ты показать можешь?» Карл, крепкий представительный мужчина, способный ответить колкостью на колкость, оглядел Арнольда с ног до головы и произнес: «Если ты еще раз скажешь что-либо подобное, я тебе зубы вобью в глотку». Арнольд, отступив назад, ответил: «Ну, что ты, Карл, шуток не понимаешь? Я не хотел тебя обидеть».

И вот теперь, когда Арнольд стал самым знаменитым культуристом в Европе и самым молодым в истории «Мистером Вселенная», он был вправе ожидать уважения, благоговения и почтения со стороны своих бывших коллег по клубу. Его бывший тренер Гельмут Чернчик участвовал в подготовке триумфального возращения Арнольда. В декабре 1967 года, всего через два месяца после того, как он был признан «Мистером Вселенная» в Лондоне, Арнольд прилетел в Грац из Мюнхена, чтобы принять участие в чемпионате по поднятию тяжестей «Пэрэдайз лифтинг чемпионшип» Келлера. Как вспоминает Чернчик, "Арнольд прибыл в лыжном пуловере бежевых тонов, подчеркивавшем его мышцы. Только плечо Шварценеггера достигло 50 с половиной сантиметров в окружности. Все были поражены, Принесли и

выставили в центре зала призы. Арнольд упер руки в бедра и сказал: «Это что? Куча дерьма. И я летел всю дорогу, чтобы выиграть такой приз?» Кто-то спросил, абсолютно ли он уверен в победе, Арнольд задумался, а затем поглядел по сторонам, засмеялся, потом замолчал и начал тщательно изучать присутствующих. Минуту спустя он со смешком обратился к культуристам: «Ты, Курт (Марнул), хорош в жиме лежа, но попробуй-ка выжать пятьсот фунтов в упоре присев, сразу сломаешь себе ноги. Эдди (Зигнер), нет, нет, у тебя хорошие руки, но до меня тебе далеко. Затем он повернулся к Карлу Кайнрату и добавил: „Карл, я слышал, ты довольно силен, но до меня тебе все равно надо расти и расти“. Кайнрат пристально посмотрел на него. Затем повернулся ко мне и спросил, сколько я выжимаю лежа. Арнольд на соревнованиях проиграл. (Выиграл Чернчик). И внезапно он снова стал восемнадцатилетним малышом». Культуристы Граца, должно быть, возрадовались поражению Арнольда, но по другую сторону Атлантики всемогущий Джо Вэйдер, сам носящий титул «Мистер Бодибилдинг», знал лишь о его победах. Титул «Мистер Вселенная», завоеванный Арнольдом, побудил Вэйдера дать своему представителю в Европе Людвигу Шустриху указание пригласить Щварценеггера в Америку, где Уэйдер планировал платить ему небольшое жалованье, чтобы тот мог тренироваться и писать учебные пособия для изданий Уэйдера. Он намеревался сделать из Арнольда звезду культуризма не только европейского, но и международного класса.

Джо Уэйдер был уникальной, встречающейся раз в столетие личностью — таким же в своем роде сокрушителем традиций, как и Арнольд. Родившись в Монреале в 1922 году, Уэйдер (по словам его бывшего издателя Рика Уэйна) «всю свою жизнь отдал любви к культуризму». В тринадцать лет бедный мальчик из низших слоев общества был очарован крепкими мускулистыми телами, увиденными в журнале «Стренгс энд хелс». Слабое здоровье не позволило, однако, Джо заниматься в гимнастическом зале. Не обескураженный этим, он отыскал на соседней свалке маховик и стал использовать его вместо гантели. Через два года при весе всего в 155 фунтов Уэйдер уже был в состоянии выжимать 222 фунта. Тогда его еще можно было назвать тяжелоатлетом, но вскоре он окончательно повернулся к культуризму. Узнав, что культуристы не пользуются успехом, он пришел к выводу, что это в значительной степени объясняется отсутствием специального журнала. Уэйдер поклялся исправить ситуацию. Используя старые номера «Стренс энд хелс» в качестве источника, Уэйдер составил список восьмисот мускулистых мужчин и провел по почте опрос,

извещая о своем намерении издавать журнал по культуризму. В порядке подписки поступило до 500 долларов, и Уэйдер незамедлительно отпечатал на ротаторе несколько первых номеров своего нового издания «Йор физик». Далее Уэйдер и его брат Бен основали Международную федерацию бодибилдинга, оставили позади своих соперников Боба Хоффмана и Дэна Льюри, также издававших литературу по культуризму, и в конечном итоге стали самодержавно править в мире этого вида спорта. В американском культуризме их слово было законом, репутация — дороже жизни, а хватка, которой они схватили спортсменов, — мертвой. Они были антрепренерами и бизнесменами, возводили на трон и свергали с него, словом, творили легенды. Злые языки утверждали, что если Уэйдеры решили рекламировать какого-либо культуриста в своем журнале, то он мог завоевать гигантскую популярность у публики, даже ни разу не выступив ни в едином конкурсе. Короче говоря, Уэйдеры были всемогущи. И то, что они должны были обратить свое высочайшее внимание на Арнольда, было лишь вопросом времени.

Арнольд, однако, вовсе не был готов бросаться в неизвестное, очертя голову. Теперь, когда он был «Мистером Вселенная», функционеры НАББА типа Оскара Хейденстама, открыто соперничавшие с организацией Уэйдеров, предупреждали его, чтобы он не связывался с Джо. Более того, Арнольду нравилась жизнь в Мюнхене. Опираясь на свое чувство предвидения, он решил отложить принятие любых решений, касающихся переезда в Америку и перехода в пользующиеся довольно сомнительной репутацией, хитрые и вместе с тем блистательно талантливые руки Джо Уэйдера. Пока что он еще не знал, насколько совместимы он и Джо Уэйдер. Тем не менее, Шварценеггер согласился встретиться с эмиссаром Уэйдера Людвигом Шустрихом, который нанес ему визит в отеле «Ройял» в Лондоне через несколько дней по завершении состязаний. Арнольд выслушал Шустриха, ушел от ответа и спокойно возвратился в Мюнхен. Теперь он был чемпионом, и весь мир лежал у его ног. 6 октября 1967 года свежеиспеченный «Мистер Вселенная» дал одно из своих первых интервью прессе — газете «Мюнхнер Меркур». Арнольд сообщил, что тренируется по четыре часа в день, а затем заявил о своем желании стать для молодежи примером и внушить ей, что жизнь не сводится к сидению за стойкой бара со стаканом виски. Далее интервью покатилось под гору. Арнольд признался, что у него нет времени читать, но что он часто ходит в оперу со своим отцом. «Какие спектакли Вы смотрите?» — осведомился интервьюер. Арнольд смешался и не смог назвать ни одной оперы. А когда дар речи вернулся к нему,

то, судя по отчету журналиста, он начал что-то бормотать с нечленораздельным австрийским акцентом.

Пройдет немного времени, и Арнольд в том, что касается саморекламы, будет на равных соперничать с Мохаммедом Али, но тогда, только еще вкусив славы, он не научился давать интервью. В 1968 году Арнольд дал интервью журналисту Кристоферу Уорду из лондонской «Дейли миррор». Чтобы осознать, как впоследствии далеко вперед ушел Арнольд, как росла его слава и поднимался престиж культуризма, было бы поучительно проанализировать тональность одного из первых английских интервью Арнольда и ощутить то презрение, с которым тогда относились к нему и его виду спорта. День и место действия — 8 марта 1968 года, Лондон, Заголовок гласит: «Кристофер Уорд, вес 10 стоунов 2 фунта, окружность груди на вдохе 36, 5 дюйма встречается с „Мистером Вселенная“, вес 18 стоунов 2 фунта, окружность груди на вдохе 58 дюймов. — Да, нелегко быть Арнольдом Шварценеггером». Подле заголовка — фотография обнаженного по пояс Арнольда и подпись: «Арнольд Шварценеггер — непонятый человек-мышца». А затем Уорд начинает препарировать свою злополучную жертву: "Арнольд Шварценеггер может под настроение пробить дырку в стене. Если его хорошенько попросить, он будет надувать горячую бутылку из-под воды, пока она не разлетится вдребезги, и перевернет ваш автомобиль одной рукой. Если он как следует постарается, то сможет удержать над головой вес, равный восьми Твигги (английская миниатюрная манекенщица, звезда того времени). Это всего лишь на пол-Твигги меньше мирового рекорда в восемь с половиной Твигги, или в 710 фунтов. Думаю, это произвело на вас впечатление. К несчастью, Арнольда, который в свои двадцать лет является самым молодым в истории «Мистером Вселенная», никто не понимает. Знаете, как люди говорят о нем? Называют одной большой мышцей. Ну, ладно, публика не думает о своих словах, но они очень огорчают бедного Арнольда с его весом в 18 с лишним стоунов и грудью объемом в 58 дюймов. Действительно — ничего, кроме мышц. На другой день после прибытия Арнольда в Британию для показа силовых шоу в разных местах страны я заскочил к нему, чтобы выразить мои соболезнования и увидеть тело, прекрасное, но не более того. «Поймите, пожалуйста, что я такой же человек, как обычные люди, только выше и сильнее», — сказал Арнольд, уроженец Австрии. В своей стране он — чемпион по поднятию тяжестей, чемпион по подводному плаванию, чемпион по прыжкам в воду и чемпион по керлингу.

«Я такой же нормальный человек, — повторил Арнольд. — Почему же люди подсмеиваются надо мной? Только потому, что я

самый большой и самый сильный человек в мире?» «И самый красивый», — рискнул я высказаться. «И самый красивый», — согласился Арнольд. (Если вы пожелаете оспорить что-либо из вышесказанного, Арнольд будет счастлив разрешить с вами этот вопрос в любое время и в любом месте по вашему выбору.) Бугристо-мышечная жизнь Арнольда состоит из странствий по свету, заполненных показательными выступлениями, как у «Мисс Уорлд», и предложениями сняться в кино в роли Геркулеса, Тарзана, Язона или Самсона. Есть, конечно, и изрядное количество неудобств. Сначала, когда люди встречаются с ним, они не вступают в дискуссию об амплитуде и частоте нервных импульсов. Толчок сюда, тычок туда. Некоторые даже вместо привстствия позволяют себе веселый удар поддых. И удивляются обнаружив, что это причиняет ему боль. Еще одно затруднение состоит в том, что множество девушек сегодня вовсе не сходят с ума от крупных мужчин-самцов. Они предпочитают кого-нибудь послабее. Но самое печальное для Арнольда — это то, что худосочные люди — как вы и я — вечно задирают его. Никогда бы не подумал, что какой-то там таксист может послать Арнольда подальше с его шестипенсовиком на чай. Или билетер в кино в здравом уме и доброй памяти укажет Арнольду на хвост очереди, когда он придет туда посмотреть «Мэри Попинс». Но они делают это, храбрые ребята. Они же делают это. Арнольду, чтобы выжить, нужны яйца, молоко, мясо, концентрированная пища, а из напитков — ничего, кроме пива. Он ест почти в три раза больше, чем большинство людей. «Надеюсь, вы не собираетесь, расставшись со мной, написать, что у меня, как это там у вас говорится, мозги без мяса?» — спросил Арнольд. «Вы имеете в виду мясо без мозгов?» — осведомился я «О, — сказал Аронольд, — вы очень любезны». Прочитав статью Кристофера Уорда, Арнольд был вне себя от ярости. Его попеременно то покровительственно похлопывали по плечу, то откровенно высмеивали. Его английский передразнивали, к его профессии отнеслись пренебрежителыю, а сам он, Арнольд Шварценеггер, был выставлен на посмешище. Ему, не имевшему опыта общения с британской прессой и подкошенному плохим знанием английского языка, ни на йоту не удалось произвести нужное впечатление, проявить свою истинную натуру. В ярости Арнольд поклялся Рику Уэйну, что никогда больше не позволит какому-то журналисту выставлять его дураком. Тем не менее, эта статья определила отношение Арнольда к прессе и предрешила его последующий подход к своему собственному имиджу и рекламе. Даже на этом этапе, несмотря на ограниченное знание английского и новизну своего статуса, он попытался

продиктовать журналисту, что и как о нем следовало бы написать.

И хотя Арнольду не удалось навязать свою волю этому журналисту — одному из первых, который встретился ему на пути, он мог утешаться тем, что Кристофер Уорд, по крайней мере, правильно написал его имя. Покуда этого было достаточно, а в не столь далеком будущем Арнольд, уже в совершенстве овладев английским языком и тонкостями саморекламы, будет использовать прессу эффективнее, чем, пожалуй, какая-либо другая знаменитая личность эпохи. Арнольд, казалось, безмерно наслаждался своим новообретенным статусом. Приблизительно в то же время, когда Кристофер Уорд опубликовал свою статью, он поехал в Ньюкасл, на север Англии, чтобы выступить в качестве звезды в шоу, организованном Джоном Ситроуном — его будущим соперником на конкурсе «Мистер Вселенная — 1968». Жил он в доме Ситроуна на Честерли-стрит, всего в восьми милях от Ньюкасла. Ситроун рисует характерную картину короткого пребывания там Арнольда: «Он с трудом изъяснялся по-английски. Демонстрируя себя, говорил каждому: „Посмотрите-ка на самые большие плечи в мире“ — и добавлял: „Я собираюсь в Америку, чтобы стать одним из самых знаменитых людей в мире“. Мы не были состоятельными людьми, и он буквально разорил нас». В 1968 году поступили новости и от домашних Арнольда из Австрии: 2 февраля невеста Мейнарда Эрика родила сына Патрика. К этому времени они еще не вступили в брак поскольку, по словам Эрики, Мейнард не желал остепениться, Мейнард также тайно — Арнольд узнал об этом только через три года — назвал Арнольда крестным отцом Патрика. А когда Арнольд выяснит правду, выбор Мейнарда приобретет особое значение и обнажит новую грань загадки, которую представлял собой к этому времени Арнольд.

Арнольд продолжал успешно продвигаться на поприще культуризма. В сентябре он поехал в Лондон, чтобы принять участие в состязании на титул «Мистер Вселенная — 1968». Отвечая на вопрос об успехах Арнольда на конкурсах НАББА, президент этой организации Джимми Сэйвил сказал: «Что приносило ему победу, так это его непостижимые личные качества. Он мог выйти на сцену так, что публика сразу же начинала аплодировать ему. У него был легкий характер, и он умел изящно надуть людей. Арнольд, по натуре дьявольски серьезный человек, всегда производил впечатление этакого бесшабашного малого. Излюбленным его обращением ко мне было: „Привет, Джимми, как дела? Как вообще? Пойди погляди на кое-кого из моих худосочных приятелей“. И затем представлял

меня другим культуристам, соревнующимся с ним. Он использовал меня, чтобы выбить их из колеи, Арнольд был в высшей степени уверен в себе». Эти слова, безусловно, имели под собой основания. 21 сентября 1968 года, в субботу, в лондонском «Виктория-пэлэс» Арнольд во второй раз получил титул «Мистер Вселенная». Победу Арнольда на этом конкурсе можно было предвидеть. А вот его следующий шаг оказался непредсказуемым. Джо Уэйдер — американский антрепренер на поприще культуризма — на протяжении года добивался приглашения Арнольда через своего представителя в Европе Людвига Шустриха. «Люд» и его жена Пат впервые встретились с Арнольдом в начале 1967 года в Мюнхене, где они обедали с Шварценеггером, другим культуристом, и его молодой женой.

Оглядываясь в прошлое, Пат Шустрих вспоминает, что широко разрекламированное обаяние Арнольда заранее вызвало у нее неприязнь, Пат поделилась своими впечатлениями с Людом. Однако ее муж, некритически относящийся к людям и пытающийся отыскать в каждом из них только хорошее, предпочел не подвергать нападкам нового протеже Уэйдера. Но тем не менее он был шокирован поведением Арнольда во время первого обеда в Мюнхене. Когда молодожен Х., мускулистый и привлекательный культурист, отлучился в туалет, Арнольд повернулся к его жене и сказал: «Слушай, я живу тут недалеко. Прогуляемся-ка ко мне на квартирку». Люд Шустрих, годившийся Арнольду в отцы, вмешался и преподал молодому человеку урок вежливости, указав недвусмысленно на его неджентльменское поведение. Арнольд выслушал внушение Люда, не протестуя. Это говорило о том, что он вовсе не отказался от идеи перебраться в Америку. В августе 1968 года, во время одного из своих многочисленных посещений Англии, он принял приглашение Люда и Пат на пикник в их доме в Пэрли (графство Сюррей), Пикник был организован по-калифорнийски — мясо жарили на огне. После обеда зашел разговор о возможной поездке Арнольда в Америку. Люд Шустрих вспоминает, что он объяснил Арнольду необходимость, в случае положительного решения, получить визу.

Успехи в Европе отнюдь не означали, что Арнольд достиг пика своей формы, позволяющего ему штурмовать Америку. Поэтому Люд был чрезвычайно удивлен, когда перед самым конкурсом НАББА на титул «Мистер Вселенная» Арнольд пришел к нему в отель «Ройял» в Лондоне и с порога объявил, что хочет уехать в Америку немедленно. В этом не было ничего странного. Джо Уэйдер действительно приглашал Арнольда принять участие в конкурсе «Мистер Вселенная», проводимом ИФББ в Майами,

который должен был состояться на днях. Но Арнольд, по словам Шустриха, был не в форме, по крайней мере, для чемпионата ИФББ в Америке. Он не тренировался для такого выступления и даже не собрался должным образом, захватив с собой лишь одну спортивную сумку. Однако, как бы то ни было, Арнольд назначил Люду встречу у стойки «Эйр Индиа» в лондонском аэропорту Хитроу. В книге «Арнольд: воспитание культуриста» Шварценеггер объясняет, что он первоначально собирался только поучаствовать в состязаниях, а затем возвратиться в Германию, По словам Люда, это было не совсем так. Ибо контракт Уэйдера, который Люд привез для подписания Арнольду в Хитроу, обязывал его жить в Америке. Скорее всего импульсивное решение Арнольда уехать на этот континент, не медля ни секунды, было продиктовано трезвым расчетом. В своей книге Арнольд упоминает о каких-то «шероховатостях» в отношениях с мюнхенской полицией. Ходят слухи что эти «шероховатости» бьгли куда более серьезными, чем представлялось на первый взгляд, хотя ничто и не говорит об их уголовном характере.

Г-н Р. вспоминает, что Арнольд позвонил ему вечером накануне отъезда в Англию и сказал, что собирается в Америку, потому что в Германии у него возникли серьезные проблемы. Но какими бы они ни были, в аэропорту он столкнулся с еще одним препятствием на пути осуществления своего плана. Когда он протянул документы кассиру «Эйр Индиа», тот в оцепенении посмотрел Арнольду в лицо. Визы не было. Уэйдер ждал его в Америке. Открытие конкурса неумолимо приближалось. А Арнольд сел на мель в Лондоне. Люд тоже пришел в ужас, зная, что запрос и получение визы займут несколько дней. А ведь Шустрих уже почти поздравил себя с успехом, добыв Арнольда для Уэйдера. Сам бывший чемпион мира по культуризму, Люд испытывал удовольствие от своей роли в карьере избранника судьбы, призванного стать легендой мирового культуризма. И вот теперь, из-за неожиданной глупости со стороны Арнольда, Уэйдер разгневается и Арнольд не сможет участвовать в конкурсе в Майами. Люд задумался на несколько секунд, после чего его осенило. Офицер резерва американских военно-воздушных сил, Шустрих был членом лондонского клуба для офицеров резерва американских ВВС «Коламбиа». И, как оказалось, все восемнадцать его компаньонов по клубу занимали высокое положение. Естественно, как это и должно было быть с Арнольдом Шварценеггером, которого оберегало провидение, один из них случайно работал в секторе виз американского посольства. Так что Люд схватил телефонную трубку, позвонил своему товарищу-офицеру и попросил его об услуге, объяснив,

что одному из лучших атлетов мира немедленно нужна американская виза. Приятель Люда заколебался, а затем сказал: «Люд, я не сделал бы этого ни для кого в мире. Я делаю это исключительно ради тебя, потому что ты — мой товарищ-офицер и на твое слово я могу положиться. Я добуду тебе незамедлительно американскую визу, если ты лично поручишься за Арнольда Шварценеггера. Поручишься, что за ним нет уголовных дел. Тогда я тебе поверю, зная, что наше слово друзей нерушимо». Люд еще раз взглянул на великую надежду Уэйдера, молодого и на вид невинного Арнольда, светящегося желанием, страстью и обаянием, и согласился.

На такси они помчались в посольство. Люд прочел визорой запрос, включавший положение о том, что проситель не подвергался уголовному преследованию. Шустрих знал, что, подписывая его, подставляет свою голову, равно как и товарища-офицера, служащего американского посольства. На секунду Люд вспомнил из ряда вон выходящее поведение Арнольда по отношению к жене молодого культуриста во время их первой встречи в Мюнхене, но затем отогнал эти мысли. В конечном счете Арнольд молод. Он изменит свою жизнь и будет процветать в Америке. Люд подписал запрос, и Арнольд прямо на месте получил визу на въезд в Америку. Если бы этого не случилось, то могущественный Джо Уэйдер закончил бы его так и не начавшуюся карьеру культуриста в Америке. Но Арнольд был сверхъестественно удачлив. Люд Шустрих рискнул поручиться за человека, которого по сути дела не знал. Но, как оказалось, было и другое обстоятельство, побудившее его пойти на риск ради Арнольда. Люд Шустрих, выглядящий американцем, на самом деле родился в Предате, в Югославии, входившем в свое время в состав Австрии. Город этот расположен неподалеку от Таля, родины Арнольда. Люд не мог оставить в беде своего земляка. Судьба предначертала Шустриху стать тем единственным человеком, который помог Арнольду в его переезде в Америку к новой жизни.

Глава 6: Флорида и Калифорния: 1968 год

Совершив третье и наиболее примечательное путешествие в своей жизни, Арнольд прибыл в Америку в конце сентября 1968 года. Хотя он набрал лишний вес и оказался далеко не форме, прощальными словами Шварценеггера Люду Шустриху были: «Я их там в Америке сожру. Я сожру их, крошка». Шустриха явно обеспокоила чрезмерная самоуверенность Арнольда. Ступив на американскую землю в международном аэропорту Майами, Арнольд не был готов ни к встрече с Америкой, ни к конкурсу ИФББ «Мистер Вссленная». Годы спустя он вспомииал: «Я почти совсем не знал языка. Я не мог слушать новости. Я не мог читать газеты… Это было самое трудное время в моей жизни». Позже он добавил: «Я остался совсем без денег. Со мной была только спортивная сумка, ведь я не планировал тогда ехать в Америку. Я чувствовал себя словно беспомощный мальчик». Через день после прибытия в Америку Арнольд потерпел поражение от Фрэнка Зейна. Зрители в «Майами-Бич Аудиториум» не протестовали против решения судей. Зейн, красавец с шоколадным загаром, бывший на семьдесят фунт легче Арнольда, только что завоевал титул «Мистер Америка», выглядел превосходно и позировал грациозно. Арнольд же, при весе 250 фунтов, играл мощной мускулатурой но, белый как мел, явно уступал в качестве. В этот вечер Арнольд, один в незнакомой стране в тысячах миль от континента, где он всегда побеждал, долго рыдал в постели, пока не уснул. Как и в прошедшие годы только непоколебимая воля могла привести его в равновесие. Решение, которое Арнольд принял в эти первые дни в Америке, помогло ему вновь ринуться на путь славы и богатства. «То, что не убивает тебя, сделает тебя сильнее», — таков был афоризм Фридриха Ницше, ставший эпиграфом к фильму «Конан-варвар». Он был унижен и побежден, но это не помешало Шварценеггеру восстать из пепла еще более сильным. Свое поражение он превратит в победу, добившись полного триумфа. Одного из зрителей в «Майами-Бич Аудиториум», наблюдавшего, как Фрэнк Зейн наносит поражение Арнольду Шварценеггеру, охватили странные и противоречивые эмоции. Этим человеком был Джо Уэйдер, покровитель Арнольда, подписавший с ним годовой контракт и оплативший его перелет в Америку. Сегодня Уэйдер рассказывает: «Я не сомневался в том, что Арнольд — это спящий гигант, ждущий лишь пробуждения, чтобы достичь величия, ему предуготовленного. Моя работа с ним

в течение недели, пока длился конкурс, сразу же показала, насколько талантлив он в действительности… Я знал, что Арнольд станет величайшим культуристом своего времени». Некоторые культуристы, однако, утверждают, что только результаты конкурса ИФББ «Мистер Вселенная — 1968» дали Джо столь необходимый козырь в игре с Арнольдом.

Джо, чрезвычайно проницательный человек, вероятно, заметил чрезмерную самонадеянность Арнольда и, возможно, пришел к выводу, что с молодого Шварценеггера недурно было бы сбить спесь. И хотя Джо Уэйдер не способствовал поражению Арнольда в Майами, оно, конечно, оказалось полезным. Его новый протеже продемонстрировал исключительную уверенность в себе. Может быть, теперь он станет более податливым и управляемым. Джо Уэйдер никогда не был человеком, испытывающим проблемы с культуристами или, коли на то пошло, любыми другими представителями рода человеческого. Канадский гнусавый выговор делал его похожим на гангстера и коверного клоуна одновременно, но он был человеком, с которым следовало считаться, человеком, обладающим неограниченной властью и ожидающим от каждого, кто связан с культуризмом, признания его превосходства. Если бы Макиавелли восстал из гроба, он нашел бы в Джо Уэйдере равного себе. И еще осталось под вопросом, удалось ли бы тому создать такую непробиваемую систему, какой была империя Джо Уэйдера. В октябре 1988 года «Калифорния бизнес» так подытожила размах текущих операций Джо: «Уэйдер и его брат Бен, президент Международной федерации бодибилдинга, охватывающей весь мир профессиональной организации в области культуризма, практически полностью контролировали все соревнования». В 1968 году «игроком» номер один, которым Уэйдер, естественно, хотел обладать, был Арнольд Шварценеггер. Поскольку Уэйдер был тем, кто заказывает музыку, то и контракт, который только что подписал Арнольд, предусматривал, что он будет платить Арнольду сравнительно небольшое еженедельное содержание. В обмен на это Арнольд должен был усиленно тренироваться, а затем предоставить свое имя, внешность и сложение для любых рекламных акций и публичных выступлений по выбору Уэйдера. Он также обязан был выступать с рядом статей, опубликованных за его подписью, но написанных безымянным автором, в которых излагались бы его методы тренировок. А Уэйдер, в свою очередь, разрекламировал бы его как новейшего кумира в культуризме. С точки зрения знатоков культуризма, все, казалось, было готово к тому, чтобы Уэйдер сыграл по отношению к Арнольду роль Пигмалиона, превратив неотесанного европейца в вылизанного

американца. Люди из окружения Джо предполагали, что Арнольд теперь, после поражения в Майами, будет в руках Уэйдера податливым воском. Но они глубоко просчитались. Ибо хотя Арнольд нуждался в Уэйдере ради карьеры в Америке, он вместе с тем намеревался идти своим путем. Сначала, однако, их взаимоотношения напоминали отношения ученика и учителя, Уэйдер натаскивал Арнольда во многих областях, включая вопросы финансовой выгоды от приобретения недвижимости и коллекционирования предметов искусства. Уэйдер давал Арнольду уроки рекламы, бизнеса и учил, как держать паруса по ветру. Это были отношения покровителя и протеже. Уэйдер, проницательный человек, блестящий антрепренер и мастер интриги, научил Арнольда проводить грань между деловыми отношениями и дружбой. В книге «Арнольд: воспитание культуриста» Шварценеггер пишет о прагматизме Уэйдера, его способности отставить в сторону даже самую нежную дружбу, как только речь заходила о бизнесе. Арнольд хорошо усвоил этот урок и в дальнейшем, несмотря на непрекращающуюся дружбу, стал вести дела с Джо, ни в чем ему не уступая. На первый взгляд казалось, что Джо полностью управляет Арнольдом. Истина же, однако, заключалась в другом: в глубине души Уэйдер был завоеван в первый же момент, когда увидел Арнольда, и никогда в дальнейшем не обладал полной властью над своим учеником.

Вскоре Арнольд уже стал командовать Уэйдером. Ученик превзошел учителя, протеже затмил наставника. По словам Арманда Тэнни, «Арнольд был умным, уверенным и напористым парнем. Он в буквальном смысле слова раздавил Джо». Уэйдер встретил в Арнольде равного. Как говорил культурист Дэн Хоуард, встречавшийся с Шварценеггером в Америке, «Арнольд был единственным культуристом, когда-либо бравшим верх над Уэйдером». И это действительно так. Ведущий журналист в области культуризма пишет: «Джо на глазах теряет свою силу в присутствии Арнольда. Арнольд — как ребенок, переросший своего отца». В некотором смысле Шварценеггер, возможно, и стал сыном, которого у Джо никогда не было. В то же время, Джо фактически стал отцом для Арнольда, хотя отец у него и был. Главным фактором, нарушившим первоначальную расстановку сил между Джо и Арнольдом, явилась, пожалуй, сама личность Джо Уэйдера, по своему характеру подобного Густаву. И если отцу так и не удалось сломить Арнольда, то шансов на то, что в этом преуспеет могучий Джо Уэйдер, было еще меньше. Джо неоднократно говорил Рику Уэйну, что Арнольд относится к нему как к отцу. Но если Арнольд ненавидел своего отца, то вполне естественно, что эта ненависть должна была в конечном итоге

выплеснуться и на Джо. Отношение Арнольда к Уэйдеру всегда было двойственным; по слухам, он произнес однажды: «Человек, которым я восхищаюсь больше всего, тот самый, которого я больше всех ненавижу!» В любом случае Арнольд был ценным приобретением для Джо на протяжении всей его карьеры, принося прибыль журналам Уэйдера и ИФББ, которыми заправлял Бен. Вместе с тем Арнольд часто отказывался признавать, что так уж обязан Уэйдеру. В первые годы пребывания Арнольда в Америке Уэйдер продолжал играть двойственную роль в его жизни. Он водил Арнольда по художественным галереям и антикварным магазинам и общался с ним как друг. Джо выдавал ему еженедельный заработок, оплачивал квартиру и машину. В свою очередь, Арнольд становился звездой Уэйдера номер один мирового масштаба, содействуя продаже журналов и товаров Джо и создавая в целом имидж культуризма. Несмотря на ядовитый тон замечаний Арнольда в адрес Уэйдера, на протяжении многих лет их деловые взаимоотношения и дружба не прервались. Уэйдер, считающий Арнольда близким другом, никогда не наносил ему публично ответный удар. Равно и Арнольд никогда по-настоящему не подводил Уэйдера, продолжая выступать в шоу ИФББ, давая интервью журналам Джо и не вычеркнув его из своей жизни, даже когда поднялся на ступень выше человека, вытащившего его в Соединенные Штаты Америки. До переезда в Калифорнию Арнольд жил некоторое время в Нью-Йорке, а затем по приглашению одного из лучших фотографов в области культуризма, Джима Карузо, который снимал Арнольда во время конкурса в Майами, отправился в Монреаль. Там Джим фотографировал его затем, по желанию Арнольда, повел на экскурсию по город и его прекрасным соборам. В Монреале Арнольд попытался купить себе джинсы, но не смог найти такие, которые налезли бы на его гигантские икры.

Следующим этапом была Калифорния, где в аэропорт Лос-Анджелеса его встретил фотограф Уэйдера Арт Зеллер. Как и Джо Голд, ныне работающий в зале «Уорлд Джим» Зеллер был основателем общества «Калифорниа Арниа», где к Арнольду относились с большим пиететом. По словам: "Зеллера, новоприбывший говорил по-английски вполне прилично. Впрочем, его страшно разозлило, когда Фрэнк Зейн, которого он назвал "цыпленком с семнадцатидюймовыми плечами» нанес ему поражение. По указанию Уэйдера, Зеллер постоянно фотографировал Арнольда. По словам Арта, Арнольд готов был пожертвовать всем, чем угодно, лишь бы достичь своих целей, иметь достаточно времени для сна и упорных тренировок. Всегда

готовый признать свои недостатки и сделать все, чтобы устранить их, Арнольд сразу же взял несколько уроков позирования у Дика Тайлера. Тайлер, решив, что Арнольду больше всего подходит «героическая» музыка, выбрал в качестве основной темы сопровождения его выступлений мотив «Так говорил Заратустра». Годы спустя Тайлер заметил, что если бы Гитлеру понадобился рекламный идеал австрийца, Арнольд был бы его совершенным воплощением. Тайлер мог, конечно, и зло подколоть Арнольда. Так, с его подачи, с 1977 года в мире культуризма ходили слухи, что во время съемок псевдодокументального фильма «Качая железо», превратившего Арнольда в легенду, он выражал восхищение Гитлером. Гейнс, автор книги «Качая железо», в отличие от своего партнера Джорджа Батлера, не припоминает такого факта. «По моему мнению, — говорил он, — Арнольд вовсе не был восхищен Гитлером. Если он в самом деле сказал это, то скорее в уничижительном и язвительном смысле». По словам Манфреда Теллига, работавшего с Арнольдом в Мюнхене, Шварценеггер «восхищался тевтонским периодом Третьего рейха. Он просто обожал тевтонские статуи — эти сохранившиеся реликвии Третьего рейха в Мюнхене». По мнению Теллига, Арнольд вполне мог сказать: «Если бы я жил в те времена, то был бы одним из этих истинных тевтонцев», «Несмотря на то, — продолжал Манфред, — что Арнольд часто высказывался как неонацист, на деле это была лишь игра в Тарзана. Абсолютно несерьезная». Кстати сказать, вторая из четырех женщин, которых Арнольд серьезно любил в своей жизни, была наполовину еврейкой, да и сам он поддерживал длительные глубокие и искренние дружеские отношения с евреями. Многие из них были его ближайшими помощниками в бизнесе. Зафиксирована также дружба Арнольда с «Центром Визенталя» в Лос-Анджелесе и с самим Симоном Визенталем, его земляком, австрийцем еврейского происхождения, Арнольд присутствовал на праздновании дня рождения Визенталя, равно как на других мероприятиях его Центра.

Существуют тем не менее свидетели, которые в разные годы видели, как Арнольд вскидывал руку в нацистском приветствии и слушал пластинки с записями речей Гитлера. Журналист Шарон Черчер из «Пентхауза», бывший приятелем Арнольда еще с семидесятых годов, слышал от их общего знакомого, что у Шварценеггера в квартире хранятся нацистские побрякушки. Этот приятель подтвердил, однако, мнение продюсера фильма «Качая железо» Джорджа Батлера, что интерес к нацизму у Арнольда был «не большим, чем у любого историка, изучающего это время». Батлер, впрочем, не помнил такого разговора и вообще

утверждал, что в доме Арнольда никогда не видел никаких нацистских штучек. В 1989 году Шварценеггер дал интервью Черчеру. В нем он заявил: «Я ненавижу нацизм» — и добавил: «Когда у вас за спиной, скажем, Германия или Австрия, над вами иногда подшучивают и вам приносят подарки, которые, может быть, имеют какое-то отношение к нацистскому периоду». Отвечая на вопрос, сохранял ли он такие подарки, Арнольд ответил: «Нет. Я ненавижу все гитлеровское и презираю его». И все же Арнольд не только не пытался скрыть свои корни, но, наоборот, всячески рекламировал их. Ведь в конечном итоге цель многих культуристов состоит в том, чтобы придать своему телу формы, приличествующие расе господ. Силу и исключительность они ценят превыше всего. Журналист Дик Тайлер, издатель Джо Уэйдера на Западном побережье, встречавший Арнольда в его первые месяцы в Америке, так обосновывал это положение: «Я говаривал культуристам: „Когда вы идете на помост, думайте о себе, как о самых выдающихся личностях. Другого вам не дано. Тогда ваша стать дойдет до зрителей, и они будут от нее без ума. Именно за тем они и пришли сюда. Они сидят там, худосочные, и смотрят снизу вверх на эту сцену, на своих героев“. Культурист должен быть уверен в себе, и Арнольд знал это. Ему не надо было по этому поводу давать советов». В общем и целом обвинения в налете нацизма у Арнольда, вероятно, не задевали его на той уникальной арене, какой является культуризм.

Уэйдер подыскал для Арнольда небольшую квартиру на Стрэнд-стрит в Санта-Монике и определил в гимнастический зал ветерана культуризма Винса Жиронда, который располагался на бульваре Вентура между Студио-Сити и Юниверсал-Сити. Однако, по словам одного знающего мир культуризма информатора, первое впечатление Жиронды о новом протеже Уэйдера было далеко не благоприятным. Арнольд представился Винсу, гордо подчеркнув, что «Он — Шварценеггер, Мистер Вселенная». Винс, вечно раздраженный и не питающий уважения ни к кому, даже к суперзвездам великого Джо Уэйдера, презрительно оглядел Арнольда и сказал: «А по мне ты просто жирный…» Можно предположить, что Арнольд воспринял замечание Винса, как надо, поскольку продолжил тренироваться с ним в течение последующих девяти месяцев, пока не ушел в гимнастический зал Голда на Пасифик-авеню в Санта-Монике. Зал Голда, тогда еще небольшой, был центром мироздания в культуризме. Арнольд с его необычным чувством юмора и чарующим обаянием стал там, естественно, центром притяжения. У Голда он упорно тренировался, добиваясь так необходимого ему первенства. Бывший «Мистер Америка» Билл Грант, котерый сейчас содержит

зал «Олимпия Фитнесс Сентр» в Вероне, штат Нью-Джерси, встречался и тренировался с Арнольдом в его первые месяцы пребывания в Америке. «В культуризме тогда все были связаны, мы были как одна семья. Все знали, что нужно делать, но Арнольд, как никто, был сосредоточен на своей цели. Для него каждая тренировка была ступенькой на пути к славе. Он обладал большим воображением и даром созидания и предвидения, чем другие. Арнольд тренировался чрезвычайно интенсивно. Вы могли заглянуть ему в глаза, когда он заходил в зал, и в них была только мысль о работе. Я думаю, у всех нас это было, но Арнольда нельзя было сравнить с нами. У него был глаз тигра. Арнольд жаждал вступить в единоборство и был преисполнен решимости победить. Однажды мы выполняли приседания, держа на спине груз в 365 фунтов. Арнольд выжал двенадцать раз, я — тринадцать. Тогда он посмотрел на меня и сказал: „Тебе никогда больше не удастся обойти меня“. Я усиленно тренировался, но обойти его в приседаниях с грузом мне больше никогда не удавалось. Как бы я ни старался. Арнольд никогда не говорил о травмах. Вы никогда не знали, что он что-то себе повредил. Я думаю, он травмировал себя много раз, но никогда не говорил об этом, чтобы не прекращать тренировок. Какая-то яростная решимость была у него. Арнольд тренировался шесть дней в неделю. Три дня разрабатывал грудь и спину утром, а вечером работал над ногами. К примеру, для груди и спины он делал по пять сетов жимов лежа (каждый сет состоит из двенадцати повторений). Мы начали с веса в 135 фунтов и дошли до 345 фунтов в жиме лежа. Благодаря сконцентрированным усилиям, Арнольд получал от каждой тренировки максимум результатов. Упражнения весьма болезненны. Ты весь горишь, как будто все тело в огне. Мы продолжали сет, пока хватало сил. Жимы проводили лежа, а тренер стоял рядом со штангой. Когда не хватало сил поднимать 335 фунтов, он снимал часть груза, и мы продолжали тренировку до тех пор, пока и 135 фунтов не воспринимались как тонна. В одном упражнении — скажем, в упорах присев — по десять раз поднимая 315 фунтов, Арнольд брал вес в целом до пятнадцати тысяч фунтов. Можно сказать, эа неделю он поднимал тонны. Арнольд иногда отключался — терял сознание. Его даже рвало. Но он снова принимался за дело. У него была сила воли и решимость. Он мог убедить кого угодно своей увлеченностью».

Арнольд тренировался, покуда хватало сил. Его партнер говорил: "Арнольд был увлечен своей целью. Однажды, выполняя двадцать сетов упражнений для бицепсов вместе с ним, я сказал: «0, Боже, Арнольд, нам еще надо пройти четырнадцать сетов». И

услышал в ответ: «Нет, только один. Тот, который мы делаем». С самого начала Арнольд влюбился в Америку. Он был в восторге от ее политического строя, от Никсона, который стоял у власти. Он полюбил быстроходные автомобили и собрал изрядную коллекцию штрафных квитанций за превышение скорости, наводя ужас на едущего с ним пассажира! Однажды он устроил автомобильные гонки с Артом Зеллером, с ревом проносился на красный свет, заезжал на тротуары, делая все, что угодно, лишь бы победить. Дик Тайлер, зная, что машину Арнольду предоставил Уэйдер, заметил: «Для Джо лучше было бы одолжить Арнольду танк!» Ему нравилась погода в Америке. Своему бывшему наставнику Бенно Дамену Арнольд как-то сказал: «Здесь так тепло. В Граце я все время мерз. Я буду жить только здесь. Как сияет солнце». И, главное, в Америке было весело. Арнольд вращался среди толпы своих восхищенных последователей-культуристов, которые не давали ему прохода в гимнастическом зале, надеясь выведать секреты тренировок своего кумира. Их подначивать не надо было. По крайней мере в первое время Арнольд не делал этого, стремясь завести побольше друзей и оказывать на них влияние. Был Дон Петерс, культурист и актер, с которым он тренировался и который приглашал его на домашние обеды. Был Дэн Хоуард, который жил с ним некоторое время в одной комнате и приглашал пострелять по тарелкам или сыграть в боулинг. А также Джо Голд, полюбивший его с первого взгляда. И, конечно, сам Джо Уэйдер, просвещавший Арнольда в искусстве саморекламы и способствовавший его восхождению к звездным высотам в мире культуризма.

В течение этих первых нескольких месяцев Арнольд подружился со своим старым противником Фрэнком Зейном, тренировался вместе с ним и, будучи всегда готов к самосовершенствованию, брал у бывшего учителя уроки по математике. Арнольд произвел на Фрэнка большое впечатление, как блестящий ученик, прекрасно усваивающий на слух информацию: «Арнольд использует принципы культуризма, применяя их к другим сферам жизни. В культуризме многое зависит от повторения, Арнольд действовал по аналогии. Он применил культуризм к математике. Согласно уэйдеровскому принципу, проводятся неоднократные упражнения с весом, пока мышцы не дошли до предела. Далыше следует перейти к меньшему весу, продолжая упражнения через силу. Арнольд изучил математику до полного пресыщения, затем заставлял себя заниматься еще час. Это — культуристская закалка». Билл Грант так описывает обычный день Арнольда: «Мы начинали в десять с двухчасовой тренировки в зале. В понедельник, среду и пятницу

Арнольд по утрам работал над развитием груди и спины; затем он возвращался в зал вечером и занимался ногами. По вторникам, четвергам и пятницам он тренировал грудь и руки. В перерывах мы все шли на пляж. Ходили есть гамбургеры в забегаловке „У немцев“ на пляже Санта-Моники. По вечерам одной общей семьей устраивали вечеринки». Иногда культуристы позволяли себе расслабиться в заведениях типа «Байсикл Шоп» на Уилшайр, «Грин-дор» на Мускл-Бич, «Уинджеммер» в Марина-дель-Рей и «Литл Суид» на углу 4-й и Санта-Моники. Находившийся поблизости от зала Вика Тэнни, «Суид» был излюбленным местом отдыха культуристов, которые платили по два с четвертью доллара за шведский стол и вызывали недовольство администрации, поскольку съедали в три раза больше, чем обычные посетители. Арнольд, будучи новичком в компании, вскоре, однако, вспомнил свои мюнхенские приемчики и мог послать, например, пожилую владелицу антикварной лавки «на…», когда она просила его быть осторожным и не свалить чего-либо из дорогостоящих товаров с полки. Пребывая в более добродушном настроении, он был чрезвычайно доволен, приведя в задумчивость управляющего залом Голда Рона Д'Ипполито, когда тот, протирая окна, неожиданно заметил прямо перед собой чрезвычайно впечатляющую голую задницу Арнольда. И хотя позже его поражала апатичность культуристов, которые проводили большую часть времени, загорая на пляже, сам он делал то же самое, ухитряясь получать удовольствие от своих собственных шуток под ярким солнцем. Арманд Тэнни вспоминает историю, когда в 1968 году загорелый Арнольд, сидя на пляже, приглядел симпатичную девушку в бикини. Незаметно подкравшись к ней, он напрямую объявил: «Я хочу тебя трахнуть». Кто-то из его друзей, спешно вмешавшись, стал объяснять девушке: «Мой друг не знает наших обычаев. Он иностранец». Но девушка, не приняв извинений, стала настаивать: «Нет, нет, пусть он продолжает». И Арнольд, как обычно, получил то, что хотел.

Вскоре его «методы» знакомства вошли в анналы культуристского фольклора. Даже в первые недели своего пребывания в Америке он, по словам фотографа Джима Карузо, подходил к незнакомой девушке в ресторане со словами: «Я хочу переспать с тобой сегодня вечером». И девушка уходила с ним. Настолько велика была уверенность Арнольда в себе, что, по свидетельству приятеля-культуриста Уила Мак-Ардла, встретившего его в 1968 году, Арнольд, увидев девушку на улице, спрашивал ее: «Хочешь потрахаться?» — и добивался нужного результата. Он был неотразим, этот настоящий мужчина. В Америке Арнольд очаровывал всех, кто встречался ему на пути:

своим выговором, тевтонской уверенностью в себе, чувством юмора и почти детской заразительностью характера. Сочетание безграничного обаяния, натуры победителя и впечатляющей внешности стало для Арнольда пропуском к процветанию, успеху, положению звезды и, впервые в его жизни, к настоящей любви.

Глава 7: Любовь и победа: 1969-1970 годы

К 1969 году захватывающая одиссея Арнольда закончилась. Он покинул Австрию, нашел свое призвание, победил противников, прожил драматические дни в Мюнхене, перепрыгивал из постели в постель в Лондоне, совершенствуя и полируя свои способности соблазнителя, оттачивал острый и восприимчивый ум и укреплял огромное тело. Наконец, обосновался в Калифорнии. Ему было только двадцать два года. Он уже пережил больше приключений, чем многим людям выпадает за всю жизнь. Но один жизненный опыт оставался для него чуждым: страсть и любовь. Однако в июле 1969 года в ресторане «У Зуки», в Санта-Монике. Арнольд встретил девушку, с которой у него возник первый серьезный роман в жизни. В это время он уже овладевал всем американским, смакуя аромат свободного духа этой страны, ее масштабов, обещаемые ею перспективы власти и успеха. Он влюбился в необъятный потенциал Америки. И Барбара Аутленд стала логическим завершением этой новой страсти. В свои двадцать лет она была типичной американской девушкой — голубоглазой блондинкой, очень похожей на Эрику, невесту Мейнарда. Но хотя она родилась и выросла в Калифорнии, Барбара не имела абсолютно ничего общего со стереотипом загорелой безмозглой любительницы серфинга. Всю жизнь Арнольд сам отклонялся от нормы и искал необычного. Барбара не была исключением. Когда Арнольд ее встретил, она работала официанткой «У Зуки», но это не было призванием, а лишь работой на лето, которой она занялась, чтобы заработать на жизнь во время последнего года обучения в Сан-Диего, где она готовилась стать учительницей. Барбара была мягкой женщиной семейного склада, которая, подобно матери Арнольда, за покладистым характером скрывала сильную волю. Родившись во влиятельной калифорнийской семье, она получила хорошее образование и воспитание. Загорелый, мускулистый Арнольд покорил ее мгновенно. Хотя он и говорил на ломаном английском, по мнению Барбары, его можно было только обожать. Невинная и идеалистичная, Барбара никогда не слышала об Арнольде и ничего не знала о его титулах. Ей нравилось, как он ухаживает. Это импонировало ее чувствительной натуре. К счастью для Арнольда, ее специальностью был английский язык. Привыкший к романам на одну ночь, Арнольд на этот раз изменил своей натуре. Он стал

назначать Барбаре свидания. Для него она была подобна Деве Марии, то есть женщине, которую он уважал. Те, кто видел их вместе, говорят, что очаровательная маленькая женщина была покорена культуристом, прислушивалась к каждому его слову. Такая ситуация Арнольду явно нравилась. Шварценеггер безраздельно царил в компаниях, был их душой. Как рассказывает его коллега по культуризму Джон Хоуард, «не было никого, с кем бы можно было так повеселиться ночью за городом, как с Арнольдом. Он мог проявить свою широкую натуру настолько, насколько вам захочется. Это было само веселье». Вскоре к Арнольду присоединился его старый друг, Франко Коломбо, приглашенный Уэйдером в Калифорнию с подачи Арнольда. Как говорил Рик Уэйн, который начал работать на Уэйдера в 1969 году, «Арнольд настаивал на том, чтобы Франко приехал в Америку. Он не хотел иметь друзей среди американцев. Они были его конкурентами, людьми, которых он собирался победить». Уэйн говорит, что Арнольд на самом деле не любит американцев, «потому что считает их во всех отношениях мягкими, похожими на набивной мяч. Он никогда не уважал американцев и полагает, что они в большой степени националисты». Франко с Арнольдом жили в одной небольшой квартирке на Стрэнде, затем они вдвоем переехали в трехкомнатную квартиру на 14-й улице в Санта-Монике. Барбара, которая еще не переехала к Арнольду окончательно, посещала его по воскресеньям. Когда ее не было, Арнольд и Франко полностью посвящали себя свободной охоте на женщин. Дик Тайлер вспоминает: «Франко и Арнольд рассказывали мне, что у них было столько женщин, что они в них начали путаться. Они просыпались среди ночи и обнаруживали, что у каждого в постели — девица. Женщины всегда охотно удовлетворяли их прихоти». Арнольд совершил поездку в Нью-Йорк на двойное событие — конкурс Международной федерации культуризма «Мистер Вселенная» в Бруклинской музыкальной академии и конкурс на звание «Мистер Олимпия». И вновь Арнольд потерпел поражение на американской земле, на этот раз от Серджио Оливы.

Позднее он рассказывал Рику Уэйну: «Я был с ним вместе в раздевалке незадолго до того, как нас позвали для выступления. Серджио, как всегда, напялил комбинезон мясника. Было очевидно, что он не цыпленок. После того, как он накачал себя и разделся, я просто не мог поверить тому, что увидел. Потом Серджио прошел мимо меня и расправил плечи — небрежно так, ты понимаешь, но этого хватило для того, чтобы у меня замерло сердце. Тут же на месте я понял: для меня все кончилось. Я совершенно распсиховался… Серджио отнял у меня всякую

решимость побить его. Когда я вышел на сцену, чтобы позировать, то просто выполнял положенные движения. Я проиграл соревнование еще до того, как появился на помосте». Некоторым утешением послужил для Арнольда всемирный конкурс Национальной Ассоциации Культуризма 1969 года в Лондоне, который он легко выиграл, сказав при этом другому своему сопернику, красивому черному культуристу Сержу Нубре, что собирается побить всех атлетов на свете. После конкурса в Бруклине Арнольд вернулся в Нью-Йорк, чтобы сниматься в своем первом фильме — «Геракл едет в Нью-Йорк», который более известен как «Геракл». Уэйдер добился роли для Арнольда, убедив продюсера в том, что Шварценеггер — театральный актер европейской известности. Девяностоминутный фильм, заказанный итальянским телевидением за 300 тысяч долларов, был пародией на фильмы Стива Ривза и Рега Парка, которые молодой Арнольд запоем смотрел в Граце. И хотя из-за сильного акцента ему пришлось, скрепя сердце, согласиться на дублера, Арнольду понравилось сниматься. Покойный Лоуренс Оливье однажды сказал: «Каждый внутри себя остается шестнадцатилетним». А для комплексующего Арнольда, который и в двадцать два года внутренне, наверное, оставался тринадцатилетним, оказаться равным Регу было особенно приятным.

«Геракл едет в Нью-Йорк» иногда повторяют по телевидению даже сегодня, и каждый раз после показа Арнольд получает десятка два или больше звонков от друзей, которые истерически хохочут при виде его неудачного дебюта. Почти весь фильм Арнольд снимался в короткой тоге, играя роль незаконного сына Зевса, которого вышвырнули с Олимпа на землю, причем он приземлился в Нью-Йорке. Звуковое сопровождение — греческая музыка и песенки местных варьете. Геракл прибывает в Нью-Йорк без гроша — классический большой лопух, нищий Крокодил Данди, совершенно ошарашенный огромным городом. Говоря словами пресс-релиза дистрибьютеров фильма, «действие не останавливается ни на минуту. Героя преследуют красивые девушки, боксерские менеджеры, медведи, гангстеры и разгневанный Зевс, который швыряет молнии, а заканчивается все грандиозной гонкой на колесницах по Тайм Сквер». Позже, добившись успеха и привлекая на свою сторону менеджеров, Арнольд часто утверждал, что всегда выбирал свои роли с исключительной осторожностью. «Геракл» — очевидное исключение. Арнольд появился в титрах под псевдонимом Арнольд Стронг («Сильный»). И просто чудо, что после такой бесцветной игры, карьера Арнольда в кино не закончилась. Но,

несмотря на провал в дебюте, одно стало для Арнольда абсолютно ясным: съемки в кино соответствовали его внутреннему "я" и стремлению к известности. Позднее он скажет о кино: "Что касается меня, то я люблю деньги. И люблю удовлетворять свое "Я". Люди узнают тебя и говорят: «Это парень, который только что сыграл в кино». Это наполняет меня гордостью".

К Рождеству 1969 года Арнольд и Барбара встречались уже регулярно. Арнольд усилил тренировки, решив, что 1970-й должен стать для него решающим. Стремясь к этой цели, он забросил европейскую методику тренировок, по которой требовалось работать подряд пять или шесть часов. Вместо этого Арнольд стал тренироваться по методу Джо Уэйдера — дробных или полудробных тренировок четыре или пять раз в неделю по две или три тренировки в день, каждая из которых длилась чуть меньше часа. Он начал изучать своих соперников и однажды вечером поразил Джона Хоуарда, выполнив весь стандартный комплекс упражнений других культуристов, которые запомнил. Арнольд работал до изнеможения. Как Арнольд и планировал, 1970-й стал его годом. При поддержке Уэйдера он организовал торговлю по почте, продавая брошюры и пособия по культуризму, выпущенные под псевдонимом Арнольд Стронг (но с фотографией автора) и написанные в основном редактором Уэйдера — Джином Мози. Пособия продавались в основном через объявления в принадлежавших Уэйдеру журналах. Бизнес процветал. Барбара тоже оказалась полезной, потому что активно помогала разбираться в том огромном количестве бумаг, которые были необходимы для бизнеса. Арнольд не покладал рук для того, чтобы наладить дело. Когда приходили письма, он разглядывал каждый конверт на свет. Те, которые содержали чеки, вскрывались. Остальные — от поклонников, жаждавших автографа и советов, летели в мусорную корзину нераспечатанными. В Лондоне Уэг Беннетт, незадолго до конкурса Национальной Британской ассоциации культуризма на звание «Мистер Вселенная», направил своему старому другу Регу Парку письмо с предложением попробовать вновь вернуться в строй. Уэг любезно приложил при этом фотографии Арнольда, царствующего чемпиона последних трех лет, высказав предположение, что короля можно свергнуть. Рег, будучи благодарным Уэгу за совет и фотографии, искушаемый возможностью преподать урок своему юному поклоннику, послушался совета и выступил на конкурсе 1970 года. При этом он, конечно, не предполагал, что присланные фотографии были старыми, сделанными в то время, когда Арнольд был не в форме.

Гордон Аллен на конкурсе «Мистер Вселенная» видел, как Рег с важным видом расхаживал за сценой, в то время как какой-то цветной парень из Южной Африки массировал его полотенцем. Затем вышел на сцену Арнольд. Аудитория ахнула. Это была феерия мускулатуры. Рег был шокирован. Шокирован и побежден. Потому что Арнольд еще раз оказался верен своему стилю: найти пример для подражания, а затем полностью затмить его. Вспоминая конкурс, Арнольд говорил Рику Уэйну, что ему было жаль разрушать славу Рега, потому что тот был идолом его детства, и что он надеется, что Рег обретет формы. А в своей книге он попытался дать понять, что появление Рега на конкурсе было для него неожиданностью. Рик Уэйн, ссылаясь на своих информаторов, говорил, что в то время как Рег за кулисами яростно «качал железо», Арнольд, не умолкая, болтал о всяких пустяках до тех пор, пока Рег не потерял терпение. «Черт тебя возьми, Арнольд, — взорвался он. — Не заткнешься ли ты, пока не закончится конкурс?» На что Арнольд, по рассказам, ответил: «Конкурс? Какой конкурс?» Есть, однако, и другая причина такого отношения Арнольда к Регу. Он умел отделить бизнес от дружбы, но в то же время имел большую склонность к покровительству и был способен любить. Через несколько лет после победы Арнольда, сын Рега, Джон-Джон, приехал в Калифорнию учиться в Ньюпорт-Бич. Рег вспоминал: «Арнольд ездил в Ньюпорт-Бич каждую пятницу навестить Джон-Джона. Поездка туда и обратно занимала полтора часа, но Арнольд ни разу от нее не отказался. Он водил его обедать, следил, чтобы Джон-Джон нормально питался, и чтобы у него всегда были карманные деньги. Он по-настоящему присматривал за парнем». И Рег — учитель, побежденный Арнольдом, — остался в дружеских отношениях со своим учеником, принимал его у себя дома в Йоханнесбурге не меньше пяти раз, до сих пор дважды в год навещает его в Калифорнии. Рег был и в числе приглашенных на свадьбу Арнольда.

19 сентября, на следующий день после победы в Лондоне, в Коламбусе, штат Огайо, начинался другой конкурс. Он назывался «Мистер Мир», а проводил его человек, которому было суждено позже сыграть важную роль в будущем Арнольда, поправке его финансовых дел и стать одним из ближайших друзей Шварценеггера. Джим Лоример, спонсор конкурса «Мистер Мир» позвонил Арнольду в спортивный зал Голда за несколько недель до начала и сказал, что состязания будут транслироваться по телевидению на всю страну в программе Эй-Би-Си «Широкий мир спорта». Лоример предложил, чтобы тут же, как только закончится конкурс «Мистер Вселенная», Арнольд вылетел из

Хитроу первым самолетом. Лоример приготовит для него в Нью-Йорке частный самолет, который доставит Шварценеггера в Коламбус. Арнольд был заинтересован в том, чтобы продемонстрировать себя на телевидении, и согласился. Полет из Лондона до Нью-Йорка в зависимости от направления ветра может занять до восьми часов, и тяжел до изнурения. Смена времени суток, вызванная преодолением пяти часовых поясов, также оказывает на пассажира не лучшее влияние. Но Арнольд не только смог вынести долгий полет, выждать в длинной очереди на паспортный контроль в нью-йоркском аэропорту Кеннеди и успеть пересесть на самолет, летящий в Коламбус. Он еще смог прибыть туда свежим, отдохнувшим и полным решимости добиться победы. И, несмотря на двенадцатичасовое путешествие, он победил, одержав верх над Серджио Олива и заработав титул «Мистер Мир», 500 долларов премии и электронные часы. Сверх всего компания Эй-Би-Си взяла у него интервью. Еще важнее была его встреча с Джимом Лоримером. Лоример был двадцатью годами старше Арнольда. Фигура впечатляющая. Арнольд заметил его сразу, решив, что тот может стать его учителем, другом и деловым партнером. Как только конкурс закончился, он отвел Лоримера в сторону и заявил: «Я участвовал в соревнованиях по всему миру, но в один прекрасный день перестану выступать. Я собираюсь заняться спонсорством в культуризме и собираюсь поднять ставки призов до десяти тысяч долларов. А когда я уйду с арены, то приеду в Коламбус и попрошу вас стать моим партнером»! Это высказывание свидетельствует о способности Арнольда думать о будущем, о твердости его воли, потому что ровно через пять лет, перестав быть профессиональным культуристом, Арнольд действительно вернется в Коламбус и предложит Лоримеру стать его деловым партнером. И через двадцать лет после их первой встречи, приз на Кубок Арнольда — представление, которое он организует с Лоримером, составит 150 тысяч долларов. Сразу же после победы над Серджио Олива в Коламбусе, Арнольд пригласил его поужинать и по-дружески признался своему сопернику: «Я бы тебя никогда не обошел, если бы ты весил фунтов на пятнадцать побольше».

Через две недели, 3 октября, в день конкурса «Мистер Олимпия» 1970 года, Серджио Олива, тогдашний обладатель этого титула, прибыл в мэрию Нью-Йорка, набрав дополнительно 15 фунтов к тому, что он имел в Коламбусе. За полчаса до конкурса Франко и Арнольд наблюдали за тем, как Олива тренировался за сценой. Затем Франко предложил пойти перекусить. Арнольд с готовностью заказал жареной картошки с

кетчупом. Изумленный Олива бросил штангу и спросил обоих культуристов, действительно ли они намерены насыщаться перед самым конкурсом. Разве они не собираются, спросил он, покачать вес перед выступлением? Арнольд высокомерно ответил, что если ты не в форме сейчас, то так никогда и не войдешь в форму. Олива, до тех пор бывший королем, привык к почтительному обращению со стороны других спортсменов, и был шокирован таким поведением. Когда конкурс приближался к концу, на сцене остались только Серджио и Арнольд. Внезапно Арнольд что-то шепнул Серджио, который тут же сошел со сцены. Аудитория начала свистеть и топать ногами. Арнольд немедленно принял самую выгодную позу. Две тысячи болельщиков начали скандировать его имя. Он был коронован «Мистером Олимпия». Как поведал Рик Уэйн, Арнольд рассказал ему, что после выступления оба спортсмена просто устали. По словам же Рика, Арнольд сказал Серджио, что готов прекратить выступление, если тот на это согласится. Серджио сказал, что с него достаточно. «Хорошо, — ответил Арнольд, — спускайся». К несчастью для Серджио, публика неправильно поняла это действие, решив, что Олива сдался. Как только публика начала свистеть, Арнольд — вполне естественно — «передумал» и остался на помосте, чтобы завоевать победу. Он выиграл тройную корону, получив в один и тот же год титулы «Мистер Вселенная», «Мистер Мир» и, наконец, «Мистер Олимпия». Арнольд Шварценеггер был теперь настоящим королем. Ни один другой атлет мира больше никогда не смог его победить. Арнольд принял свое царствование над миром культуризма с легкостью человека, который с тринадцати лет к этому готовился. Ни один наследный принц не восходил на престол с большей уверенностью, чем двадцатитрехлетний Шварценеггер. Рядом с ним были его фаворитка Барбара Аутленд, придворный шут Франко и кружок старших советников, которых возглавляли Уэйдер и Джо Голд. Вся королевская рать. Гимнастический зал Голда стал сердцем этого двора и ареной, где Арнольд мог играть мускулами и демонстрировать свою небывалую силу. А чтобы гарантировать лояльность своих подданных, Арнольд использовал старую мюнхенскую тактику захвата власти, в соответствии с которой надо было сосредоточивать внимание на неудачниках и постоянно иронизировать над ними.

Коллега-культурист Уил Мак-Ардл рассказывал, как Арнольд заставил своего поклонника изображать «марш хайль Гитлер». «В правой руке Арнольд держал свет, а в левой — тьму, и любил менять то и другое. Он ненавидел слабых поклонников, которые глядели ему в рот, наказывая их за то, что те не могли оставаться

самими собой. Он уважал себя, считая, что все делает по-своему. И готов был смешать тебя с грязью, если ты будешь ползать перед ним на коленях. Я думаю, его шутки были для поклонников полезными — с их помощью они осознавали самих себя. Арнольд делился с нами искусством держать людей в страхе и в то же время никогда не пытался запугивать нас. Он показывал нам, что может сделать с другими и что не собирается делать с нами. Это подразумевало определенную близость». В течение 70-х годов Арнольд развлекал своих последователей, разыгрывая следующий сценарий. Начинающий культурист и поклонник, собравшись с духом, подходил к Арнольду и спрашивал, как достичь успеха. Арнольд с готовностью доставал бутылку, объясняя, что в ней содержится особое масло, которое он якобы регулярно получает из Австрии самолетом. Он советовал начинающему спортсмену раздеться и затем лично втирал ему в тело «особое масло». После того как кожа жертвы начинала лосниться, Арнольд приказывал поклоннику принимать разные позы. При этом предостерегал, что смывать масло нельзя, даже когда будешь одеваться. Таким образом, объяснял Арнольд, мускулы будут выглядеть более отчетливо. Жертва, одетая в полностью пропитанную «особым маслом» одежду, удалялась, покоренная своим кумиром и не зная, что «особое масло» Арнольда было ничем иным, как обычным маслом для швейных машин.

20 мая 1971 года Эрика Кнапп, мать Патрика, трехлетнего сына Мейнарда Шварценеггера, проснулась в четыре утра и не смогла больше заснуть. Обычно она спала крепко, но в эти воскресные дни была возбуждена, счастлива и неспокойна. По ее словам, после бурной пятилетней совместной жизни они с Мейнардом, в конце концов, решили пожениться. Она говорила, что свадьба назначена через месяц. Хотя ей пришлось вынести гнев собственных родителей за внебрачного ребенка, мать Мейнарда, Аурелия, была к ней добра и относилась как к невестке. А Густав был первым, кто посетил ее в больнице сразу же после рождения Патрика. Ребенок был недоношенным, и Густав, который всегда любил полных женщин, настаивал на том, чтобы Эрика поправлялась. Он вообще опасался за ее здоровье. Как только Эрика выписалась, Густав, переполненный доброжелательностью и заботой, водил мать своего внука из одного ресторана в другой и заказывал самые разнообразные деликатесы. Хотя Густав всегда относился к Эрике с уважением и добротой, она остро чувствовала, что между отцом и сыном произошел конфликт, так как редко видела их вместе. За месяц до свадьбы она свыклась с неровным характером Мейнарда и горячо надеялась, что его родители примирятся с ним. В эти

воскресные дни ее, однако, ждало разочарование. Эрика попросила своего босса в Мюнхене предоставить ей несколько отгулов, чтобы провести выходные с Мейнардом в Китцбюле. Но тот отказался. Сейчас она лежала в своей постели в мюнхенской квартире и не могла заснуть, испытав неожиданно какое-то новое странное чувство, которое сама не могла понять. Этим же вечером мать Эрики позвонила ей и сообщила страшную новость. Мейнард, напившись до бесчувствия, сел за руль, врезался в другую машину и погиб. Эрика в одной рубашке выбежала на улицу, не зная, куда идти и что делать. Как слепая, она зашла в ресторанчик находившегося рядом отеля и, к изумлению посетителей, заказала двойную порцию шнапса. Она рыдала, не в силах сдержать слез. Через день или два Густав, которого она называла дедушкой, навестил ее в Куфштайне, где Эрика гостила у родителей. В глубоком шоке он бежал по улицам Куфштайна, сжимая в руке испачканные в крови часы старшего сына. Он отдал их Эрике, как и другие вещи Мейнарда, и только после этого заплакал горькими горючими слезами. Густав сказал, что хочет похоронить Мейнарда в Китцбюле, где тот погиб. Эрика согласилась. Они все втроем — отец, мать и невеста — ждали, когда приедет на похороны младший брат Мейнарда. Но Арнольд так и не приехал. Шварценеггер действительно держал в одной руке свет, а в другой тьму. Тьма часто проявлялась в его жизни: пример тому — игнорирование похорон брата. Свет же выразился в истории, которую Арнольд, к своей чести, никогда не сделал достоянием публики. Арнольд как-то говорил о Мейнарде: «В глубине души я всегда ожидал, что с ним что-то случится, потому что он всегда жил на грани смерти. Сейчас я хотел бы, чтобы он приехал ко мне и наслаждался жизнью вместе со мной. Но тогда я просто отбросил эту мысль». Это было неправдой. Единственный раз в жизни Арнольд оценил себя ниже, чем на самом деле. После смерти Мейнарда Арнольд узнал, что брат сделал его крестным отцом Патрика, о чем он никогда раньше не слыхал. Арнольд написал Эрике и предложил свою помощь, если у нее возникнут какие-нибудь проблемы или появится в чем-то нужда, Поскольку у Эрики не было возможности самой растить сына, она отправила его к своим родителям, которые жили в Куфштайне. Когда Патрику исполнилось десять лет, Эрика обратилась к Арнольду с просьбой о помощи. С этого времени Арнольд посылал ей деньги, заплатив за обучение Патрика в Лиссабоне, куда Эрика переехала со своим новым мужем, а позднее предложил оплатить учебу и проживание Патрика в Америке — предложение, которое Эрика с благодарностью приняла. Как говорят все, кто видел Патрика, он был точной копией своего отца. Высокий красивый блондин

сегодня тренируется в спортивном зале «Мир» в Венис, штат Калифорния, где живет в доме, принадлежащем его дяде Арнольду. По примеру Арнольда он планирует заняться изучением бизнеса, а, может быть, политикой. В 1988 году Эрика навестила Патрика и Арнольда в Лос-Анджелесе. Однажды утром, сидя у бассейна и лакомясь клубникой, Эрика подумала, что Арнольд кажется более счастливым и более способным на проявление дружеских чувств, чем это было в прошлом. Она поблагодарила его за отзывчивость и за оказанную помощь. Арнольд признался ей, что был горд доверием Эрики, направившей ему под присмотр «половину Шварценеггера». Однако есть другая, более темная сторона трагической истории Мейнарда, о которой Эрика, возможно, и не знает.

По мере того как Арнольд шел вверх по лестнице, Мейнард спускался вниз, и перспективы его жизни становились все печальнее. За полтора года до смерти Мейнард начал работать на издательскую фирму Грабнер в Китцбюле. Жил он в комнате, которую снимал у молодой пары — чуть старше его самого — Марии и Иоганна Наутцов, владевших домом в пригороде Китцбюля Санкт-Иогане. Через восемнадцать лет после смерти Мейнарда, Мария отзывалась о нем с большой теплотой: «Мейнард был очаровательным и щедрым, но жил не по средствам. Он много разговаривал со мной, считая себя совсем одиноким. Мейнард никогда не звонил родителям, а те не звонили ему. Он показывал мне журналы с фотографиями Арнольда, от которого никогда не получал вестей, и не звонил ему в течение всего времени, что жил у нас. Он восхищался Арнольдом, но немного ревновал к нему. Втайне Мейнард хотел походить на него. Он завидовал богатству Арнольда. Я думаю, что именно это угнетало его». Мария вспоминает, что он не отличался особенной верностью Эрике, хотя она и была его постоянной подругой. «Одна из любовниц Мейнарда была старше его, жила в Кирхберге, где содержала гостиницу, — продолжала свой рассказ Мария. — Он разбился как раз на ее машине, которую она ему одолжила. Арнольд потом оплатил покупку новой. В последние недели перед смертью Мейнард много времени проводил вне дома и, мне кажется, рассчитывал как-то выбиться в жизни. Он пил больше обычного и, я думаю, мне надо было поговорить с ним по душам. Его мать и отец были на похоронах, но никаких особых чувств, по-моему, не проявили». Мейнард начинал как баловень судьбы, фаворит, а кончил черной овцой в стаде белых, изгоем. Еще задолго до смерти Мейнард сказал Марии, что Арнольд был любимцем отца, а он, Мейнард, всегда оставался на втором плане. Возможно, он имел в виду уже

Арнольда — культуриста, спортсмена, но, конечно, не десятилетнего мальчишку, которого Мейнард вовлекал в опасные приключения и подавлял своим авторитетом. Позднее все изменилось. Арнольд, а не Мейнард стал знаменитым, и эта слава принесла ему любовь отца. Оба брата были людьми неординарными и потенциально могли стать частью преступного мира. Но теперь оставался только один из них. Арнольд словно поменялся судьбой с братом, взяв у него все лучшее и сделав его своим. Потому что именно Мейнарду с его сильным, хорошо развитым, гармоничным телом и обаянием, а также любовью родителей была предначертана судьбой хорошая карьера. Но теперь все это досталось Арнольду. Он работал ради этого и боролся за это. Покойный Мейнард, погребенный в Тирольских Альпах, был по существу тем, кем мог стать Арнольд.

Глава 8: Успехи Арнольда. Смерть отца. Съемки в фильме «Оставайся голодным»

Летом 1971 года Арнольд и Барбара поехали в Куфштайн навестить Эрику. Оставшись наедине с Эрикой на несколько минут, Барбара призналась ей, что если с Арнольдом что-нибудь случится, то она не захочет жить. Барбара горячо любила его и, по словам очевидцев, он тоже был к ней привязан, явно таял в ее присутствии и казался по-настоящему влюбленным. Из Австрии они поехали в Лондон, где Арнольд собирался принять участие в конкурсе «Мистер Вселенная» британской Национальной Ассоциации Культуристов Любителей. Но Международная Федерация Культуризма приняла новые правила, запрещающие одновременно участвовать в конкурсе НАББА и соревнованиях Международной Федерации «Мистер Олимпия». Серж Нубре, организатор «Мистер Олимпия», проводившегося в том году в Париже, отказался нарушить существующее положение ради Арнольда. Арнольд не поехал на конкурс «Мистер Вселенная», решив защитить в Париже свой титул «Мистер Олимпия». Возвратившись в Америку, Арнольд и Барбара обрели привычный домашний уют. Она уже привыкла к Арнольду, приспособилась к тому, что он подавляет ее личность, и к его амбициозности. В течение двух лет каждый Новый год Барбара наблюдала, как он составлял список своих заветных желаний на год наступающий. И каждое желание всегда выполнялось. Барбара была обычной девушкой и считала необходимым выйти замуж за Арнольда. Однако у того были другие планы, и он ясно давал понять коллегам-культуристам, что отнюдь не был верен Барбаре. Вспоминая позднее эти времена, Арнольд сказал, что вообще не собирался жениться до тридцати лет. В то же время его жизнь с Барбарой была спокойной и настолько похожей на семейную, насколько Арнольд был к такой жизни способен. Барбара не просто выполняла работу секретаря в его торговой деятельности по отправке книг почтой. Арнольд проходил общий курс в колледже в Санта-Монике, и Барбара помогала ему учиться. Хотя он никогда не был особенно склонен к чтению, но оказался способным студентом и в 1973 году перевелся в университет Лос-Анджелеса, где перешел на вечернее отделение и посещал факультативные курсы. Те, кто видел их вместе, пришли к заключению, что Арнольд всячески использовал Барбару. На

самом деле их отношения не были улицей с односторонним движением, потому что и он помогал ей закончить учебу. В Бруклинской музыкальной академии в сентябре 1972 года, когда проходил конкурс «Мистер Америка», Арнольд встретил Джорджа Батлера, сына английского офицера. Батлер был фотографом на контракте в журнале «Уи», гребцом и футболистом сначала в Гротоне, а потом в университете Северной Каролины. Спортсмен по натуре, он приехал на конкурс еще и для того, чтобы собирать материал для книги с условным названием «Качая железо», которую предполагал написать вместе с Чарльзом Гейнсом. С первой встречи Батлер был покорен Арнольдом. «Было совершенно ясно, что Арнольд звезда», — вспоминает он.

Батлер твердо решил сделать Арнольда главным героем книги и поставить по ней фильм под тем же названием. В 1972 году состязания «Мистер Олимпия» проводились в Хандельсзее (Эссен) в конце сентября. Соперниками Арнольда были Франко, Фрэнк Зейн, Серж Нубре и бессменный Серджио Олива. Арнольд вместе со своими коллегами-культуристами приехал в Эссен в воскресенье, накануне первого дня конкурса. Туда же приехал его отец Густав, решивший посмотреть сына на соревнованиях. Арнольд снова получил титул «Мистер Олимпия». Рик Уэйн взял у него интервью после конкурса, в котором Арнольд признался: «В Германии Серджио Олива был неподражаем, как никогда в форме. Искать физические изъяны у Серджио бесполезно. Но я точно знал, где можно найти у него ахилессову пяту». Рик объяснил, что «Арнольд нащупал брешь в сверкающих доспехах Серджио. У него, темнокожего, не хватало уверенности, несмотря на все физические достоинства, поскольку в тылу не было поддерживающего спортсмена мира белых людей». И действительно, это было так. Хотя никто не выдвигал обвинений в том, что результат эссенского конкурса «Мистер Олимпия» (как и любого другого такого конкурса) был подстроен, культуризм — это спорт, где устоявшаяся репутация имеет огромное значение. Понятно, что Арнольд объяснял причину своей победы в 1972 году на этом конкурсе по-другому. Он сказал Рику Уэйну, что хотя весил в Эссене на три фунта больше, он увидел свой шанс покорить судейскую коллегию. Помещение, в котором должны были проводиться финальные выступления, еще не выбрали, да и никто не собирался этого делать. А Арнольд взял этот труд на себя. «Я был заинтересован в комнате с темным фоном, — признался он Рику. — Серджио не понял, что мое белое тело будет выделяться на темной стене, а он явно потеряется. До сегодняшнего дня я считаю, что именно это и дало мне перевес. Короче говоря, судьи увидели во мне то, чего на самом деле в

Эссене у меня не было. Серджио потерпел поражение из-за своей слепоты».

11 декабря 1972 года, через два месяца после конкурса «Мистер Олимпия», Густав Шварценеггер умер от удара в больнице Граца. Ему было 63 года. Некоторые считают, что причиной его смерти была гибель Мейнарда, от которой он так и не смог оправиться. Но что бы там ни было, Густав был похоронен через неделю после смерти, 18 декабря, на кладбище Вайн в нескольких милях от Граца. Более ста музыкантов полицейского оркестра присутствовали на похоронах, исполняя траурный марш Шопена в память о своем покойном товарище. Они также поместили некролог в «Грац кляйне Цайтунг», отметив, что Густав долго играл в их оркестре, и обещали помнить его вечно. Арнольд не присутствовал и на похоронах отца. Он остался дома в Америке. В книге «Качая железо» Арнольд шокировал аудиторию рассказом о том, что не поехал на похороны отца из-за усиленных тренировок. Он считал, что все равно не сможет уже помочь отцу своим присутствием в Граце. Арт Зеллер подтверждает искренность этого заявления. Позже Арнольд изменил эти строки, приписав свою фразу в книге французскому культуристу. А еще позже он сказал, что не смог поехать на похороны Густава, потому что сам лежал в больнице с поврежденной ногой. Ну и, наконец, выдвинул еще одну версию, заявив, что его вовремя не предупредили. Все эти три версии сомнительны. Во-первых, отец умер в декабре, за девять с половиной месяцев до следующего конкурса «Мистер Олимпия», и в усиленных тренировках не было необходимости. Во-вторых, хотя Арнольд действительно повредил ногу на конкурсе в Австралии, он привык к болевым ощущениям и вполне мог выдержать перелет в Австрию. В-третьих, Барбара Аутленд призналась Кену Уэллеру, который вместе с Арнольдом снимался в фильме «Качая железо», что отсутствие Арнольда на похоронах отца очень расстроило его мать и, следовательно, она не могла вовремя не предупредить сына. Позже Арнольд говорил о смерти отца: «Я бы заплатил сколько угодно, чтобы он ожил хотя бы на час и смог увидеть меня сегодня». И добавлял: «Я плохо это перенес, потому что знаю, сколько он для меня сделал… Мой отец видел, как я рос — как завоевывал успехи в спорте и в бизнесе, — но он так и не успел оценить все мои качества». «Все эти качества» видели присутствовавшие на похоронах Густава. По-настоящему хорошо знали его и те, кто отметил про себя отсутствие Арнольда. Густав его создал. Он был тем, кем сделал его Густав.

В 1973 году Барбара с Арнольдом переехали в новую квартиру на Шестой улице в Санта-Монике. Не было никаких

сомнений, что он достиг вершины в своей профессии. Уэйн де Милна, один из ведущих деятелей Международной федерации культуризма, хорошо знал Арнольда в этот период. «Шварценеггер, — говорил он, — изучал физическое состояние каждого потенциального соперника и знал их слабые места лучше, чем они сами. Арнольд был уверен, что сильнее их и может играть с ними, как кошка с мышкой». Король культуризма без колебаний провел показательные выступления на Гавайях; с ним были Франко и Арт Зеллер, а жили они в гостинице в Вайкики-Бич. Кроме того, в 1973 году и в без того наполненную состязаниями и тренировками жизнь Арнольда вошел новый элемент. Актер по имени Дэвид Аркин, наслышавшийся об Арнольде, упомянул его имя в разговоре с режиссером Робертом Олтманом, который тогда начал снимать «Долгое прощание» — художественный фильм по книге Раймонда Чандлера с Эллиотом Гулдом в роли Филиппа Марлоу. Олтман вспоминает: «Дэвид сказал: у меня тут есть для тебя мощный парень. Его зовут Арнольд Стронг, он штангист и только что приехал из Германии». Несмотря на то, что все данные об Арнольде, даже его фамилия, были перепутаны, Олтман нанял его за глаза. Шварценеггер играл одного из пяти головорезов, работавших на гангстера, который занимался тем, что, терроризировал Марлоу. Несмотря на то, что огромный Арнольд просто болтался в кадре с воинственным видом и не произносил ни единого слова, Олтман впоследствии замечал: "Он вызывал симпатию и совершенно не пытался пробиться на первые роли. Я никогда не стал бы предсказывать, что этот актер добьется успеха. В то же время ведь я никогда и не считал, что Джек Николсон[1] сможет хоть чего-нибудь достичь".

В том же 1973 году Арнольд в порядке дружеской услуги однажды подвез Арта Зеллера в аэропорт. По пути он внезапно обернулся к Арту и объявил: «Я жду больших событий». Арт спросил, почему он так думает. Ответ был коротким: «Я это чувствую. Нюхом чую. Это витает в воздухе. Я просто знаю, что это случится». И как обычно было с Арнольдом, он оказался прав. Книга «Качая железо» вышла в ноябре 1974 года и была проигнорирована почти всеми известными критиками. В конечном же итоге, она стала неофициальной классикой и к всеобщему изумлению выдержала пятнадцать изданий. Наступило время культуризма. Эта тенденция нашла отражение и подтверждение в статье, опубликованной в том же году в «Спорте иллюстрейтед», прославившей новый вид спорта. В 1979 году на конкурсе «Мистер Олимпия» Арнольд выступал две минуты перед пятью тысячами пресыщенных нью-йоркцев в Фелт-Форум, и все

они, словно в лихорадке, выкрикивали его имя и заходились от восторга. Арнольд победил впечатляющего 22-летнего новичка Лу Ферриньо — серьезного претендента ростом 6 футов 5 дюймов и весом 265 фунтов. Лу Ферриньо был первым культуристом, о котором говорили, что он может сбросить с трона Арнольда. Дважды ставший «Мистером Вселенная», Лу обладал невероятной мощью, был преисполнен решимости победить Арнольда и занять его место. В пятницу перед конкурсом Арнольд вместе с Франко появился на экранах телевизоров в утренней передаче. Он прямо сказал, что Ферриньо наблюдает сейчас за ним и прикидывает свои возможности участия в состязании. Арнольд появлялся на телевидение все чаще, используя свои выступления для того, чтобы очаровать и комментаторов, и аудиторию. Он вновь и вновь рассказывал свою историю, эдакую Великую Американскую Мечту, а улыбка его при этом сочетала в себе невинность и коварство. Он произносил волнующие речи о достоинствах Америки, открывающей каждому неограниченные возможности. Мальчишка из Таля, который вырос без телевизора, быстро завоевал голубой экран. Он снова использовал уэйдеровский принцип усиленных повторов, проповедуя историю своей жизни и пропагандируя культуризм, то есть придерживался стратегии, которая была одновременно простой и изощренной и хорошо воспринималась американцами в неустойчивые 70-е годы.

Анализируя свои выступления, Арнольд в интервью журналу «Плейбой» объяснил: «Когда в середине 70-х годов я пропагандировал культуризм, то сделал занятия спортом более привлекательными для людей. В прежние времена культуристы говорили, что нужно в день съедать по два фунта мяса и тридцать яиц, спать по двенадцать часов в сутки, не заниматься сексом и так далее. Я сказал себе: Какой дурак захочет заниматься спортом, если он требует таких жертв? Прежде всего, все то, что они говорили, — чушь. И потом, если вы хотите, чтобы люди занимались каким-то делом, надо рассказывать о нем приятные вещи. Это как с любой рекламой. Дело должно доставлять удовольствие. Я рассказывал о диете, но говорил, что пирожные и мороженое есть все-таки можно. Я рассказывал, что провожу иногда целые ночи в развлечениях, занимаюсь сексом и вообще делаю все то, что считалось табу для культуристов. Нужно только тренироваться три раза в неделю от сорока пяти минут до часа, — говорил я, — и вы будете в форме». Некоторые утверждают, что Арнольду просто повезло и его кампания по рекламе культуризма совпала с бумом занятий джоггингом (Бег трусцой. — Прим. ред.) и утверждениями медиков о пользе физических упражнений для сердечно-сосудистой системы. Но независимо от того, так это

было или нет, нельзя отрицать, что Арнольд придал культуристам блеск спортивных звезд. Наблюдая за Арнольдом в «Шоу Мерва Шриффина», великая комическая актриса Люси Болл была покорена его обаянием. Знаменитая фраза Арнольда о том, что культуризм — это путь к хорошему самочувствию и накачивать мышцы так же полезно, как заниматься сексом, заставила Люси Болл расхохотаться. Она тут же позвонила Арнольду и предложила ему выступить в телевизионном шоу «Веселых вам праздников и до свидания» с Артом Карни. Арнольд играл итальянского массажиста, одетого в майку и шорты, которого пригласили специально для подружки Люси. До начала шоу Люси организовала для Арнольда недельные занятия по актерскому мастерству и сама показывала ему, что надо делать во время съемок. Обаяние Арнольда открыло ему еще одну дверь.

В конце 1974 года начал рекламироваться фильм «Качая железо». Карты складывались в пользу Арнольда. Но у судьбы для него был припасен еще один туз в рукаве. Боб Рафельсон начал снимать фильм «Оставайся голодным», который был основан на одноименной книге нового друга Арнольда — Чарльза Гейнса. Чарльз высоко ценил Арнольда, считал его идеальным исполнителем роли культуриста Джо Санто и сделал соответствующее предложение Рафельсону. Гейне вспоминает: «Боб долго сопротивлялся, прежде чем решиться снимать Арнольда. Он говорил: „Нет, никогда мы не будем использовать тело невежественного австрийского культуриста для главной роли в крупном фильме“. Но когда я привез Шварценеггера домой к Бобу — а Арнольд иногда может уговорить змею выползти из шкуры — Боб стал перебирать некоторые возможные варианты». Он действительно их нашел, и тут же позвонил Джеку Николсону, чтобы тот порекомендовал для Арнольда преподавателя актерского искусства. Николсон посоветовал взять Эрика Морриса, известного специалиста, автора четырех книг о роли актера в кино. Моррис вспоминает: "Боб сказал мне, что Арнольд идеален для роли в фильме «Оставайся голодным», но он не актер. Он попросил меня помочь, и мы договорились, что в течение двенадцати недель я буду давать ему частные уроки. Боб устроил мне встречу с Арнольдом на автостоянке. Перед тем, как повесить трубку, я спросил Боба, как я узнаю Арнольда. После долгого молчания он ответил: «Эрик, его невозможно не узнать». Арнольд прибыл на встречу на своем новом серебристом БМВ. Эрик быстро нашел с ним общий язык и записал на ежедневные занятия по два-три часа каждое в течение двенадцати недель. Но только на девятой неделе обучения Арнольд получил возможность прочесть сценарий «Оставайся голодным». С самого

начала Арнольд глубоко поразил Эрика: «Он очень, очень, очень сообразительный парень. Один из самых способных людей, кого я знаю. Мало кто смог осознать, насколько он талантлив. Раз Арнольд вбил себе в голову, что должен стать хорошим актером, он этого добьется. Арнольд может соревноваться с любым артистом в кино». Но тут актерские амбиции Арнольда столкнулись с сопротивлением Барбары Аутленд, которая стала учительницей английского языка в средней школе в Западном Лос-Анджелесе. Она была довольна тем, что Арнольд снялся в документальном фильме «Качая железо», но не хотела и видеть его профессиональным актером. Она все еще не оставила попыток женить его на себе, но понимала, что если Арнольд будет мечтать о карьере актера, то он вообще отбросит мысль о свадьбе даже в отдаленном будущем. Поняв, что ничего не добьется, она капитулировала и решила положить конец их отношениям. Итак, она ушла из его жизни, сказав на прощание, что «Арнольд — самый целеустремленный человек, которого я встречала. Все, что он делает, должно приносить ему пользу, тем или иным способом продвигать к цели, которую он для себя поставил». Утверждают, что Арнольд страдал от разрыва с Барбарой. Хотя перед Риком Уэйном, например, он надел маску мужской бравады и, по слухам, высказался так: «Рикки, женщина — это все равно что машина. Каждые пять лет ее надо менять». Барбара, погрустневшая и поумневшая, в конце концов, вышла замуж, выпустила книгу под названием «Чтение как формула успеха» и продолжала наблюдать за по-прежнему любимым ею Шварценеггером, который превзошел все, о чем она когда-либо мечтала во время их совместной жизни.

Если Арнольд и переживал свой разрыв с Барбарой, то он не показал этого, когда уехал из Калифорнии в апреле 1975 года в Бирмингем, штат Алабама, на съемки фильма «Оставайся голодным». Он был вооружен актерской техникой Эрика Морриса и знал, что Рафельсон сделал все, чтобы обеспечить для него успешный дебют. Например, Арнольд по ходу фильма должен был играть на скрипке. И тогда Боб организовал для него уроки у Байрона Берлина, скрипача и руководителя собственного оркестра, который записывался с такими знаменитостями, как Линда Ронштадт, Боб Дилан и «Роллинг Стоунз». Арнольд, по словам Берлина, сразу же понял, как надо изображать игру на скрипке и имитировал все движения настолько удачно, что во время съемок в Алабаме один из старых актеров повернулся к окружающим и сказал: «Невероятно, но этот здоровый парень действительно умеет играть на скрипке». Подружившись с Берлином, Арнольд ходил на его концерты вместе с Аурелией,

приехавшей к нему в гости в Америку. Он порекомендовал тридцатилетнему Берлину сняться в фильме «Оставайся голодным», «где есть роль прямо-таки для него». И действительно организовал ему встречу с Рафельсоном. Но когда Берлин появился на съемочной площадке, его встретил взрыв хохота. Ведь он должен был исполнять роль… семидесятилетнего старика. Однако события цеплялись одно за другое, и, в конце концов, встреча с Рафельсоном привела к тому, что Берлин написал музыку для фильма «Оставайся голодным». Арнольд играл роль культуриста Джо Санто, обладателя титула «Мистер Австрия». По ходу фильма он приезжает в Бирмингем для участия в конкурсе. Там он встречается с Мэри Гейт, которую сыграла Салли Филд, — привлекательной женщиной, хозяйкой спортивного зала. Джо заводит дружбу с аристократом из южных штатов (актер Джефф Бриджес). Развивается вечный треугольник. В итоге Арнольд теряет Филд, которая уходит к Бриджесу. Арнольд вспоминал: «Я начал пить воду из нового колодца, к которому раньше и близко не подходил. Когда Салли Филдс тебя обнимает, смотрит тебе в глаза и прижимается к тебе в последний раз перед тем, как уйти, ты этому веришь и это отражается у тебя на лице. Тебе даже не надо играть, нужно просто оставаться самим собой». Впрочем, Арнольд вскоре обнаружил, что обучение актерскому мастерству — дело не такое уж простое. Старый друг, дублер в фильме «Оставайся голодным», признался как-то: «Арнольд сказал мне, что ему страшно играть. Но он также сказал, что поскольку ему постоянно приходилось преодолевать страх и контролировать себя, он начинал играть рискованнее и насыщеннее. В культуризме Арнольд чувствовал себя уверенным на сто процентов. Здесь же, на съемках, он был новичком, и сказал однажды, что ведет себя как взрослый, который совершил путешествие во времени и снова стал ребенком. Все вокруг учили его, и он переставал контролировать ситуацию. И уже не был королем».

Глава 9: Съемки «Качая железо» и прощание с культуризмом

Карьера Арнольда в кино только что началась. И он знал, что успех требует времени. До начала съемок друзья предупредили его, чтобы в титрах он шел как Арнольд Стронг, а не Шварценеггер. Арнольд отказался, заявив, что «в один прекрасный день весь мир будет понимать, о ком идет речь, услышав только его подлинное имя». И вдобавок заметил, что если имя его трудно запомнить, то его будет еще труднее забыть. Игра Арнольда была многообещающей, и Рафельсон, позвонив однажды Моррису прямо со съемочной площадки, заметил, что он с Арнольдом совершает просто чудеса и из Шварценеггера выйдет потрясающий актер. Барбара навестила Арнольда в Бирмингеме, но было совершенно ясно, что отношения между ними подошли к концу. Он останется свободным до июля 1977 года, встречаясь со всеми теми женщинами, которые ждали от него удовольствий, но избегали длительных связей. «Чем сложнее ваша интеллектуальная деятельность, — говорил он, — тем труднее сосредоточиться на сексе. Во многих случаях, когда я ложился в постель с женщиной, в уме я заключал очередную сделку». Как только закончились съемки «Оставайся голодным», Арнольд вернулся в Лос-Анджелес, где в ожидании следующей роли — в фильме «Качая железо» — продолжал брать уроки актерского мастерства у Эрика Морриса. Иногда он участвовал в занятиях группы, что, по словам Морриса, требовало умения показать свою индивидуальность. Однажды Арнольд встал перед классом и откровенно заявил: «Я не могу найти себе агента. Все агенты в этом городе говорят, что я слишком велик ростом, что у меня сильный акцент и им не нравится мое имя». Понимая, что фильм «Качая железо» станет для него рекламой, Арнольд начал уделять пристальное внимание сценической карьере, изучая тех, кого он надеялся когда-нибудь повторить, — звезд, а не обычных актеров. Он отбросил Рега Парка, который не мог служить ему образцом, и обратился к Элвису Пресли, личностью которого восхищался. Арнольд посещал его выступления, когда только мог себе это позволить. Он интересовался Мохаммедом Али и прочел его биографию, написанную Уилфредом Шидом. Съемки фильма «Качая железо» начались в июне 1975 года. Батлер и Гейне к этому времени нашли второго продюсера, Джерома Гэри, владельца кинотеатров в Сан-Франциско. С июня по ноябрь 1975 года они снимали в течение ста часов фильм, в котором

культуризм изображался как замкнутый самостоятельный мир, исследовались мечты культуристов об идеальном теле, демонстрировались трудности, которые им приходилось преодолевать. Вершиной фильма был конкурс «Мистер Олимпия», который должен был состояться 8 ноября в Претории (Южная Африка). Арнольд однажды сказал: «Я всегда хотел, чтобы у любого, кто прикоснется к штанге или гирям, в голове тут же возникало мое имя». В 1975 году, перед началом конкурса, на котором он должен был защищать свой шестикратный титул «Мистер Олимпия», именно это и произошло. Превосходство Шварценеггера было очевидным. Достаточно пролистать уэйдеровский журнал «Мускл билдер» за 1975 год, чтобы убедиться в этом. На обложке, естественно, был изображен Арнольд в трех разных позах. На обратной стороне обложки его сфотографировали вместе с Ларри Скоттом, Франко Коломбо и Кеном Уэллером для рекламы уэйдеровского курса занятий атлетизмом. На странице 58 была помещена написанная Франко статья, в которой рассказывалось о съемках фильма «Оставайся голодным», включающая интервью с Арнольдом. На странице 60 — опять реклама. То же и на странице 62. На странице 65 — Арнольд рекламирует уэйдеровский «браслет для сильных рук», на застежке которого выгравировано слово «мощь». Реклама призывает покупать сразу два браслета — по одному на каждую руку. Заголовок интригует — «только настоящий мужчина может носить наши браслеты». На странице 67 талон на подписку, естественно, с изображением Арнольда. На странице 70 цветная фотография Арнольда была включена в рекламу уэйдеровских протеиновых добавок к еде. И опять Арнольд — уже на странице 74 — вновь рекламирует протеиновые добавки. На странице 78 — уэйдеровский пояс для тяжеловесов на мощном торсе Арнольда. Культуристы, которые хотели купить такой пояс, должны были вырезать и выслать талон со следующим текстом: «Дорогой Джо, мне надоело терять время и силы во время лишних тренировок. Я хочу пользоваться поясом, который будет поддерживать в форме мой торс — как это делает Арнольд. При сем прилагается 19 долларов 95 центов». На странице 80 Арнольд рекламирует уэйдеровский «костюм для джоггинга», а на 81-й — пояса для тренировок и состязаний. На странице 85 он сфотографирован с симпатичной блондинкой, а под фотографией такие слова: «Я надел „костюм пантеры“ и теперь не наращу ни грамма жира». Другая реклама представляла этот костюм «незаменимым для человека, не желающего стать жирным котом». Остальные страницы журнала содержат еще множество фотографий Арнольда — здесь и питание для быстрого набора веса, и

специальные костюмы, и, наконец, курс тренировок, разработанный Арнольдом. «Короткий путь Арнольда к мощным мускулам» предлагает читателям еще и дополнительные соблазны: "Купите полный курс тренировок, и я поставлю собственноручную подпись чернилами на «Альбоме Арнольда». Подписано — «А. С.» В этом же выпуске можно найти колонку «Спросите чемпиона», в которой Арнольд отвечает на письма читателей, объявляет о своем новом семинаре по культуризму и объясняет, что готов лично пообщаться с каждым, кто просит о помощи. В семинаре могут участвовать до тридцати пяти культуристов, продолжаться он будет два дня. Семинары Арнольда, за четырехдневный курс которых в некоторые случаях приходилось платить несколько тысяч долларов, станут одной из важных составных частей его бурно растущей финансовой империи. И если к 1975 году культуризм при поддержке широкой пропагандистской кампании Джо Уэйдера приобрел полную самостоятельность, то Арнольд совершенно очевидно стал его хозяином. Помимо семинаров, Арнольд продолжал участвовать в различных соревнованиях и был почетным гостем конкурсов, проходивших по всей стране. 18 октября 1975 года, всего лишь за три недели до конкурса «Мистер Олимпия», он в качестве приглашенной звезды принял участие в шоу «Мистер Тихоокеанское побережье и Мистер Сан-Франциско» в Калифорния-холл (Сан-Франциско). Входные билеты стоили по пять долларов, но их раскупили две тысячи человек. Нижеследующий газетный отчет дает полное представление о той популярности и влиянии, которые Арнольд приобрел у своих болельщиков: «Ведущий Джимми Пейн, „Мистер Америка“ 1950 года, весь вечер подогревал зрителей выкриками „чем больше вы тренируете свое тело, тем больше оно стоит“ или „ОН за сценой, ОН качается!“ В эти моменты крыша едва ли не обваливалась. Музыка из „Исхода“ начала звучать через динамики. „АРНОЛЬД-АРНОЛЬД-АРНОЛЬД!“ — кричала толпа. Другой ведущий — Денни Холмс — хватает микрофон и смотрит направо: „Он идет, он уже приближается, он выходит на сцену! Вот он! Дамы и господа, главный человек в культуризме, может быть, самый сильный из всех, которые были и будут, Мохаммед Али культуризма, МИСТЕР АРНОЛЬД ШВАРЦЕНЕГГЕР!“ Выступления проходили под музыку из „Сказок Венского леса“. Женщины рыдали. Мужчины откровенно завидовали Шварценеггеру». Арнольд на этом не останавливался, он всегда искал приключений, продолжал двигаться вперед в поисках новых горизонтов. Его аудитория росла. Фильм «Качая железо» уже маячил на горизонте.

Карьера в мире кино была следующим шагом его большого плана. Но перед тем, как брать штурмом серебряный экран, он должен был пройти конкурс «Мистер Олимпия» 1975 года. Впервые, возможно, в результате общепризнанного во всем мире успеха Арнольда, конкурс должен был пройти в далекой Южной Африке. Арнольд подружился с сыном министра спорта, который затем представил его своему отцу, Питу Курнхофу. Курнхоф признался, что он мечтает провести конкурс «Мистер Олимпия» в Южной Африке. Деньги не служили препятствием. Арнольд обещал поговорить об этом предложении с Беном Уэйдером. Последовало обсуждение с участием Курнхофа, Уэйдера и миссис Лолли Бестер, секретарем Южноафриканского союза культуристов-любителей, после чего Уэйдер получил письмо от Курнхофа, в котором содержались заверения, что все культуристы, независимо от вероисповедания и расы, будут приняты на равных, как друзья. Многих культуристов удивило, что Международная федерация культуризма, официальная линия которой состояла в осуждении расизма, решила провести свой самый важный конкурс в Южной Африке. Однако Серж Нубре, сам чернокожий, поехал в Южную Африку и провел там неделю в гостях у Курнхофа с целью оценить последствия такого решения с точки зрения расовой политики. После недели нескончаемых приемов в ресторанах Претории, где все ограничения, предусмотренные апартеидом, специально для него были сняты, Нубре пришел к выводу, что конкурс «Мистер Олимпия — 1975» может быть проведен в Южной Африке. Участники состязаний 1975 года прибыли в Южную Африку на самолетах южноафриканской авиакомпании, жили в первоклассном пятизвездочном отеле «Бэрджесс паркотель» в Претории и им была предоставлена возможность посетить знаменитый Национальный парк отдыха им. Крюгера. Правительство оплачивало все расходы. За два дня до конкурса чернокожий культурист Робби Робинсон, расслабившийся под южноафриканским солнцем вместе со своими белыми коллегами-спортсменами, был выброшен из общественного парка полицейским, который, судя по всему, оказался не в курсе временного приостановления режима апартеида. Хотя съемочной группы «Качая железо» рядом не оказалось и она не смогла заснять происшествие с Робинсоном, весь конкурс был ею зафиксирован. Камеры группы «Качая железо» смогли поймать все нюансы событий, происходивших перед конкурсом и за кулисами. На помосте они засняли заранее предопределенную победу Арнольда — сначала над Сержем Нубре, затем над Лу Ферриньо и, наконец, над Франко Коломбо, который стал победителем в

весовой категории менее двухсот фунтов. Рег Парк, привидение из прошлого и человек, с которого все началось, вручил Арнольду приз. Затем последовало необычное продолжение. В то время как камеры киногруппы продолжали работать, снимая исторический момент для вечности, Арнольд объявил, что больше не будет выступать на конкурсах, но не прекратит занятий культуризмом.

Так, в двадцать восемь лет Шварценеггер официально ушел с арены. Культуризм больше никогда не увидит никого ему подобного. Возвращаясь из Южной Африки, Арнольд остановился в Вене, а затем навестил свою мать в Граце. На Рождество он получил от владельца спортивных клубов в Вене серебристый «мерседес» с черными меховыми сиденьями. Ушедший в отставку герой увез с собой и множество других подарков от обожающих его болельщиков и энергичных бизнесменов, пытавшихся привлечь внимание Арнольда. Это были будильники и простыни, магнитофоны и статуи, да и просто чеки, которые водопадом лились со всей Америки. Нескончаемым потоком шли письма поклонников, в том числе женщин, обещавших проделать невообразимые вещи с обожаемым телом своего кумира. Первая половина 1976 года, по сути дела, прошла в ожидании. Выход фильма «Качая железо» был отложен на год. Другой фильм — «Оставайся голодным» — должен был появиться на экранах в июне 1976 года. Арнольд прекрасно понимал, что его роль в нем — не главная и, скорее всего не привлечет к нему внимания публики, которого он ожидал от документального «Качая железо». Не то, чтобы ему не хватало внимания. 26 февраля он продемонстрировал свои качества в нью-йоркском музее искусства Уитни вместе с двумя другими культуристами, которые принимали участие в выставке под названием «Необычайные бицепсы: мужское тело в искусстве». Выставка привлекла к себе две с половиной тысячи человек, некоторым пришлось стоять, поскольку не хватило мест. Большинство посетителей пришли, чтобы посмотреть на Арнольда. Он появился внезапно, стоя на вращающейся платформе, в то время как Кандис Берген фотографировала шоу по заданию газеты «Тудей». Когда Арнольда спросили, что он думает по поводу того, что его роль фактически сводится к секс-символу, он признался: «Я на седьмом небе. Я чувствую себя, как король». Арнольд отнюдь не отрекся от трона. Он даже расширил свое королевство, прибавив к нему партнерство с Джимом Лоримером, вместе с которым стал спонсором конкурса «Мистер Олимпия — 1976». Прекрасно сознавая, что скоро станет звездой кино, Арнольд начал еще активнее поднимать свой имидж. Джордж Батлер первоначально решил, что Арнольд трогательно наивен. «Он не знал множества

вещей, — вспоминает Батлер. — Например, не умел одеваться, заказывать меню, да и многого другого». Арнольд попросил у Батлера совета, в каком отеле остановиться в Нью-Йорке и, узнав, что тот предпочитает «Алгонкин», быстро заказал там номера для себя и восьми других культуристов, которые приехали на шоу. Одежда для него всегда была проблемой. Костюмы приходилось шить на заказ, так же как рубашки из хлопка 54-го размера с короткими рукавами и джинсы 38-го размера, которые он выписывал из Голливуда по 150 долларов за пару. Впрочем, обувь 12-го размера, по его словам, Арнольд заказывал без труда. Предпочитая одеваться в обтягивающую майку, которая всегда рельефно подчеркивает мускулистую фигуру, он пользовался услугами нью-йоркского портного Морти Силлса. Приняв Арнольда в примерочной ателье на Пятьдесят третьей восточной улице, Силлс превратил короля-переростка в образец модного мужчины. Он одевал его в довольно консервативном стиле. Но вообще неформальный стиль одежды нравился Арнольду, который приобрел привычку носить ковбойские ботинки и вообще ковбойскую одежду, а заодно полюбил музыку в стиле «кантри». Вся эта подготовка к будущему в то же время не лишила его чувства юмора. Вместе с Фрэнком Зейном он отправился в Мехико-сити с показательными выступлениями. Все проходило неудачно. Никто не встретил их в аэропорту, и им пришлось ждать шесть часов. В зале ожидания к ним подошел кришнаит и подарил Арнольду книгу «Бхагавад Гита» на испанском языке. Арнольд поблагодарил. Тогда парень спросил: «А деньги?» «Нет, — ответил Арнольд, — ты подарил мне эту книгу, и я буду хранить ее». Затем они с Фрэнком Зейном ушли, не обращая внимания на крики разъяренного кришнаита. В июне вышел фильм «Оставайся голодным». Он не получил особенно много откликов прессы. Арнольда никто не ругал, и он даже получил приз «Голливудский золотой глобус», как самый многообещающий новичок в кино 1976 года. Один из критиков потом написал, что увидел «воспитанного гиганта, огромного и неловкого, который все время должен был смотреть по сторонам, чтобы на кого-нибудь случайно не наступить. У него были некоторые смешные реплики, которые он произносил вполне умело, и, в конце концов, вы начинали любить его странной любовью, как пантеру, которая вас так и не укусила». В 1976 году Арнольд позировал для знаменитого фотографа Франческо Скавулло, который сделал снимки культуриста в обнаженном виде для центрального разворота журнала «Космополитэн». Скавулло рассказывал: «Нагим он был прекрасен. Правда, Арнольд потом передумал и отказался публиковать эти

фотографии. Я их положил в банк и гарантировал, что никогда не напечатаю». На первый взгляд может показаться, что Арнольд воздерживался от любого риска. Но это не так. Как рассказали Курт Марнул и Карл Кайнрат, которые вместе с Арнольдом приехали на конкурс «Мистер Вселенная» в Монреаль, после одного особенно веселого вечера Марнул в два часа ночи был разбужен телефонным звонком Арнольда, который умолял его спуститься в номер и помочь. Он объяснил, что лежит в постели с одной из секретарш Уэйдера — девушкой, которая обожала его и была готова исполнить все, о чем он ее попросит. «Марнул, — жалким голосом сказал он, — я не могу ничего с ней сделать. Тебе придется спуститься и защитить честь Австрии». Марнул охотно согласился, но, под хохот Арнольда выяснил, что и у него ничего не получается. К счастью, третий друг Арнольда, тоже австриец, спас положение, а заодно и честь Австрии. В том же году Арнольд встретился со своими австрийскими друзьями в более респектабельной обстановке. Он пригласил человек пятнадцать, в том числе своего друга детства Франца Хормана, на ужин в Вене. В это время он уже был кинозвездой и прибыл в Австрию на презентацию фильма «Оставайся голодным». Но он помнил всех друзей и всегда будет их помнить — сыновей фермеров, пожарных, служащих и крестьян, австрийский диалект которых напоминал Арнольду о деревенском окружении и о коровьем навозе и с которым он был так связан в детстве. Сердце Арнольда иногда было нежным, и места там хватало для всех.

Теперь Арнольд стал бизнесменом и начал свою карьеру с того, что 18 сентября выступил спонсором конкурса «Мистер Олимпия» в Коламбусе. Состязание проводилось в Мемориальном зале ветеранов. Все 4000 билетов по 20 долларов каждый были проданы. Один из журналистов следующими словами описывал это зрелище: «Все происходило так, как будто бывшая Мисс Америка вернулась на сцену, наняла оркестр, зал и популярного ведущего». Доход Арнольда к этому времени достигал 200 тысяч долларов в год. Он был владельцем жилого дома N 1108 по 19-й улице в Санта-Монике, где сам же и жил в одном из блоков. Фильм «Оставайся голодным» вышел на экраны Англии 3 октября. Перед премьерой Арнольд у себя дома в Калифорнии дал интервью престижной лондонской «Санди таймс». Журналисты отметили, что его квартира была обставлена мебелью из мореного дуба, когда-то заложенного в основание одного из пирсов местного порта. Арнольд предложил им кофе из кофейника ручной работы размером с вазу. Двойная квартира, которую он занимал, была украшена коллекцией оружия, на стенах висели фотографии его и Аурелии. «Я родился

лидером», — признался он «Санди Таймс» и добавил, что, будучи еще ребенком, мечтал стать знаменитостью, диктатором или спасителем, «наподобие Христа». В квартире висела большая доска с надписью: «Без культуризма нет национальной культуры». К концу 1976 года стало очевидным, что Арнольд построил себе что-то вроде личной империи, в которой правил безраздельно. В 1977 году мир увидит его в фильме «Качая железо» исполняющим лучшую из сыгранных им ролей, к которой он готовился всю жизнь — роль Арнольда Шварценеггера.

Глава 10: Сталлоне, фильм «Качая железо» и Сью Мори

Время вручения приза «Золотой глобус» в начале января 1977 года было определено очень удачно — как раз за несколько дней до долгожданного выхода фильма «Качая железо». Спонсором 34-й ежегодной церемонии вручения приза выступила Ассоциация иностранных журналистов Голливуда, а проводилась она в знаменитой и дорогой гостинице «Беверли-Хиллз Хилтон». Среди победителей были Джессика Ланж (лучший дебют в женской роли, «Кинг Конг»), Лоуренс Оливье («Бегущий человек»), Фэй Данауэй («Сеть»), Барбара Стрейзанд («Рождение звезды»), и Арнольд Шварценеггер (лучший дебют в актерском мастерстве, «Оставайся голодным»). Но в центре внимания был Сильвестр Сталлоне, хотя он и не получил приза «За лучшее исполнение роли», который ушел к Питеру Флинчу («Сеть»), а «Рокки», где он играл главную роль, получил приз как лучший игровой фильм года. В ту ночь всем стало ясно, что сенсацией был Сталлоне, а Арнольд — всего лишь новичок в мире кино. Однако во многих отношениях эти два человека невероятно походили друг на друга. Оба — сыновья строгих отцов, обоих заставила жизнь бороться за славу и удачу. Отец Сталлоне, Франк, был известен своим буйным нравом и жестокостью к лошадям для игры в поло, а также как большой любитель женщин. Как и Густав по отношению к Арнольду, он был требовательным отцом, никогда не оставался доволен достижениями своего сына, всегда добивался от него большего. Мать Сталлоне, Жаклин — дочь вашингтонского адвоката — блистала красотой на сцене. Она выступала в легендарном «Даймондз Хорсшу Клаб» Билли Роуза. Женщина с сильной волей, острым умом и бездной обаяния, она так же, как и совершенно непохожая на нее, более заурядная Аурелия Шварценеггер, столкнулась с трудностями в семейной жизни, когда Сильвестр был еще ребенком, и в конце концов развелась с Фрэнком Сталлоне.

И Арнольд, и Сильвестр выросли в неспокойных семьях с отцами-тиранами, которые делали все, чтобы показать свою власть над сыновьями. В то же время они вложили в души сыновей сталь и подготовили фундамент для всепоглощающего стремления к успеху. И Сталлоне, и Арнольд были разнузданными молодыми людьми, бегали за юбками и сексуальными победами доводили себя до изнеможения. Оба выделялись из общего ряда, были по характеру возмутителями

спокойствия, обладали сильной волей и склонностью к бунтарству. Каждый по-своему восхищался легендарным боксером Мохаммедом Али. Арнольд с его блестящими способностями к саморекламе создал себе такой же имидж, как и Али, и точно так же при каждом удобном случае заявлял, что он «самый великий». Сталлоне, будучи безработным актером, пошел как-то посмотреть матч между боксерами Али и Хэпнером. Вдохновленный Мохаммедом Али, Сталлоне помчался домой и за три с половиной дня написал сценарий «Рокки». Весь 1976 год американские средства массовой информации были заполнены историями о том, как Сталлоне поднялся из самых низов к вершинам, от окраинных улиц Нью-Йорка до Голливуда, победив в схватке с голливудскими магнатами, которые хотели купить сценарий и выбросить самого Сталлоне за ворота. Твердо решив сам сняться в главной роли, Сталлоне, который находился на грани голода, смог собрать 300 тысяч долларов и, в конце концов, добился роли Рокки. История Рокки Бальбоа вскоре стала неотделимой от самого Сталлоне, и в умах американской публики вскоре соединилась в одно целое. Невероятный успех Сталлоне не остался незамеченным Арнольдом. И теперь при свете юпитеров Арнольд встретил любимого сына Голливуда, человека, который был всего лишь несколькими годами старше его, но уже успел написать собственный сценарий и снять собственный фильм. Арнольда поразило, что Сталлоне, который тоже «качал железо» и сделал совершенствование физической формы неотъемлемой частью своей жизни, добился такой невероятной славы. Каким бы могущественным ни был Арнольд в культуризме, каким бы удачным ни был его дебют в кино, рядом с Сильвестром Сталлоне он — никто, малоизвестная личность. Если учесть спортивную натуру Арнольда, то легко предположить, что уже при первой встрече он решил сбросить Сталлоне с пьедестала. В этот вечер в «Беверли-Хиллз Хилтон» они не смогли поговорить, но вскоре встретились и познакомились. В то время они еще не знали, как много у них общего, как они похожи друг на друга, о чем даже не догадывались их друзья на киностудиях. Но судьба уже посадила обоих на поезда, летящие по одной колее навстречу друг другу. Через девять лет Сильвестр Сталлоне и Арнольд Шварценеггер переживут одни и те же события, которые сначала придадут им новые стимулы, а потом едва не сокрушат.

Фильм «Качая железо» вышел на экран в нью-йоркском кинотеатре «Плаза» 18 января 1977 года. Пятьсот поклонников культуризма, а также Ларри Саймон, Джеймс Тейлор, Кэрол Бейкер и Том Вулф пришли на премьеру, куда пускали только по

пригласительным билетам. И хотя официально фильм считался документальным исследованием культуризма, была совершенно ясно, что на самом деле — это реклама Арнольда Шварценеггера. Фильм начинается со сцены, в которой Арнольд и Франко берут уроки балета у танцовщицы Марианны Клэр. Пока она объясняет те или иные движения, камера показывает Арнольда: он сосредоточен и весь внимание. Потом действие переходит в гимнастический зал Голда, где Арнольд словно заправский политик «работает с залом» — пожимает руки, похлопывает по плечам, перебрасывается с присутствующими короткими репликами. Остался сто один день до конкурса «Мистер Олимпия» и «Мистер Вселенная — 1975» в Южной Африке. Нам сообщают возраст Арнольда — 28 лет, его рост — шесть футов два дюйма, вес — 280 фунтов. Мы видим, как он изучает себя в зеркале с холодным и бесстрастным видом. В этих начальных сценах Арнольд ведет себя скромно, терпеливо объясняет зрителям сущность культуризма. Арнольд покидает спортзал и остается один. Он сидит в кресле, расслабленный, но полностью владеющий собой. Шварценеггер рассказывает о том, что означает выражение «качать железо», и одна из его фраз хорошо характеризует Америку 1977 года, когда еще не обнаружен СПИД и в разгаре сексуальная революция: «Культуризм меня удовлетворяет так, словно я кончаю — знаете, когда вы в постели с женщиной и кончаете. Можете представить себе, насколько я счастлив. У меня такое чувство, словно я кончаю в спортзале. Дома я испытываю то же самое. Я чувствую, что кончаю за сценой, пока накачиваю мышцы перед выступлением. То же самое происходит и во время выступления перед пятью тысячами зрителей. Так что я кончаю двадцать четыре часа в сутки». Он с удовлетворением откидывается на спинку кресла, доказав, что он — король. И что еще важнее — не гомосексуалист. Затем мы видим Арнольда в федеральной тюрьме на Терминал-Айленд в Калифорнии, куда он часто заезжает по делам благотворительности. Он стоит, окруженный заключенными — мужчинами и женщинами. Молодая преступница помогает ему снять майку. Он целует ее под восторженный свист толпы, и как бы извиняется за этот поцелуй, делает вид, словно он маленький мальчик, недовольный «слюнявой девчонкой». Другой заключенный, на этот раз мужчина, просит поцеловать и его. Арнольд улыбается, для эффекта выдерживает паузу, потом поднимает бровь и говорит, что слыхал всякие истории о тюремных нравах мужчин и, пожалуй, целовать его не будет. Говорит он это легко и шутливо. Потом поднимает обе руки, словно триумфатор приветствуя окружающих. Арнольд покоряет

всех. Затем мы видим Арнольда в роли старшего товарища. Он обучает молодого культуриста, показывает, как выступать перед публикой. За этим следует фрагмент, в котором фигурирует культурист Майкл Катц, но показывают это так, что зрителю становится совершенно ясно, что Катц не конкурент для Арнольда. В фильме часто появляются Лу Ферриньо и Франко Коломбо. Акцент делается на их слабостях, подолгу показываются гримасы боли во время тренировок, их коварство, отсутствие качеств спортивной звезды. В конечном счете все участники фильма «Качая железо», кроме Арнольда, оказываются неполноценными. Если бы Арнольд нанял лучшую рекламную фирму Роджера и Коуэна и заплатил им миллион долларов за прославляющий его фильм, они, видимо, не смогли бы создать ничего лучшего, чем «Качая железо». В следующей сцене Арнольд позирует фотографу с мастерством, достойным любой модели «Вога». Затем он рассказывает историю своей жизни, точнее — ее сокращенную версию. Голос звучит за кадром, и рассказ завершается признанием Арнольда в том, как он с десятилетнего возраста мечтал уехать в Америку. На несколько минут в кадре появляется Джо Уэйдер. Он дает указания Арнольду и нескольким красоткам, как следует фотографироваться. Затем идет ряд кадров, в которых Арнольд с видом триумфатора позирует на вершине горы под звуки похожей на гимн песни «Каждый хочет жить вечно». Арнольд похож на Бога, вечно живущего на Олимпе. Эти кадры очень напоминают знаменитые фотографии Сталлоне в роли Рокки на ступенях музея искусства в Филадельфии.

Затем в резком контрасте следуют сцены городских окраин — Лу Ферриньо завтракает с семьей. Смысл ясен — в то время, как Арнольд торжествует на вершине, бедный Ферриньо завтракает в Бруклине. Мы уже слышали историю о том, как Арнольд в десятилетнем возрасте планировал уехать в Америку. Теперь мы видим малоизвестного небогатого Лу, который в двадцать четыре года все еще живет со своим родителями. Мы видим Лу еще ребенком. Его отец Матти с преувеличенным пафосом рассказывает о том, как он водил сына на первые публичные выступления Арнольда в Америке, а затем пошел с ним за кулисы. Лу просто очаровал Арнольда, который в это время пытался завоевать титул «Мистер Олимпия». Матти Ферриньо, бывший полицейский, занимается делом, которое — по мнению любого, кто видел начало фильма, — совершенно бесперспективно. Для того чтобы подчеркнуть это, фильм показывает Арнольда — воплощение здоровья и торжества — выходящим из моря. Затем он ложится на песок и делает вид, что

дремлет, пока другой культурист сообщает ему о своем желании отправиться в Нью-Йорк навестить Лу. Хочет ли Арнольд ему что-нибудь передать? Улыбаясь, Арнольд просит передать Лу и его отцу привет и наилучшие пожелания и мимоходом упоминает, что Ферриньо нуждается в помощи. После этого он подмигивает, по-доброму и в то же время насмешливо, так, что зритель сразу оказывается на его стороне. Один за другим следуют кадры, в которых Лу накачивает мышцы, и изнывает под тяжестью тренировок, а Арнольд занимается с изяществом, перенося нагрузки спокойно, как хорошо смазанная машина. Затем снова на экране Лу и его отец, которые все больше впадают в отчаяние по мере приближения конкурса «Мистер Олимпия». И снова Арнольд в спортзале Голда. Он механически жует жвачку. Затем объясняет тактику своих тренировок, особо подчеркивая выносливость и твердость в достижении цели, и добавляет, что даже когда он без сил роняет штангу, все равно не прекращает занятий. К этому моменту для зрителя становится ясным образ Арнольда — сексуально привлекательного, не гомосексуалиста, уверенного в себе, мужественного и преданного своему делу и своим начинающим друзьям. В этой части фильма на экране появляется Франко, причем последовательность кадров будит воспоминания о выступлениях цирковых силачей другой, докультуристской эры: Франко поднимает машину, надувает пластиковую бутылку до тех пор, пока она не лопается и проделывает другие вещи. Следующий кадр — Арнольд помогает Франко тренироваться.

Действие перемещается в Южную Африку. У Арнольда берет интервью женщина-репортер, которая деликатно просит его рассказать, какой он представляет себе идеальную женщину. Арнольд отвечает, что ему нравятся все самостоятельные женщины, обладающие шармом. Затем в эпизоде возле бассейна Арнольд рассказывает о «подначке», которую подставил «сильному Майку», мюнхенскому культуристу, посоветовав ему кричать во время выступления. Когда Арнольд рассказывает эту историю, он чарующе забавен, привлекательно хитер и по-смешному обаятелен. Просто невозможно не любить его. В день конкурса Арнольд завтракает за одним столом с Ферриньо. Он ненавязчиво покровительствует всей семье. Арнольд сочувствует Лу. Он считает, что время проведения конкурса выбрано неудачно, так как Лу нужен по крайне мере месяц, чтобы войти в форму, и может случиться, что ему придется уйти из спорта, так и не став «Мистером Олимпия». С сияющей улыбкой Арнольд рассказывает, что уже сообщил своей матери приятную новость — титул «Мистер Олимпия» им завоеван. Его обаяние захватывает.

Арнольд после присуждения титула «Мистер Олимпия». Фильм показывает счастливого до экстаза культуриста, одетого в майку с надписью «Арнольд — номер первый». Фильм «Качая железо» вновь и вновь вдалбливает зрителю представление о подавляющем превосходстве Арнольда. В финальной сцене в автобусе, направляющемся в аэропорт, Арнольд щедро обещает Лу, что теперь, после победы, он придет к нему в гости отведать спагетти, тефтелей и штруделя, чтобы познакомиться с благословения матери Лу с его сестрой. Пришедший в полное замешательство Лу улыбается, он благодарен Арнольду за внимание. Публика, однако, понимает смысл завершающего удара Арнольда — он не удовлетворен тем, что полностью подавил самого Лу, следующим пунктом в программе культуриста — его сестра. Зрители влюбились в Арнольда. А вскоре влюбилась и вся Америка. Он был обаятельным чемпионом, жестким победителем и, сверх всего, симпатичной пародией на злодея, который не только соблазняет свои жертвы, но и приводит в восхищение зрителей. Всего лишь через несколько дней после выхода фильма «Качая железо» Джимми Картер принес присягу, вступая на пост президента США. Вместе с ним пришла эпоха более мягкой, доброй и пуританской Америки. По крайней мере в теории. Интересно, однако, что средства массовой информации не подняли на щит новую полурелигиозную эру Картера, а вместо этого создали культ героя — сначала из Шварценеггера, который провозгласил приоритет собственных амбиций, а затем из некоего Джей Р. Юинга. Премьера «Далласа» прошла 2 апреля 1978 года, через год и три месяца после того, как выход фильма «Качая железо» поставил Арнольда в центр внимания американской публики, как обожаемого хулигана и безжалостного победителя. В каком-то смысле Арнольд, благодаря фильму, а потом и своим появлением на телевидении проложил дорогу Джей Р. Юингу. Через одиннадцать лет после выхода на экран первой серии «Далласа» актер Ларри Хогман, который играл Юинга, написал, что этот выдуманный персонаж стал моделью поведения для многих американцев. «Он понимает, что не существует нерушимых правил, что вокруг джунгли, и что слабые обречены на гибель». Джей Р. не занимается коррупцией; во всяком случае, то, что он делает, называется не более как стремлением «добиться поставленной цели». Джей Р. устанавливает собственные законы, главное — чтобы они работали, и они обычно работают. И мужчины, и женщины одинаково восхищались силой Джей Р., его способностью выйти сухим из любых ситуаций. «Джей Р., — по словам Хогмана, — человек, которому вся Америка втайне хочет

подражать». Похоже, что-то же самое случилось и с Арнольдом Шварценеггером, и потому кинокритики полюбили его.

Ник Кон в журнале «Нью-Йорк» писал: «Шварценеггер освещает фильм, как неоновая лампа, каждый раз, когда он появляется на экране. Его физическая мощь уравновешивается юмором, всепроникающим обаянием и той же смесью сладкого и горького, забавной наглости и забавной невинности, которой когда-то обладал Мохаммед Али». Газета «Сохо уикли» отмечала: «Арнольд Шварценеггер обладает обаянием и умом, которые смешаны с какой-то роковой наглостью. Этому сочетанию противостоять невозможно». Ричард Шикель из журнала «Тайм» объявил, что если фильм приобретет популярность, то Арнольд станет «довольно влиятельной фигурой для средств массовой информации» и добавил: «Холодный, хитрый, по-мальчишески обаятельный, он излучает ту легкую уверенность в себе, которая свойственна людям, не сомневающимся с самого рождений, что они станут звездой в той или иной сфере… У Арнольда есть дар, который невозможно приобрести независимо от того, сколько спортсмен тренируется или сколько репетирует свою роль. Он все впитывает в себя, как губка. Это высший дар, какая-то магическая сила, которая заставляет его соперников отступать, а судей — выставлять наивысшие оценки». 19 февраля, когда фильм должен был пойти на экранах Вашингтона, критик из «Вашингтон пост» Гэри Арнольд предсказал: «Он несет свое феноменально развитое тело с такой легкостью, что все окружающие неизбежно оказываются очарованными… Трудно предвидеть, в каком направлении будет развиваться кинокарьера Шварценеггера. Могло бы быть забавным, если свести вместе под каким-нибудь предлогом его и немощного Вуди Аллена, может быть, в роли непобедимых сердцеедов, чтобы продемонстрировать прямо противоположные стили сексуальной привлекательности». Комментарий Гэри Арнольда предвосхитил одну из сюжетных линий блистательного фильма «Близнецы». Для рекламы фильма «Качая железо» был нанят ведущий специалист Нью-Йорка по связям с общественностью Бобби Зарем. Его мастерская кампания, естественно, была построена на прославлении Арнольда. И достигла невиданного успеха. Английский критик Александр Уокер писал: "Главная сенсация этой недели в Нью-Йорке — это Арнольд Шварценеггер. Он повсюду — во всех газетах и журналах, во всех колонках светской хроники. Ни один ужин не считается удавшимся без новой пикантной детали из его жизни. В общем, если бы Роберт Рэдфорд[2] вошел в ту же комнату, где находится Арнольд, ему, очевидно, пришлось бы потом годами подвергаться психоанализу, чтобы восстановить уверенность в

себе". Арнольд стал любимцем сливок нью-йоркского общества. Его снимали для программы Си-Би-Эс «Кто есть кто», прославляли в «Элейн», им восхищалась сама Диана Урилэнд, которая сказала об Арнольде: «Очарователен. Он просто очарователен». Наследница «Фиата» Дельфина Ратацци организовала прием в его честь, на котором были известные актеры Чарли Кэртис, Энди Уорхол, Скавулло, а также будущие тетки Арнольда по линии жены Пэт Лоуфорд и Жаклин Кеннеди-Онассис. Как пишет личный биограф Арнольда, Джекки умоляла дать согласие на то, чтобы стать редактором его следующей книги. Аурелия прилетела из Австрии на премьеру, вооружившись единственной английской фразой «Я мать Арнольда». В общем ничего другого ей и не понадобилось, поскольку судьба улыбалась ее сыну. Арнольд жил в «Парк Лейн Отель», имел в карманах стодолларовые банкноты, а фирмы «Мерседес» и «БМВ» подарили ему по машине. Австрийская авиакомпания предложила бесплатно доставить Арнольда и пятьдесят его ближайших друзей на горнолыжный курорт. Мальчишка из Таля, который мог позволить себе есть мясо только по воскресеньям, был теперь любимцем Нью-Йорка и ужинал только в знаменитом ресторане «21». Мальчишка, который хотел достичь хоть чего-нибудь, смог получить почти все. Арнольда Шварценеггера, мечты которого воплотились в жизнь, успех опьянял. Он приобрел солидный опыт выступлений по телевидению. На передачу «Сегодня» Барбара Уолтере пригласила только Батлера и Гейнса и была, по слухам, огорчена, когда они привели с собой Арнольда. По словам Джорджа Батлера, Барбара подчеркнуто заявила, что ей совсем не нужен здесь этот «огромный комок мускулов». «Мы сели, — продолжал Батлер. — Но она сразу приняла по отношению к Арнольду враждебный тон, задав ему провокационный вопрос: „Вы принимаете стероиды?“ Барбара ожидала, что он будет отрицать все, но Арнольд красноречиво объяснил ей, что чемпион не может полагаться только на стероиды. „Вообще-то, — сказал он, — я от них не отказываюсь“. Затем Арнольд предложил Барбаре взять его за руку. Она схватила ее и с удивлением воскликнула: „Она же совсем мягкая!“ С этого момента Арнольд держал Барбару в руках, он ее приручил. Она почувствовала, что это не феномен, а просто обычный человек. На такой жест способен был только Шварценеггер. Произвольность его реакции была настолько естественной, что Барбара была покорена. Какой-то дар свыше. Именно поэтому он так хорош». Хорошо известная обозревательница Лиз Шмидт тоже не могла противостоять обаянию Арнольда. На обеде с ним она, как и Барбара, потрогала

его руку и позднее написала: «Это был один из запоминающихся эпизодов в моей журналистской биографии». Батлер и Гейне гордились новой звездой, которую они помогли создать. Гейне позже признался: «Арнольд — это как вершина Маттерхорн. Мы его не открывали, а просто первыми заметили. Арнольд и так знал, что станет знаменитым. Это было видно по тому, как он ходил, как держал себя. Духовно и интеллектуально это — один из самых восприимчивых людей, каких я только знал». Поклонники Арнольда продолжали преследовать его с невероятным упорством. Однажды во время показательного выступления в Детройте какая-то женщина попросила его снять рубашку. Он согласился, но потребовал от нее сделать то же самое. Женщина с готовностью разделась. Арнольд потом признался: «Я использовал этот ход не однажды, но на этот раз решил, что он станет последним». Шварценеггер оставался в центре внимания в течение всей весны 1977 года. В мае он полетел в Вену, где собрался показать «Качая железо» своим друзьям — владельцу спортивного зала Бернарду Циммерманну и его жене Эрике, бывшей «Мисс Австрия», у которой с Арнольдом совпадали дни рождения. Сначала прокатная компания отказала ему в копии фильма. Но Арнольд умел уговаривать. Он ответил угрозой, что бойкотирует Каннский кинофестиваль, куда должен был приехать на просмотр фильма. И компания не могла устоять. Втроем они устроили праздничный обед в Хауэрмандле (Гринцинг, пригород Вены), заказав вермишелевый суп, венский шницель и штрудель. В венском отеле «Интерконтиненталь» Арнольд выступил членом жюри на конкурсе «Мистер Австрия». Потом был Каннский кинофестиваль, где он заверил кинокритика Александра Уокера: «Роли типа Тарзана не для меня. Понимаете, человек-обезьяна не был по-настоящему мускулистым парнем. В любом случае я предпочитаю фильмы, где эмоции проявляются отнюдь не в перепрыгивании с ветки на ветку, на что способна любая обезьяна».

К июлю 1977 года успех Арнольда постепенно пошел на закат. Пришло время вернуться к частной жизни. Барбара Аутленд, первая любовь Арнольда, заняла ту часть его души, которая искала материнской любви. Его следующая избранница, Сью Мори, напротив, будила другие инстинкты, удовлетворяла ту сторону характера Арнольда, которой требовался праздник, драма и, конечно, море секса. Теперь, через двенадцать лет после этих событий, Сью красит волосы в рыжий цвет. Она вышла замуж, родила дочь и откровенно рассказывает о прошлом. Мори по-прежнему привлекательна с ее васильковыми глазами и точеной фигурой. Они встретились на пляже в Венис (штат

Калифорния), в июле 1977 года. Сью была тогда блондинкой с атлетическим строением тела. В свои 25 лет она обожала роликовые коньки. Это была, по ее словам, «страсть с первого взгляда». Вместе с подружкой Сью смотрела «Качая железо» и мгновенно узнала Арнольда. Специально для него подруги устроили показательное выступление на роликовых коньках, а затем начали отчаянно флиртовать, стараясь привлечь его внимание. С Арнольдом была группа парней. Но на Сью он обратил внимание, хотя и поглядывал на других симпатичных девушек, расположившихся на пляже. В конце концов, Сью задиристо воскликнула: «Арнольд, да ты настоящий потаскун». Он на мгновение опешил, но быстро нашелся: «Я не потаскун, ведь потаскуны — проститутки». «Проститутка продает тело за деньги, а потаскун — это совсем другое», — ответствовала Сью. Решив воспользоваться открывшейся возможностью, Арнольд предложил: «Думаю, нам надо поехать ко мне домой. У меня есть словарь, и мы посмотрим, что это слово означает». Сью отказалась, быстро съездила на роликовых коньках в книжный магазин, взяла словарь и уточнила значение слов. Вернувшись, она проинформировала Арнольда, что была права. Арнольд восхитился, спросил ее телефон и записал в маленькую книжечку. Она заметила, что рядом с ее именем он написал «роликовые коньки». В разгар их интимных отношений он снова показал ей эту записную книжку. Рядом с каждым именем и номером телефона была заметка типа «большая грудь» или «черные волосы», чтобы потом случайно не перепутать одну женщину с другой. В следующий раз они встретились через четыре или пять дней. Арнольд повел Сью в ресторан «Йестерди» в Вествуде. Впоследствии она обнаружила, что в ресторане работала официантка — последнее увлечение Арнольда. Таков был обычный прием Шварценеггера — ухаживать за новой подружкой на глазах у предыдущей. И Сью испытала это на себе. «Наши отношения были заполнены всепоглощающей страстью», — рассказывает Сью, признаваясь, что Арнольд оказался потрясающим любовником, умеющим попеременно быть и жестоким, и нежным. Сью окунулась в эту связь с головой. Дочь адвоката из Беверли-Хиллз, она не была классической американской девушкой, как Барбара, но зато оказалась более страстной и менее покорной. Арнольд, однако, быстро привел ее в чувство. В дни их знакомства Сью работала в салоне «Уидал Сассун». Арнольд сказал ей, что ему нужна женщина, которая вся посвятит себя его карьере и не станет заниматься собственными делами. Он нашел ей место в «Палм Салон» в Венис, расположенном рядом со спортзалом Голда, в котором Арнольд

тренировался. Физически крепкая, Сью много тренировалась, занималась бегом и продолжала кататься на роликовых коньках. Она любила танцевать — тем более что во время танцев Арнольд становился мягким и добрым ребенком. Их отношения складывались спокойно, доставляя радость и счастье. Ничего не зная о семейном воспитании Арнольда и о политических взглядах его отца, Сью однажды упомянула, что она наполовину еврейка: мать приняла веру ее отца. Реакция Арнольда была мгновенной — он заявил, что сам почетный еврей. Через несколько дней после знакомства с Арнольдом Сью поселилась в его квартире на Девятнадцатой улице. Она решила, однако, не оставлять и собственной квартиры, поскольку знала, что Арнольд вскоре уедет в рекламное турне. Перед отъездом он изложил Сью характер их будущих отношений. Как вспоминает Мори, договоренность состояла в следующем: «Когда он живет в городе, то будет верен мне, и я стану жить у него дома. Мы будем верны друг другу и тогда, когда переберемся в Лос-Анджелес. Ни я, ни он не должны искать приключений на стороне. Но когда Арнольд в отъезде, оба мы вправе делать все, что угодно, и встречаться с кем захочется». На первый взгляд Сью казалась собранной и уверенной в себе. Но, оглядываясь в прошлое, она считает, что Арнольд с его способностью улавливать внутреннее состояние своих близких, а особенно их слабости и уязвимые места, разглядел под внешним непреклонным фасадом ее подлинный характер. Он понял, что на деле она чувствовала себя беззащитной, подавленной его мощью. Арнольд тут же воспользовался этим, правильно рассудив, что Сью согласится на предложение о свободном характере их отношений. В конечном счете, Арнольду даже удалось убедить Сью, что и договоренность-то с ним произошла по ее инициативе. Прежде чем уехать в турне, Арнольд попросил Сью выполнить еще одно условие. Пока он в отъезде, сказал Арнольд, она может встречаться с кем угодно, но только не с культуристами. Сью, которой не хотелось вообще ни с кем встречаться, кроме Арнольда, согласилась. Однако, как она это говорила, «в порядке самоутверждения» встречалась с другими мужчинами. Для Арнольда это было пыткой. «Его глубоко уязвляло, — рассказывала Сью, — что стоит ему уехать, как кто-то занимает его место. Он сказал мне: „Все женщины, с которыми я встречаюсь, напоминают мне о тебе, они даже похоже выглядят, у них такой же тип фигуры. Но мужчины, с которыми встречаешься ты, не могут походить на меня“. Я подтвердила, что такое действительно невозможно». Самым трудным для Сью был первый шаг. Однако вскоре они с Арнольдом брали читать друг у друга дневники, обсуждали

детали прошлых встреч и увлечений, партнеров по сексу, вспоминали даже свои ощущения при посторонних связях. Сью призналась как-то: «Это было частью наших отношений, это нас возбуждало. Он что-то рассказывает мне, потом я что-то рассказываю ему. Но когда открывала себя я, он становился просто бешеным». Они не скрывали ничего, общаясь друг с другом. Поэтому Арнольд не чувствовал за собой вины, когда вернулся с теннисного турнира имени Роберта Кеннеди, который проходил в Форест-Хилле 28 августа. Он привез с собой плакат и повесил его на стену в их спальне, а заодно рассказал Сью, что на турнире встретил племянницу Джона Кеннеди — Марию Шрайвер.

Глава 11: Мария

Арнольд в эти дни оказался в центре внимания, которого всегда добивался. Никто не испытывал и тени сомнения в том, что он был личностью — звездой кино. Одно упоминание его имени открывало двери на любые светские мероприятия, куда никогда не пускали обычных культуристов. Естественно, что он в полной мере использовал эту ситуацию, и когда руководитель рекламной кампании «Качая железо» Бобби Зарем организовал для него приглашение на теннисный турнир имени Роберта Кеннеди в Форрест Хилле, Арнольд с удовольствием согласился. За этим приглашением последовало еще одно — провести выходные дни с семейством Кеннеди в Хайяннис-Порт. Арнольд целые годы старательно обучался вести себя так, как подобает джентльмену. Он стал в 70-х годах XX века повторением диккенсовского персонажа Пина Пиррина, который занимался самообразованием в ожидании больших перемен. Теперь Арнольд одевался как выпускник одного из самых престижных университетов Северо-Востока США, с помощью Джо Уэйдера собирал и покупал произведения искусства. Он был уже не деревенским мальчишкой, а устоявшимся, комфортабельно устроившимся в жизни представителем Америки среднего класса, благодаря урокам Барбары Аутленд говорил со своей новой родиной на одном языке и, постоянно стремясь к овладению знаниями, неплохо разбирался в политике. Арнольд не ограничивался культуризмом, он вообще был хорошим спортсменом — занимался плаванием, парусным спортом, водными лыжами и мог соревноваться с лучшими представителями этих видов спорта. И хотя, оказавшись в Хайяннис-Порт, Арнольд утверждал, что испытывает такое чувство, словно вступает в новый, незнакомый мир, на самом деле он за свою жизнь уже подготовился к этим дням. Приглашение пришло сразу от обоих — Марии и ее брата Бобби. Сначала сложилось такое впечатление, что Арнольда просто хотели разыграть. Мария заверила его, что никаких специальных нарядов не потребуется: все будут одеты просто. Он прибыл в усадьбу без галстука и пиджака, тогда как все члены семейств Кеннеди и Шрайверов, одевшись в праздничные наряды, собирались в церковь. Бобби выручил его, одолжив свой костюм. Хотя одежда была с чужого плеча, Арнольд, как он вспоминал позднее, чувствовал себя совершенно свободно и естественно в течение всех трех дней, которые гостил в Хайяннис-Порт. Тедди Кеннеди и Сарджент Шрайвер знали по-немецки, а мать Тедди —

Роуз владела им в совершенстве: «Роуз Кеннеди была просто великолепна. Она говорила на прекрасном немецком, поэтому все эти дни разговор шел на моем родном языке. Мы уходили надолго гулять вдвоем, вспоминали Австрию, ее музыку, искусство, оперу, книги, даже историю. Мне все время приходилось лезть из шкуры вон, чтобы не ударить лицом в грязь». Образ хрупкой старой женщины, главы клана Кеннеди, гуляющей с Арнольдом по Хайяннис-Порт, на первый взгляд немного неправдоподобен. Но, если призадуматься, то можно сделать вывод, что Арнольду действительно было легко с Роуз Кеннеди, которая всегда была восприимчива к сильным и амбициозным мужчинам. Муж Роуз, Джо, умер за восемь лет до того, как Арнольд впервые появился в Хайяннис-Порт. Он был американской легендой — мультимиллионер с характером флибустьера и моральными убеждениями разбойника с большой дороги. Джо оставил на семье такой же неизгладимый отпечаток своего характера, как и Густав Шварценеггер в своем доме. И действительно, часто цитируемый принцип Джо — «Нам нужны победители. Проигравшие здесь не требуются.» — очень похож на те идеи, которые Густав вбивал в голову Арнольда. Сам Арнольд однажды признался Деннис Уоррел из журнала «Тайм», что образ Джо Кеннеди произвел на него неизгладимое впечатление. С этим именем было связано много легенд. Однажды, когда в семье активно обсуждался вопрос о том, стоит ли Джону Кеннеди баллотироваться в конгресс, его сестра Юнис спросила Джо, что он об этом думает, на что старик ответил: «Запомни, не имеет значения, что ты представляешь из себя на самом деле, важно, что о тебе думают». Арнольд, который всю жизнь неустанно пропагандировал свой образ, не очень-то напоминавший оригинал, возможно, аплодировал бы такому высказыванию. Казалось невероятным, иронией судьбы, что Шварценеггер — искатель приключений, победитель, авантюрист, Джо Кеннеди сегодняшнего дня, — вошел в жизнь Марии Шрайвер, внучки самого Джо.

Будь она родом с Юга, Мария Шрайвер вполне могла бы послужить прообразом для героини Маргарет Митчелл — Скарлет О'Хара (Главная героиня романа американской писательницы Маргарет Митчелл «Унесенные ветром» — Прим. ред.). Как у настоящей ирландки, у нее упрямые очертания нижней челюсти, зеленые кошачьи глаза, водопад темно-каштановых волос. Несмотря на свое аристократическое происхождение, она обладала борцовским характером и вообще была волевой женщиной, которой суждено самой пробивать дорогу в жизнь. Хотя Марии, которая впитала в себя кровь двух семей — Кеннеди

и Шрайверов — не пришлось преодолевать особенно много препятствий, ее брат Бобби не раз говорил: «Если Мария решит чего-нибудь добиться, она этого непременно достигнет. Она страшно упорная». Часто говорят, что большинство женщин выходят замуж за мужчин, которые напоминают им отцов. Мария же поступила вопреки этой расхожей мудрости, выйдя замуж за человека, который помимо деда, напоминал ей мать, Юнис Кеннеди-Шрайвер. Юнис родилась в 1921 году. Она очень любила всякие розыгрыши и однажды пришла на бал, который давал ее брат Джон, в костюме беременной монахини. Юнис всегда была полна оптимизма и пользовалась в своей семье репутацией заводилы. Когда она училась в английской школе, то шокировала «добропорядочных» школьниц тем, что играла в хоккей на траве с такой агрессивностью и напором, словно это был американский футбол. Более того, Юнис была настолько упорной, что ее отец, Джо, однажды сказал: «Если бы эта девчонка была парнем, из нее получился бы чертовски хороший политик». Юнис обладает и огромной способностью к сопереживанию, близка со своей сестрой-инвалидом Розмари и каждое лето приглашает 50-60 детей-инвалидов в Тимберлаун — свою летнюю резиденцию, где окружает их любовью и вниманием. Забавно, но, подобно своему будущему зятю, она откладывала выход замуж до последней возможности. Одно время ее имя связывали с сенатором Джо Маккарти, а потом ее друг Питер Хотчет за обедом в Сент-Регис-отель познакомил ее с Сарджентом Шрайвером. Шрайвер происходил из влиятельной балтиморской семьи, которая разорилась во время «великой депрессии». Он был хорошо образован, учился на стипендию в Йельском университете и работал помощником редактора журнала «Ньюсуик». Он ухаживал за Юнис семь лет, проявив недюжинную настойчивость, но, в конце концов, сдался и начал встречаться с другими женщинами. Как только Юнис услышала, что Шрайвер собирается жениться, она немедленно рванула из Европы обратно в США, объявив одной из своих подруг, что Шрайвер женится только на ней. Они обвенчались в 1953 году, а их единственная дочь Мария родилась 6 ноября 1955 года.

Мария часто рассказывала о своем детстве, подчеркивая влияние, которое оказала на нее мать. И все-таки она не стала типичной Кеннеди. Ее отец постарался самым активным образом повлиять на ее воспитание. Питер Кольер и Дэвид Горовиц приводят в своей книге «Семья Кеннеди» такой эпизод: когда один из детей Шрайвера упал и сразу же получил замечание — «Кеннеди не плачут», Сарджент обнял мальчика и сказал: «Ничего, можешь немного поплакать. Ты Шрайвер». Однако чаще

всего этические правила Юнис никем не оспаривались. Духовное влияние Роуз Кеннеди на ее дочерей было особенно сильно во всем, что касалось Юнис. Ее одноклассницы по школе «Общества Святого Сердца» часто удивлялись религиозному смирению Юнис. Как и мать Арнольда Аурелия, Кеннеди была исключительно религиозной женщиной, и Мария, в отличие от Арнольда, никогда не протестовала против истового католицизма матери. Она молится ежедневно, известна тем, что держит на своем рабочем столе четки из розового дерева и твердо привержена этическим принципам христианства. Свадьба родителей дала здоровый и счастливый пример детям. «Их брак был религиозным союзом, — говорила Мария. — Они ежедневно вступают в общение с Богом. Отец и мать поглощены своей работой, но интересы у них разные. Они постоянно заняты либо делами, либо с детьми, либо с друзьями. Я это наблюдала всю жизнь, и знаю, что тот, кто чего-нибудь добивается, уже не занят ничем другим. Для меня очень важно — все посвятить своей цели». Мария почти так же, как Арнольд, с детства привыкла к духу соревнования и соперничества со сверстниками. Она выросла с четырьмя братьями, и ей приходилось все время доказывать твердость характера и хотя бы минимум своего превосходства. Она вспоминает: «Когда ты единственная девочка в семье, приходится разбиваться в лепешку, чтобы тебя приняли в игру. Обмануть этих ребят невозможно. Если я не могла быть с ними на равных, то меня выгоняли с бейсбольной или футбольной площадки. Плакала ли я? Никогда. Они бы меня прогнали навсегда. Так я воспитала в себе твердость характера». Наследница части состояния, которое оценивается от 35 до 50 миллионов долларов, оставленного Джо Кеннеди своей дочери Юнис, Мария вроде бы выросла в замкнутом, безопасном мире. Но несмотря на попытки родителей оградить ее от окружающих, несчастья, преследующие клан Кеннеди на протяжении всей его истории, омрачили и ее юность. Ей было всего восемь лет и она училась только в третьем классе школы «Общества Святого Сердца» в Вашингтоне, когда убили Джона Кеннеди. Девочке исполнилось двенадцать — и был убит Роберт. Марию часто спрашивали, как она пережила гибель близких родственников и несчастья, которые преследовали ее семью. Она неизменно отмалчивалась. Когда Линдон Джонсон назначил Сарджента Шрайвера послом во Франции, семья переехала в Париж. Комната Марии выходила на Эйфелеву башню. Шрайверы всегда старались, чтобы Мария не оставалась запертой в позолоченной клетке, поэтому сначала ее послали в парижскую школу, а потом на короткое время в киббуц в Израиле. Однако, в конце концов,

она оттуда сбежала. Решив расширить жизненные горизонты Марии, Юнис убедила ее заняться карьерой. Мария вспоминает: «Когда кто-нибудь хвастался матери своей красивой дочерью, она сразу же спрашивала: а как у нее с мозгами? Мать всегда говорила мне: не думай, что внешность поможет тебе. Потому что ты красива сегодня, а завтра кто-то будет красивее тебя. Обязательно развивай свой ум, ведь, в конечном счете, именно это сделает тебя интересной». В 1972 году, когда Марии исполнилось 16 лет, она вместе с отцом много ездила по стране во время его предвыборной кампании (Сарджент Шрайвер был кандидатом на пост вице-президента у Джорджа Макговерна, кандидата в президенты от демократической партии). Во время этой поездки Мария в основном общалась с журналистами. Хотя обычно она была застенчива, с прессой чувствовала себя вполне свободно, отметив, что самыми влиятельными в этом мире являются представители телевидения. Ее отец начал карьеру в журнале «Ньюс уик», ее бабка, Роуз, некоторое время вела телепередачи, а дядя, как известно, стал мастером интервью. Поэтому Мария после окончания колледжа отнюдь не случайно выбрала тележурналистику профессией своей жизни. Однако все это время Шрайверы охраняли свою принцессу, неотлучно следили за ней и, когда она отправлялась на свидания, требовали возвращения домой до полуночи. Тем не менее она имела двух любовников — одного в школе, другого в колледже. В Джорджтаунском университете Мария специализировалась по американской истории и написала дипломную работу о первичных выборах Джона Кеннеди в Западной Вирджинии.

Она закончила университет 22 мая 1977 года, всего лишь за три месяца до того, как в ее жизнь вошел Арнольд Шварценеггер. Выходные дни в Хайяннис-Порт прошли удачно. Арнольд, ставший настоящим американским джентльменом, прошел все испытания с поднятым флагом. Он всегда умел налаживать хорошие отношения со старшим поколением, и поэтому, играя в теннис с Сарджентом Шрайвером, в конце концов, с изяществом проиграл ему. Юнис взяла его с собой кататься на ее двадцатипятифунтовой лодке. Брат Марии Бобби сказал: «Я думаю, ей хотелось проверить твердость характера Арнольда, когда она заставила его проглотить не менее галлона воды». Арнольд смог быстро произвести впечатление на Бобби, тем более что тот видел фильм «Качая железо» и ко времени знакомства уже восхищался его главным героем. Но самое главное, Арнольд покорил Марию. Позже она рассказывала, что, встретив его на семейном теннисном турнире, сразу поняла: это живой человек, а не просто культурист. Тот факт, что Арнольд добился всего

самостоятельно, был, по словам Марии, «результатом религиозного и семейного воспитания», которое очень ей импонировало. «Я просто в восторге от людей, — продолжала она, — которые могут преодолеть все препятствия, возникающие на пути к их мечте». Можно только догадываться, какое впечатление на Арнольда произвела Мария. По словам Джорджа Батлера, он понимал огромную разницу между собой, вышедшим из простой семьи, и той семьей, куда входил. Это всегда оказывало на него влияние. И хотя Арнольд, настоящий дипломат, никогда этой темы не касался, но даже святой, родившийся в Тале и вышедший из нищеты, был бы подавлен чистопородным «кеннедиизмом» Марии. То, что он понравился Марии, символизировало для него факт признания американским миром. Но думал он одно, а на публике говорил другое: «Она была полна самых различных амбициозных планов. Я был покорен ее чувством юмора и жизнерадостностью. В одном мгновение я понял, что именно Мария — женщина всей моей жизни, она была так жизнелюбива, так красива. Среди прочих достоинств меня покорило ее стремление к успеху». Вернувшись в Калифорнию, Арнольд рассказал друзьям о своей новой победе. Рик Уэйн вспоминает: «Мы все думали, что он заливает насчет Марии». Впоследствии Арнольда даже обвиняли в том, что он ухаживал за Марией только потому, что она — Кеннеди, с целью улучшить свой имидж, привлечь к себе внимание и удовлетворить собственное честолюбие. Напротив, защитники Арнольда доказывают, что его привлекли к ней собственные качества Марии — красота, жизнерадостность, ум. Помимо всего прочего, с момента их первой встречи она была ему безраздельно верна. Талантливая английская писательница Мюриэл Спарк создала образ эдинбургской учительницы мисс Джин Броуди, девизом которой было: «Дайте мне девушку в самом впечатлительном возрасте, и она моя на всю жизнь». Как и мисс Броуди, Арнольд умел найти девушек в таком возрасте и привлекать их на свою сторону. И Барбара Аутленд, и Сью Мори, симпатичные, образованные и происходившие из довольно состоятельных семей, были наивными и легко поддавались его влиянию. Мария, хотя с рождения уже обладала огромным состоянием и в двадцать один год с блеском несла на себе отпечаток этого богатства, в глубине души ничем не отличалась от Барбары и Сью. Она была красива, безупречно образована, но, независимо от внешнего бунтарства, столь же впечатлительна. Мария однажды сказала, что Арнольд поразил ее своей индивидуальностью. Для нее он был единственным и неповторимым, и сразу это понял. Девочка, не желающая отставать от своих братьев, нашла в Арнольде

мужчину, который мог победить и Кеннеди, и Шрайверов, причем в выигрыше оставалась она. Он был обаятелен, умен, способен бороться за свои цели и знал, как обращаться с женщиной. Было только одно препятствие — Сью Мори, остававшаяся за три тысячи миль в Калифорнии. Хотя в самом начале их отношений Мария не знала о ней, ей пришлось делить Арнольда с другой женщиной. В этом отношении она была, впрочем, не единственной из клана Кеннеди. И делить Арнольда ей пришлось не раз.

Глава 12: Мария и Сью

Итак, в августе 1977 года Мария Шрайвер не знала, по всей вероятности, об отношениях Арнольда с Сью Мори. Сью, напротив, с самого начала была осведомлена о Марии. Арнольд рассказал Сью об их встрече, поведав ей, что его отношения с Марией были платоническими, она молода и «не больше, чем друг» для него. Сью, хорошо знавшая Арнольда, не поверила ему.

Между тем их взаимоотношения не прекратились: Сью проводила время у Арнольда и влияла практически на все стороны его жизни. Временами, однако, она поднимала бунт. Арнольда было трудно удержать при себе — к нему часто обращались антрепренеры, желавшие заработать на его теле и его имени. Однажды некий бизнесмен предложил присвоить его гамбургеру имя Арнольда. Хотя Шварценеггер не проявил ни малейшего интереса к этой идее, он, тем не менее, согласился отобедать с этим человеком, взяв Сью с собой. Она вспоминает: «Арнольд все время поворачивался ко мне и спрашивал: „А ты как думаешь?“ Причем звучало это, как если бы он хотел сказать: „Вот здорово!“ Я понимала, что он собирается отказать этому парню, но не желала подыгрывать ему и не отвечала». Вокруг них постоянно роились собиратели автографов, бизнесмены и культуристы. Однако, когда их натиск ослабевал, Арнольд позволял себе расслабиться. Он катался со Сью на лыжах или стрелял по тарелочкам. В такие моменты, по словам Сью, Арнольд был к ней очень внимателен. Зная, тем не менее, что он поддерживает связь с несравненной Марией Шрайвер, Сью временами трезвела в оценках, делая следующий вывод: «У него доброе сердце, но он так безмерно амбициозен и безжалостен. А иногда похож на ребенка». После одного из своих воскресных похождений Арнольд заявился к Сью домой и «осчастливил» ее гонореей. «Я была вне себя от ярости, — вспоминает Сью. — Но Арнольд спокойно сказал: „Слушай, а если бы я заразил тебя насморком — ты тоже пришла бы в ярость? Тебе ведь известно, что я сплю с другими“. Они много путешествовали, но все время в пределах Западного побережья, поскольку Восточное быстро превращалось в заповедную зону Марии Шрайвер. Арнольд приобрел в Орегоне джип и поехал туда с Сью, чтобы забрать его. По дороге Сью, страстная лыжница, читала „Книгу о лыжах“, и Арнольд, всегда старающийся учиться на слух, попросил Сью почитать ему. Она не удивилась: часто, рекомендуя ему ту или иную книгу, Сью читала ее вслух. Приехала Аурелия, и Арнольд вместе с Сью повезли ее в Палм-Спрингс, а затем — кататься на

лыжах на калифорнийский лыжный курорт Мамонтову Гору. Сью и Аурелия, однако, не поладили друг с другом. Пребывание у нас Аурелии, — вспоминала Сью, — тянулась чрезвычайно долго. Она буквально не отходила от Арнольда и все время всучивала мне фотоаппарат, чтобы сфотографировать их вдвоем, а затем показывать карточки своим друзьям в Австрии».

Вскоре обнаружилось, что кроме фотографий у Аурелии есть еще кое-что, чем она могла бы поразить друзей у себя дома. После того, как Арнольд в сентябре 1977 года приступил в Филадельфии к исполнению обязанностей стажера на телестанции «Кей-Уай-Дабл-ю», его взаимоотношения с Марией начали приобретать все более серьезный характер. И Аурелия, к своему вящему удовольствию, вдруг оказалась в одной компании с Марией при посещении церкви. Рождественские праздники 1977 года Арнольд провел с Сью Мори, неожиданно пригласив ее проведать родителей Барбары Аутлеид. Барбара также была там одна. Со времени ее разрыва с Арнольдом прошло два с половиной года, а она все еще не могла окончательно забыть его. Сью Барбара нравилась, но по-человечески она не могла не испытывать радостного удовлетворения от того, что именно она, а не Барбара, была теперь царствующей королевой в жизни Арнольда. Тем не менее, радость Сью моментально испарилась, как только Арнольд сообщил ей, что Мария приедет в Калифорнию, чтобы встретить с ним Новый год. По сути дела, это означало: «Она приезжает, а ты убирайся прочь». Вместе с тем Арнольд заверил Сью, что Мария, как бы это ни выглядело со стороны, всего лишь его друг и не больше.

Арнольд и Мария встретили Новый год в ресторанчике в Санта-Монике вместе с его бывшим соперником и нынешним другом Фрэнком Зейном и его женой Кристиной. Рассказывая Сью о ресторане, в котором официанты и официантки поют и танцуют в перерывах между сменой блюд, Арнольд ухитрился изобразить всю вечеринку словно невинный выход в церковь. Сью, хотя и несколько умиротворенная, чувствовала себя, тем не менее, отнюдь не в безопасности.

Она начала подслушивать под дверью, пытаясь уловить обрывки телефонных разговоров, и старалась сохранить счастливое выражение лица, но это было отнюдь не просто. «Изначально способность воспринимать все с юмором, — вспоминала она, — привил мне Арнольд. Затем это стало непременным условием. Когда мне совсем не было смешно, он прямо-таки сходил с ума и говорил тогда: „С тобой скучно“. Он хотел, чтобы его все время развлекали. Я чувствовала себя вынужденной делать это, чтобы сохранить его любовь». На Новый

год Шварценеггер, который занимался рекламой книги «Арнольд: воспитание культуриста», вошедшей в десятку лучших бестселлеров «Нью-Йорк Тайме», взял Сью с собой в Денвер, а затем покататься на лыжах — в Эспен. Он первый раз приехал туда, и Сью, хорошо знавшая Эспен, показала ему город. Позже она слышала, как Арнольд делился с Марией по телефону впечатлениями о своей поездке в Эспен, тщательно умалчивая о том, что с ним была Сью. Вскоре Мария стала все чаще выбираться в выходные на Западное побережье. Арнольд не уставал повторять Сью: «Она молода, и я не сплю с ней, она не больше, чем друг». Сью пребывала на Западном побережье, Мария — на Восточном, а Арнольд хотел их обеих. Так что когда Мария приезжала в Лос-Анджелес, он лгал Сью, пытаясь одновременно убедить съехать с его квартиры именно на выходные. Перед друзьями Арнольд не скрывал, однако, свою двойную жизнь. Как это ни покажется странным, но Боб Шрайвер, работавший по совместительству в «Лос-Анджелес Геральд Трибюн», частенько захаживал к Арнольду домой, когда Сью была там. Уверенный в мужской солидарности, Арнольд даже не пытался скрывать от Бобби истинный характер своих взаимоотношений с Сью. Если Мария и спрашивала Бобби об интимных подробностях жизни Арнольда в Калифорнии, весьма вероятно, ее брат хранил верность кодексу чести, присущему семье Кеннеди, поступая так, как и Тедди, скрывший правду от сестры Юнис о похождениях Джека Кеннеди.

Весной 1978 года Сью и Арнольд уже отчаянно ссорились из-за Марии. Во время одной из таких ссор Сью бросила ему ключи, во время другой — выскочила из автомобиля посреди шоссе. Всегда хладнокровный и не забывавший сохранять баланс сил в свою пользу, Арнольд поехал дальше, оставив Сью на трассе.

Временами, однако, Арнольду не хватало хладнокровия. Через девять месяцев после того, как они начали появляться на людях вместе, Арнольд и Сью были уже на грани разрыва, Сью объявила, что уходит от Арнольда. Верная своему слову, она собрала вещи, забросила их в машину и уехала. Проехав несколько кварталов и подумав, что Арнольд остался один, она опомнилась и вернулась назад. И тут Сью убедилась, что Арнольд в самом деле любит ее. «Когда я вошла в дом, то увидела, что он плачет. Я никогда не видела, чтобы мужчина так горько плакал. Он заливался слезами как младенец. Мы слились в объятьях, крепко прижались друг к другу, и я сказала, что остаюсь». В этот момент она знала, что он любит ее, уязвим и его уязвимость — в боязни быть покинутым.

Двойная игра Арнольда продолжалась до августа 1978-го.

Прошел год, после того как он встретил Марию. Ультиматум, однако, был поставлен Сью. Арнольд спровоцировал его. Он объявил Сью, что собирается отдохнуть на Гавайях со своими австрийскими друзьями Берндом и Эрикой Циммерманк. Сью, однако, приглашения не получила. Она знала, что он планирует взять с собой Марию, и решила больше не мириться со сложившейся ситуацией. На этот раз Сью по-настоящему уехала от него. Мария с Эрикой и Берндом поехали на Гавайи с Арнольдом, и казалось, что теперь она наконец-то заполучила его безраздельно.

Однако все было не совсем так, как это выглядело на первый взгляд. Через два месяца после разрыва Сью и Арнольд все еще тайно встречались. Их сексуальное влечение друг к другу оставалось очень сильным, и они продолжали подчиняться ему. Но однажды Арнольд увидел Сью за обедом с чернокожим приятелем, после чего, по ее словам, он заявил: «Сью, я хочу, чтоб ты знала, я больше не буду спать с тобой. Я не могу рисковать, чтобы Мария заразилась от меня». И все же их взаимоотношения выстояли, правда, в новой, отличной от прежней форме. Сью, которая после официального разрыва стала терапевтом, часто видела Марию в Санта-Монике вместе с Арнольдом, который, по своему обычаю, упорно возил ее туда же, где бывал с Сью. Однажды Сью и Мария даже встретились в одном и том же зале, «Спорте коннекшн», где обе занимались гимнастикой. Встреча была сердечной. Сью ныне живет счастливой семейной жизнью со своим мужем неподалеку от Арнольда и за годы, прошедшие со времени их размолвки, временами встречает его в Венис или Санта-Монике. В 1985 году они обедали вместе у «Шинуа» на Мейн-стрит в Санта-Монике. Арнольд радостно поведал Сью все подробности своей последней любовной связи. Сью показалось, что его восторг по поводу этой интрижки подогревался ее тайным характером. Они ушли в воспоминания, и Сью припомнила Арнольду все свои обиды. «Да что ты, у нас были, самые великолепные отношения», — возразил Арнольд. Сью улыбнулась и ответила: «Может, у тебя и были. А я чувствовала себя незащищенной, мирящейся со множеством вещей, с которыми сейчас мириться бы уже не стала». Арнольд добавил непреклонно: «У нас все было великолепно», и сменил тему разговора.

В августе 1978 года Мария, которой Барбара Уолтере посоветовала не спешить браться за работу, перебралась все же из Филадельфии в Балтимор на телестанцию «Дабл-ю-Джей-Зет», преисполненная решимости продвинуться дальше по телевизионной стезе. Арнольд также преуспевал, организуя конкурсы культуристов и получая предложения о съемках в кино.

15 сентября Арнольд и Мария приехали в Новый Орлеан, на состязания боксеров Спринкса и Али в «Супердоуме». Арнольд никогда до этого не бывал в Новом Орлеане, так что их гидом стал великий культурист Бойер Коу, родом из Луизианы. Бойер пригласил Арнольда и Марию пообедать в карибском зале ресторана отеля «Поншартрен». Там он заказал на всех фирменное десертное блюдо «Торт высотой в милю», который действительно возвышался на фут и представлял собой заманчивую смесь итальянского мороженого типа мусса с орехами и фруктами, увенчанную взбитыми белками с сахарной пудрой и щедро политую густым шоколадным соусом. В предвкушении удовольствия Мария изготовилась было зачерпнуть полную ложку, как вдруг Арнольд схватил ее сзади за шею и ткнул лицом прямо в торт. Племянница президента, внучка мультимиллионера и одна из принцесс Америки оказалась покрытой горами взбитого белка и ручьями шоколадного соуса. Бойер рассказывал, что Мария была, мягко говоря, удивлена. Арнольд же, завладевший вниманием всего карибского зала, естественно, остался доволен. По слухам, он разыгрывал эту шутку неоднократно. В интервью «Кейбл Гайд» в июле 1988 года он хвастался, что в запасе у него был вариант: сказать официантке, что крем прокис, предложить понюхать его, а затем ткнуть туда носом. В одном из интервью Мария, отвечая на вопрос журналиста, какие качества в Арнольде ей более всего нравятся, ответила: «чувство юмора». Хорошо подготовившийся к беседе журналист ехидно спросил: «Вы имеете в виду шутку с тортом; А она не вызывает у вас чувства протеста?» Мария ответила: «Не вызывает». «Даже когда в торт окунают вас?» — продолжал настаивать интервьюер. «Нет, конечно, нет», — был ответ. Мария, видимо, пыталась спасти свое лицо.

Публично ни Кеннеди, ни Шрайверы никогда не позволяли себе критиковать отношения Марии и Арнольда. На первых порах кое-кто из их друзей и знакомых считал, что Арнольд — крупнейшая неудача семьи Кеннеди со времени инцидента в Чаппакуиддике, обвинение, не основанное на каких-либо фактах, а полностью на домыслах (В Чаппакуиддке машина, которую вел Эдвард Кеннеди, упала с моста в воду. Погибла его секретарша Мери Кокочне. Этот эпизод отрицательно повлиял на политическую карьеру Кеннеди. — Прим. ред.). Юнис Шрайвер, самая близкая из всей семьи к умственно отсталой сестре Розмари, превратила благотворительность в цель своей жизни. Она всегда приглашала Розмари провести лето с ней и ее семьей, а в конце шестидесятых годов основала «Спешиал Олимпикс», благотворительную спортивную организацию для умственно

отсталых, действующую под эгидой Фонда Джозефа П. Кеннеди. Юнис — ее председатель, а Сарджент Шрайвер — президент. Взаимоотношения Арнольда с Шрайверами побудили его участвовать в деятельности «Спешиал Олимпикс». Недаром Сью Мори, любившая и потерявшая его, всегда говорила о «добром сердце Арнольда». После своей первой встречи с Юнис, Арнольд стал в «Спешиал Олимпикс» почетным тренером по тяжелой атлетике, пост, который он до сих пор за собой сохраняет. Он сыграл существенную роль в разработке всей программы «Спешиал Олимпикс» по тяжелой атлетике, путешествуя по стране с показательными выступлениями и помогая собрать деньги на приобретение тяжелоатлетических снарядов. Арнольд объясняет это так: «Тяжелая атлетика чрезвычайно популярна среди подростков, поскольку в этом виде спорта легко совершенствоваться и они могут наглядно видеть результаты. Можно начать и с двух фунтов, но затем они смогут поднимать пять. И это сразу же приносит им удовлетворение». Позже, став звездой первой величины международного масштаба, Арнольд работал с восемнадцатилетними близнецами Марком и Майком Хембдами, страдающими синдромом Дауна. Общение с Арнольдом, как вспоминает их мать Сандра, принесло прекрасные плоды: «Они чувствовали, что Шварценеггер стал их личным другом. Он был по-настоящему искренен, и дети сразу же восприняли это. Они не знали его титулов: губернатор он там или кинозвезда, но знали, что могут обратиться к нему за помощью в любой момент». И сегодня Арнольд всегда отзывается на просьбы принять участие в проведении Специальных олимпийских международных игр для инвалидов, которые проводятся раз в четыре или пять лет. Он участвовал в рождественской Телевизионной программе Специальных олимпийских игр 1988 года, и премьера его фильма «Близнецы» проводилась в их поддержку. Он всегда искренен, когда речь заходит о благотворительности. Задолго до того, как Шрайверы и Специальные олимпийские игры вошли в его жизнь, Арнольд в середине семидесятых годов участвовал в благотворительных акциях, проводимых в тюрьмах по всей стране. Как только он получил известность как ведущий культурист Америки, в его адрес широким потоком хлынули письма от заключенных, горящих желанием получить советы по тренировкам. По словам Арнольда, он «обнаружил, что заключенные испытывают громадную нужду в том, чтобы занять себя полезным делом, так как потом, выйдя на свободу, они могли бы продолжать его. Для таких, как я, людей в некоторой степени известных и обладающих конкретными навыками, существует множество путей стать

полезными обществу. И я хотел, чтобы благотворительность занимала большее место в моей жизни». С этой целью он тратил много времени, посещая тюрьмы в качестве тренера и консультанта заключенных. По его словам, «занятия тяжелой атлетикой снижают агрессивность заключенных. Они дают выход части их разрушительной энергии и повышают уровень самооценки». Те, кому известны его садистские шуточки и зачастую жестокое психологическое воздействие на соперников, могут найти непоследовательность в рассуждениях Арнольда о благотворительности, но не следует забывать, что Шварценеггер никогда — ни в проявлениях своей личности, ни в своих действиях — не отвечал привычным ожиданиям. Будучи способным на жестокость, он в то же время был готов проявить великую доброту и преданность делу, более значимому, чем его собственная личность.

В октябре 1978 года Арнольд поехал в Таксон (штат Аризона), чтобы принять участие в съемках фильма Хэла Нидхема «Злодей». Ему должны были заплатить 275 000 долларов за роль «симпатичного незнакомца» — ковбоя, чувствующего себя неловко с женщинами. Прочитав сценарий, он понял, что, в отличие от чрезвычайно популярного фильма «Кэт Баллу», эта пародия на вестерн была неинтересной. И все же он согласился на роль, поскольку, как он вспоминал, предстояло работать с Энн-Маргрет и Керком Дугласом. Арнольд рассчитывал поучиться у них. Хэл Нидхем вспоминает: «С Арнольдом ужасно приятно работать. Он очень забавный приятный парень. Это профессионал, который жаждет учиться. Арнольд выступал в комической роли парня с татуировкой, партнера Энн-Маргрет. Я считаю, что у него получилось здорово». На Арнольда его партнеры-звезды также произвели впечатление. Он говорил, что Керк Дуглас «мускулистый, худой и находится в превосходной форме. Он не просто садился на лошадь, он вспрыгивал на нее». А об Энн-Маргрет, весившей 93 фунта по сравнению с его 215, Арнольд дипломатично заметил: «Энн может пробежать шесть миль и не запыхаться». Тем не менее, несмотря на хорошую физическую форму всех трех звезд, фильм, выпущенный на следующий год, оказался голой схемой. Как язвительно заметил один едкий критик, ни выражение лица Арнольда, ни его игра не шли ни в какое сравнение с мордой и поведением его лошади. Арнольд был задет за живое. Позже, однако, достигнув статуса суперзвезды, он забудет об этой обиде и приколет оскорбительную рецензию на видное место в своем офисе. На рождественские каникулы 1978 года Юнис Шрайвер хотела взять Марию с собой в Кению. Но Мария не решилась расстаться с

Арнольдом и отправилась с ним в Вену. Единственной дочери Шрайверов, должно быть, трудно было сделать этот выбор. Ее решение не ехать с матерью в Кению служит лишним подтверждением все большего обретения ею самостоятельности. В Вене Арнольд и его приятельница Эрика Циммерманн повели Марию в знаменитую церковь Св. Стефана. Когда Эрика упомянула, что в этой церкви играются свадьбы и она с Берндом согласны оплатить все расходы, если Арнольд и Мария станут венчаться здесь, Мария густо покраснела. Арнольд, все еще регулярно тренировавшийся, занимался в гимнастическом зале Циммерманнов, а затем шел с Марией полакомиться штруделем у Хауэрмандля и выпить в тавернах Гринцинга в пригородах Вены. Они съездили на денек в Будапешт, завершив свое пребывание в Европе катанием на лыжах в Лехам-Арльберг. Затем — назад в Америку, и в завершение каникул — на Гавайи. Соединять деловые поездки с отдыхом — это было в стиле Арнольда. В мае 1979 года он взял Марию в Канны, где предпринял попытку протолкнуть злополучного «Злодея». Следующим его пунктом была Вена, а затем — Грац, чтобы проведать мать. Было очевидно, что Арнольд распространял сферу своей деятельности все шире. 10 ноября 1979 года он закончил на отлично обучение в университете Висконсина и получил степень (придуманную специально для него) по проблемам общего бизнеса в области международного маркетинга физической культуры. На кинематографическом фронте, несмотря на успех в фильме «Качая железо», возвестившем, казалось, его звездный путь, карьера Арнольда пока что застопорилась. Он отказался от 200 000 долларов за рекламу автомобильных шин, не согласившись на предложенный ему текст: «Привет, я наращивал силу последние пятнадцать лет, но не достиг половины той прочности, которую выдерживают эти шины…» Он также мудро отклонил роль одного из силачей Мэя Уэста в фильме «Секстет». Конечно, он не собирался отказываться от очередной роли культуриста. Возможно, благодаря знакомству с Керком Дугласом, чей сын Майкл играл в фильме «На улицах Сан-Франциско» главную роль, он участвовал в эпизоде-штампе, появившись на экране в качестве европейского культуриста, приехавшего в Америку после победы на ряде важных конкурсов. По мере того, как разворачивается сюжет, выясняется, что этот персонаж, не терпящий ни от кого отказа, убивает всех женщин, которые осмеливаются отвергнуть его домогательства. Культуризм продолжал занимать значительную часть жизни Арнольда, и осенью 1979 года он выступил комментатором для «Си-Би-Эс» на конкурсе «Мистер Вселенная» в Коламбусе (штат Огайо). Там он наблюдал, как

Фрэнк Зейн завоевал титул «Мистер Олимпия» в третий раз. После презентации Арнольд задал Фрэнку сакраментальный вопрос: «Что вы ощущаете, став „Мистером Олимпия“ в третий раз?» Фрэнк, опьяненный победой, чувствовал себя королем вселенной, как ранее Арнольд, и, не моргнув глазом, ответил: «Арнольд, я горд даже больше, чем в тот раз, когда победил тебя!» Фрэнк Зейн, чувствуя себя в безопасности благодаря дружбе с Арнольдом и зная его как искусного мастера подначки, на языке у которого всегда было наготове язвительное замечание, не подумав, допустил оскорбление монарха. Ибо Арнольд в культуризме был больше, чем королем. Он был богом. Жестоким и ревнивым богом. Богом, который никогда, ни при каких обстоятельствах не потерпит нелояльности. Фрэнк Зейн выставил его на посмешище. Фрэнк Зейн напомнил общенациональной телевизионной аудитории, что Арнольд однажды потерпел от него поражение и что он смертен. И Фрэнк Зейн заплатит за это.

Глава 13: Австралия. Возвращение

В середине семидесятых годов Арнольд узнал о том, что бизнесмен по имени Эдвард Дж. Прессман купил права на экранизацию «Конана-варвара». Он был преисполнен решимости сыграть роль этого супермена из мультфильма Роберта Э. Хоуарда и знал, что Прессман собирается пригласить его в свой фильм. Ожидая вызова, Арнольд не терял времени зря, беря уроки актерского мастерства и стараясь избавиться от своего австрийского акцента. Продюсер фильма Де Лаурентис встречался с Арнольдом и раньше и наверняка не забыл этой встречи. Как-то, обсуждая с Арнольдом возможность приглашения на роль Флэша Гордона в одноименном фильме, Де Лаурентис был поражен тактикой лобовой атаки, присущей Шварценеггеру. Когда Арнольд вошел в комнату, он бросил лишь один взгляд на тщедушного Де Лаурентиса, сидевшего за своим рабочим столом, и громогласно заявил: «Господи, зачем такому маленькому человечку такой громадный стол?» Брызгая слюной, Де Лаурентис попытался объяснить, что стол ему нужен для деловых бумаг, и резко завершил разговор. Арнольду было отказано, но, тем не менее, он произвел сильное впечатление. Де Лаурентис хотел пригласить на роль Конана актера с именем, и когда ему назвали Арнольда, он обозвал его «нацистом», отказавшись даже начать разговор об этом варианте. Однако режиссер Джон Милиус разъяснил Де Лаурентису, что кроме Арнольда — самого мускулистого мужчины в мире — они вряд ли найдут подобный персонаж, а делать из кого-либо точную копию Арнольда не имеет смысла. В результате Де Лаурентис пошел на попятную и, без особого удовольствия, отдал роль Конана Арнольду. Арнольд был вне себя от радости. Он полагал, что в роли Конана затмит Рокки Бальбоа и выйдет на уровень звезды мирового масштаба. «Мой внутренний голос, — заявил Шварценеггер, — еще никогда не подводил меня. Это будет действительно значительный фильм, совершенно новое явление. Мне все равно, что для этого потребуется, меня не волнует, что мне придется потратить на это год жизни и превратиться в зверя. Я знаю, фильм станет для меня чем-то невероятным». Съемки планировалось начать в Испании в конце октября 1980 года, и Арнольд тренировался усерднее, чем когда-либо. Телевизионная карьера Марии также становилась многообещающей. Она с готовностью объясняла, что часть уверенности в себе Арнольда передалась ей, помогая достичь успеха в избранной профессии. Отмечая его способность отчетливо видеть поставленные цели и достигать их, Мария

говорила: «Он стал для меня положительным примером, когда я поставила перед собой задачу овладеть журналистикой». Сначала она хотела стать продюсером, но потом начала совершенствоваться, выступая в прямом эфире, и поставила перед собой цель к тридцати годам вести самостоятельную программу. Она часами наблюдала за женщинами-комментаторами на экране телевизора, изучая их методы, и стремилась подражать им. Мария была целеустремленным профессионалом и заслужила уважение журналистов, работавших с ней. Надо сказать, что груз фамилии Кеннеди — по крайней мере теоретически — не давил на нее. И все же она тщательно избегала интервьюировать кого-либо из членов семьи, рассматривая свою принадлежность к клану Кеннеди как некий недостаток. Мария говорила со злостью: «Все эти определения — дочь такого-то, приятельница такого-то, внучка такого-то, племянница такого-то — как я все это ненавижу!» Она все время старалась утвердиться как профессионал, как бы в противовес своей принадлежности к семье Кеннеди. Постоянно проживая в Балтиморе, Мария редко бывала с Арнольдом вместе, хотя и навещала его в Лос-Анджелесе, а Арнольд частенько заскакивал в Нью-Йорк, сопровождая ее на различные торжественные мероприятия. Арнольд почти не изменил свой образ жизни в угоду Марии. Его жизнь продолжала строиться вокруг друзей, работы и его собственных устремлений, а не вокруг женщины, которую он открыто объявил своей любимой. Позже он объяснял, что среда, в которой выросла Мария, научила ее жить на виду. «Мария, — говорил он, — происходит из семьи, в которой женщины всегда были помощницами мужчин. Мария и ее семья не ограничивают меня, а помогают. Поэтому-то я и люблю ее так сильно». Их связь, что вполне понятно, привлекала определенное внимание прессы. Появляясь с Марией в свете, Арнольд, казалось, чувствовал себя несколько неуютно в непривычной одежде и, на первый взгляд, выглядел как принц-консорт (В Великобритании — муж царствующей королевы, сам не являющийся монархом. — Прим. ред.). Все, однако, было совсем не так. Он всячески пытался показать свою независимость и выйти из тени Марии. С самого начала Арнольд испытывал нечто вроде извращенной гордости, провозглашая вслух свои политические пристрастия — явно не в струю демократической партии. Его взгляды на политику, горделиво хвастался он, не изменились с той поры, как ему исполнилось восемнадцать лет.

Он был стойким антикоммунистом, убежденным в необходимости сохранения смертной казни, консерватизма в экономике и минимума вмешательства со стороны правительства.

Короче говоря, это был несгибаемый консервативный республиканец. На протяжении многих лет он и Мария с трудом мирились с различными политическими взглядами, которых придерживался каждый из них. Однако Мария говорила, что уважает точку зрения Арнольда: «У Арнольда свое особое мнение по вопросам, которые он основательно продумал и может обосновать. Слушая его, я узнаю точку зрения своих оппонентов. До него я никогда не сталкивалась с настоящим республиканцем». Арнольд, хотя никогда и не давал демократам существенной форы, замечал: «Преимущество либералов состоит в том, что они готовы к восприятию нового. Это применимо и к семье Кеннеди. У меня к ним нет претензий. Я никогда не спорю с Марией о политике, поскольку прекрасно понимаю, что она, выросшая в соответствующем окружении, не может придерживаться республиканских взглядов». Ни Чаппакуиддик, ни рассказы о волокитстве Джека не уничтожили семью Кеннеди. Не могла к этому привести и любовная связь между закоренелым республиканцем Арнольдом и демократкой Марией Шрайвер. Связь Арнольда с Марией не могла повредить и ему. Правда политика привлекала внимание Арнольда. В 1977 году он заявил корреспонденту журнала «Штерн»: «Когда есть деньги, начинаешь со временем меньше интересоваться ими. А когда ты, кроме того, еще и лучший в кино, что еще может привлечь тебя? Возможно, власть. И ты уходишь в политику, становишься губернатором, президентом и так далее». Кеннеди, странным образом, стояли как бы вне политики. И его связь с ними могла лишь усилить его позиции, дав ему власть, вознеся его высоко над толпой и выводя за пределы культуризма, Голливуда и даже его собственного прошлого. В августе 1980 года Арнольд, известный теперь в мире культуризма главным образом как комментатор «Си-Би-Эс», вместе с Джимом Лоримером, продюсером культуристских шоу, посетил состязание на титул «Мисс Олимпия» в филадельфийском отеле «Шератон». Рик Уэйн, освещавший это событие для журнала Уэйдера, по завершении конкурса взял у Арнольда интервью. Как бы между прочим Рик задал Арнольду вопрос, не собирается ли он, уже пять лет не появляющийся на культуристском помосте, подумать о возвращении на него. «Нет, — твердо сказал Арнольд. — Никакие деньги не соблазнят меня снова выйти на сцену». Дальше он сказал Рику, что единственная причина, из-за которой он продолжает тренироваться, — это необходимость репетировать роль культуриста Микки Харджитея в предстоящем фильме «История Джейн Менсфилд». Мельком он обронил также, что планирует съездить на конкурс «Мистер Олимпия — 1980» в Австралию, так

как подписал с «Си-Би-Эс» контракт на комментирование этого события. Завершая интервью, Рик изобразил дело так, что он поверил каждому слову Арнольда. Тем временем, на Западном побережье царствующий «Мистер Олимпия» Фрэнк Зейн потерпел серьезнейшую неудачу. За восемь месяцев до предстоящего конкурса, в ходе которого он рассчитывал в четвертый раз завоевать почетный титул, Фрэнк попал в автомобильную катастрофу и едва выжил. Не зная, сумеет ли он после больницы участвовать в конкурсе, Фрэнк попросил совета у Арнольда. Катастрофа, сказал он, не прошла бесследно, ослабила его и выбила из графика тренировок. Стоит ли ему все же побороться за титул «Мистер Олимпия — 1980»? Арнольд, которого Фрэнк по привычке продолжал считать своим другом и тренером, подумал секунду, а затем сказал, что глубоко убежден в том, что Фрэнку следует отстаивать свой титул.

Поразмыслив, Фрэнк, человек, которого на мякине не проведешь, как бы вскользь спросил Арнольда, не собирается ли тот сам поучаствовать в соревновании. Он едет в Австралию только как комментатор, — ответил тот, — и ничего больше. Фрэнк Зейн был не единственным, кто настроился на победу в состязании «Мистер Олимпия — 1980». Майк Ментцер, родившийся в Филадельфии культурист итало-немецкого происхождения, на четыре года моложе Арнольда, также был убежден в том, что 1980-й — это его год. В 1976-м он победил на конкурсе ИФББ «Мистер Америка», а в 1978-м — на конкурсе «Мистер Вселенная», после чего Джо Уэйдер пригласил его в Калифорнию. Там он вскоре стал героем нескольких статей журналов Уэйдера, где его рекламировали в качестве новой великой надежды культуризма. В 1979 году Майк чуть было не нанес поражение Фрэнку Зейну на конкурсе «Мистер Олимпия». Теперь Ментцер был уверен, что уж в этом-то году титул «Мистер Олимпия» будет в его руках. Майк, изучавший до переезда в Калифорнию медицину в Вашингтоне, разработал новую систему подготовки, предусматривавшую резкое сокращение времени, отводимого для тренировок. Он считал, что короткие, но интенсивные занятия, которые дают более длительное время для отдыха, в конечном итоге сильнее укрепят мускулатуру, чем традиционные тренировки. По системе Ментцера, культурист должен интенсивно работать над развитием всех частей тела в течение девяноста минут не более, чем четыре раза в неделю. Ментцер полагал, что тело сперва восстанавливается после нагрузки, а уж затем начинается рост мышц, поэтому его «высокоинтенсивная» система тренировок эффективнее. Метод Ментцера распространился и завоевал популярность среди новой

плеяды культуристов, получивших известность после ухода Арнольда со сцены. Арнольд же, отнюдь не обрубивший все свои корни в культуризме, конечно, знал о стремительно возраставшем влиянии Ментцера. Однако Майк, как это стало ясно, допустил роковую ошибку. Он позволил себе в тесно сплоченном, словно пауки в банке, кругу культуристов-чемпионов неодобрительно отозваться о методах подготовки Арнольда, утверждая, что они безнадежно устарели. Короче говоря, Ментцер публично заявил, что он превзошел Арнольда. Шварценеггеру это не понравилось. Ему не нравилось, когда кто бы то ни было заявлял о своем превосходстве. Так было всегда, с той самой поры, когда Арнольду исполнилось десять лет. За две недели до состязаний «Мистер Олимпия — 1980» Арнольд приболел и сбросил десять фунтов. Это не помешало ему дать интервью австрийскому журналисту Роману Шлиссеру, регулярно писавшему об Арнольде в своей колонке «Адабей» венской газеты «Ди Кронен Цайтунг». И если бы Ментцер, Зейн и другие культуристы выписывали «Ди Кронен Цайтунг», да еще на свое счастье понимали по-немецки, они вовсе не удивились бы событиям, разыгравшимся через некоторое время в австралийском городе Сиднее. Ибо Арнольд прямым текстом заявил Шлиссеру: «4 октября в Сиднее будет провозглашен очередной „Мистер Олимпия“. Я лишь спортивный комментатор телекомпании „Си-Би-Эс“. Но титул этот получу я. Недаром я тренировался шесть недель… И буду бороться против Фрэнка Зейна, трижды становившегося „Мистером Олимпия“, и они все умоются слезами, когда я вновь стану победителем». Статья Шлиссера вышла в свет 28 сентября. До того, как Арнольд взорвет свою бомбу на конкурсе «Мистер Олимпия — 1980», оставалось всего шесть дней. Мария Шрайвер сопровождала Арнольда в поездке в Австралию, хотя первоначально отнеслась к идее возвращения Арнольда на сцену скептически. «Куда полезнее было бы, — заметила она своему жениху, — если бы ты выучил еще один иностранный язык. Ведь ты был „Мистером Олимпия“ шесть раз». Но он уже все решил, и, естественно, она не могла не поддержать его.

Организацией конкурса занимался один из ближайших друзей Арнольда, функционер ИФББ Пол Грэхем. Знал ли он о том, что Арнольд примет участие в состязаниях, или нет — неизвестно, но в любом случае Пол договорился о том, чтобы под рукой для съемок предстоящего события находилась соответствующая команда. Результатом стал фильм «Возвращение» — конечно, не такой, как «Качая железо», а скорее весьма тенденциозный отчет о конкурсе «Мистер Олимпия —

1980». Состязание проводилось в здании сиднейского оперного театра, и хотя Арнольд, ради камер Грэхема, изображал волнение, в оперный театр он прошествовал совершенно уверенный в себе. Когда его спросили о музыкальном сопровождении, Арнольд, небрежно вскинув голову, презрительно промолвил: «Что, музыка? Какая музыка? Я пришел сюда показать свои мышцы. Ставьте любую пленку, какая вам понравится». Позже Серж Нубре, знавший его многие годы, заметит: «Я уверен, что Арнольд, а иначе это был бы не он, заранее осмотрел зал до последнего закоулка, прослушал свое музыкальное сопровождение и обеспечил все необходимые условия своего успеха». Только вечером, накануне конкурса, Бойер Коу узнал, что Арнольд собирается вновь выйти на сцену. Понаблюдав за ним в раздевалке, Бойер отозвал Фрэнка Зейна в сторону и, с ноткой беспокойства за Арнольда, поинтересовался: «И зачем это Арнольду нужно? У него нет никаких шансов». И действительно, Шварценеггер не участвовал в соревнованиях последние пять лет, а ведь культуризм изменился за эти годы. Во времена Арнольда только три-четыре спортсмена приближались к его уровню. Теперь таких было много. Более того, уровень соревнований существенно возрос, и «школа» культуристов стала менее импровизированной. Вечером Арнольд подошел к Зейну и спросил, не хочет ли он разделить с ним раздевалку. «Арнольд, — ответил тот, — ты что, решил выбить меня из колеи?» «О, нет, — сказал Арнольд. — Я и думать об этом не думал». Истина же, однако, состояла в том, что в этот вечер он собирался предпринять самый величайший психологический прессинг на противников за всю свою карьеру. ИФББ только что произвела коренной пересмотр правил, регулирующих проведение конкурсов «Мистер Олимпия». До 1980 года соревнования за этот титул проводились раздельно по двум весовым категориям. Сперва состязались мужчины весом более двухсот фунтов, затем — менее двухсот фунтов, а потом уже победители в двух категориях соревновались между собой. Тот, кто выигрывал это состязание, и получал титул «Мистер Олимпия». Бойер Коу под различными предлогами выдвинул предложение ликвидировать категории спортсменов и проводить финал между шестью лучшими культуристами. Высший совет ИФББ утвердил предложение Бойера, и новые правила вступили в силу. Хотя апогеем конкурса «Мистер Олимпия» обычно служит шоу, результаты в основном определяются во время закрытого предварительного заседания судей. В 1980 году Арнольд, явившийся на конкурс, фигурально выражаясь, без пяти двенадцать, на этом заседании стал резко возражать против

нового правила ИФББ. Он предпочитал, чтобы соревнование проходило по старой программе — по категориям. Бойер Коу терпеливо разъяснял ему, что новое правило уже утверждено. Арнольд протестовал. Тогда Майк Ментцер велел ему заткнуться. Бойер встал на защиту Арнольда, сказав Майку, что им следует все-таки выслушать точку зрения Арнольда. Арнольд, никогда не нуждавшийся в защитниках, обернул свой гнев на Коу, закричав: «Бойер, ну, будь же мужчиной». Затем, повернувшись к Ментцеру, он нанес удар молодой восходящей звезде, осмелившейся поставить под сомнение как его превосходство, так и методы тренировки. «Майк, — заявил он, — тебе следовало бы научиться не вываливать наружу свой здоровый жирный живот. Ты проиграл конкурс в прошлом году только потому, что был слишком жирен. И выглядел, черт его знает как, да и сегодня выглядишь не лучше». Майк Ментцер кинулся на Арнольда. И если бы Билл Перл и Бен Уэйдер не встали между ними, мозги усевшегося на стул Арнольда вполне могли бы разлететься от удара Майка, нависшего над ним в слепой ярости. Арнольд не полез больше в драку, но, вложив в свои слова всю свойственную ему иронию, буквально превратил в пыль Ментцера. Ибо с этого момента Майк Ментцер полностью забыл о конкурсе. И вновь Арнольду удалось выбить противника из колеи. Отныне по отношению к Майку Ментцеру Арнольд всегда брал верх. Стоило тому пройти мимо Арнольда, как его начинало трясти. На сцене, всякий раз, когда Арнольду удавалось подмигнуть Ментцеру, тот так зверел, что забывал напрягать мышцы. Фрэнк Зейн стал следующей мишенью Арнольда. Годом позже Арнольд в интервью так описывал свою тактику: «Я знал, что Фрэнк Зейн в момент соревнования будет весь в напряжении, поскольку он ни разу не рассмеялся за прошедшие шесть недель. Так что если бы мне удалось расколоть его хорошей шуткой, весь смех, который он скопил в себе, вырвался бы наружу стремительным потоком. Поэтому я специально заготовил для него анекдот и рассказал во время предварительного судейства. Он так зашелся от смеха, что сначала откинулся назад, а затем согнулся пополам. Судьи, естественно, все заметили и все записали. Они, вероятно, подумали: „Он несерьезно относится к состязанию“. После пяти лет отсутствия на соревнованиях было так интересно вновь использовать мои методы психологической войны». В интервью для «Возвращения», которое он давал до начала и во время конкурса. Арнольд утверждал, что чувствует себя неуверенно, впервые за пять лет вступая на помост. Но когда начал позировать под напряженные звуки «Исхода», он пришел в восторг от того, что ничего не изменилось. Ожидая результатов,

он ликовал — захлестнутый энтузиазмом и уверенностью в себе, горящий желанием услышать результаты конкурса «Мистер Олимпия — 1980», убежденный в том, что победил. Как сказал один из судей на конкурсе 1980 года Дэн Хоуард: «Арнольд побеждает соперников до того, как они выйдут на сцену». И был прав. Хотя Арнольд тренировался всего восемь недель, а все остальные участники конкурса — год, тем не менее, именно его провозгласили «Мистером Олимпия — 1980». Зрители просто взбесились. Но это были совсем не те эмоции, к которым привык Арнольд. Пол Грэхем, директор фильма «Возвращение», с помощью редактора Джеффа Беннетта, не включил в звуковую дорожку фильма взрыв эмоций, последовавший за объявлением о результате конкурса «Мистер Олимпия — 1980». Как рассказывал очевидец, «зрители пришли в бешенство, швыряли разные предметы и ругались. Со всех сторон неслось: „Обман, обман, обман“. Ни на одном конкурсе культуристов ничего подобного не было. Все присутствующие в зале освистывали Арнольда и кричали „дерьмо“. Арнольд рассвирепел, лицо его налилось кровью». Вне себя от злости, Арнольд ураганом пронесся по сиднейскому оперному театру, преследуемый по пятам группой репортеров. Уже почти достигнув выхода, он обернулся и увидел, что Мария не бежит за ним, а спокойно беседует с репортерами. По словам Гельмута Чернчика, Арнольд заорал во всю глотку: «Ты, глупая сука, я тебя жду. Иди сюда». Гельмут, знавший Арнольда с той поры, когда тот десятилетним увальнем пришел в Атлетический клуб, подумал про себя: «Этот парень из Австрии, у которого никогда не было ни гроша в кармане и который не знал по-английски ни слова, теперь позволяет себе говорить в таком тоне с членом семейства Кеннеди. Это просто поразительно». К победе Арнольда на конкурсе «Олимпия» многие отнеслись по-разному. Одни заявляли, что Арнольд был не в форме и что с его ногами вряд ли удастся теперь завоевать даже титул «Мистер Австралия». Другие считали, что, в сравнении с остальными участниками конкурса, Арнольд был в форме, но далеко не в лучшей. Были и более серьезные обвинения. Ведь все судьи конкурса «Мистер Олимпия — 1980» либо были друзьями Арнольда, либо имели с ним деловые отношения. И хотя никто публично не обвинил ИФББ в том, что конкурс был подтасован, у широкой публики сложилось именно такое мнение. Один из судей тем не менее не занял сторону Арнольда. Как это ни покажется удивительным, но его старый друг Дэн Хоуард присудил ему лишь четвертое место. Не желая, чтобы Арнольд узнал об этом от кого-либо еще, он разыскал его и откровенно заявил, что не считал его лучшим. Слова Дэна глубоко обидели

Арнольда, и он не разговаривал с Дэном целый год. Когда же наконец смягчился, то сказал, словно обиженный ребенок: «Я не верю, что ты, мой друг, мог поставить меня четвертым». Осадок от «Олимпии — 1980» был чрезвычайно неблагоприятным и оказал воздействие на следующий конкурс «Мистер Вселенная среди профи», организованный Арнольдом и Джимом Лоримером через месяц в Коламбусе (штат Огайо). Арнольд еще раньше дал обещание, что тот, кто станет «Мистером Олимпия — 1980», будет приглашен на конкурс профи с показательными выступлениями. Но он не знал тогда, что сам завоюет этот титул. И когда зрители, присутствовавшие на соревновании «Мистер Вселенная среди профи», стали ждать, что Арнольд выйдет позировать, их ждало разочарование. Арнольд не вышел к ним. Тогда толпа освистала его. Могущество Арнольда начало рушиться. Только через шесть месяцев после конкурса Фрэнку Зейну удалось наконец встретиться с Арнольдом лицом к лицу. Фрэнк был убежден и продолжает быть уверенным в том, что неожиданное участие Арнольда в «Мистере Олимпия — 1980» было вызвано его критическим замечанием после прошлогоднего конкурса. «Я знал, что отчасти мотивом его была месть, — говорит Фрэнк. — Он определенно сделал так, чтобы вступить со мной в схватку. Он ничего не говорил о своих намерениях, пока не прибыл на шоу со своей спортивной сумкой». Фрэнк и Арнольд встретились, как старые друзья, и позавтракали друг с другом. Фрэнк сразу же затронул тему конкурса. Арнольд в ответ сказал: «Если бы Джимми Картер пошел к Рональду Рейгану и сказал: „Вот план, с помощью которого я рассчитываю выиграть у тебя на следующих выборах“, Рейган, естественно, воспользовался бы этим. Картер и Рейган — не друзья. Они — соперники. Так что это вопрос стратегии». Для Арнольда, когда вопрос стоял о победе в соревнованиях, дружба ничего не значила. Фрэнк и Арнольд все же остались друзьями. Но клеймо за Арнольдом осталось. Его критиковали за появление на помосте состязаний «Мистер Олимпия» в последнюю минуту и подтасовку результатов. Это омрачало победу Шварценеггера и уронило его авторитет в мире культуризма. К тому же Арнольд, с типичной для него бравадой, подлил масла в огонь, в торжествующих тонах расписав свою победу в борьбе за титул «Мистер Олимпия — 1980» в дополненном издании книги Джорджа Батлера и Чарльза Гейнса «Качая железо». Арнольд писал, что просто хотел «хорошенько повеселиться», удивить своих противников и «посмотреть, какими они будут выглядеть дебилами». Он рассчитывал, что они «сойдут с колеи» и «карьера, которую они планировали, будет в две секунды спущена в сортир». В результате конкурса «Мистер

Олимпия — 1980» Арнольд вполне мог лишиться своей короны в культуризме. Последнее слово, однако, осталось за Шварценеггером, который, навестив Рика Уэйна вскоре после конкурса, сказал: «Я знаю, что сейчас у меня настанут трудные времена, но дайте мне год — может быть, даже полгода — и все забудут об этом шуме. А я все же завоюю титул „Мистер Олимпия“ семь раз». Так оно и вышло.

Глава 14: «Джейн Менсфилд» и «Конан-Варвар»

29 октября 1980 года «История Джейн Менсфилд» — фильм, в котором Арнольд сыграл роль Микки Харджитея, был показан по телевидению. Лоуни Андерсон, игравшая Джейн, в постельных сценах создала вместе с Арнольдом, по мнению зрителей, весьма страстную атмосферу. Говорили, что Андерсон привела в изумление режиссера, преждевременно завершив съемку одного из любовных эпизодов словом «конец», в то время как Арнольд буквально пылал от страсти. Позднее Лоуни скажет Арнольду: «Благодарю. Если я когда-либо буду разводиться, я позову тебя на помощь». Но как бы то ни было, когда этот фильм компании «Си-Би-Эс» вышел в свет, по всеобщему мнению, Арнольд излучал в нем шарм и обаяние, сравнимые лишь с теми, которые проявятся в фильме «Близнецы» восемь лет спустя. До начала съемок он встретился с Микки Харджитеем. Микки, завоевавший титул «Мистер Вселенная» на конкурсе НАББА 1956 года на одиннадцать лет раньше Арнольда, воплощал традиционный тип культуриста, достигшего славы до того, как — отчасти благодаря Арнольду — культуризм приобрел респектабельность и стал спортом больших денег. История Микки Харджитея — пример того, каких огромных успехов может достичь культурист, и вместе с тем — судьбы, которая могла бы выпасть на долю Арнольда, если бы не его интеллект, проницательность в выборе стратегии и искусная самореклама. Согласно фильму, Микки встретил Джейн во время своих выступлений в латиноамериканском квартале Нью-Йорка в группе силачей Мэя Уэста, которые, подобно всем, кто тогда занимался культуризмом, не воспринимались иначе как громадные куски мяса. Это отношение подчеркивается в эпизоде, когда Джейн ведет своего нового дружка к Конвею, руководителю ее студии. При виде Микки Конвей холодно замечает: «Я полагаю, этот здоровяк и есть твой телохранитель, Джейн?» Хотя сцена относится к пятидесятым годам, предположение Конвея о том, что культуристы обречены быть не более, чем телохранителями, было хорошо знакомо Арнольду. Он и сам наталкивался на подобное пренебрежительное отношение к культуризму в начале семидесятых годов. Предположение руководителя студии о том, что Микки — культурист наверняка нанесет ущерб имиджу Джейн, также характерно для того времени. В фильме «История Джейн Менсфилд» культурист показан как персона «нон-грата». В целом, эпизоды фильма с Микки Харджитеем, в которых он

изображается как нечто среднее между мальчиком из церковного хора и здоровенным недоумком, лишь подчеркивают происшедшие перемены в общественном статусе культуристов. В наши дни их не только приглашают руководители студий, но они вхожи даже в клан Кеннеди. Арнольд глубоко проникся жизнью Джейн Менсфилд и позднее говорил, что многое о шоу-бизнесе он узнал, изучая карьеру белокурой секс-бомбы. И в самом деле, история Джейн Менсфилд — женщины, вынужденной строить свою профессиональную карьеру, демонстрируя великолепное тело, хотя она и обладала высоким интеллектом — характерна и для Арнольда. Во всяком случае, его карьера могла бы оказаться сходной. По фильму, Джейн, с ее коэффициентом интеллектуального развития 162 и неуемным честолюбием, принимает решение эксплуатировать свое тело до тех пор, пока не станет знаменитой. Джейн надеется, что, когда она станет кинозвездой, то сумеет проявить и свой интеллект. Как и Арнольд, она придает большое значение рекламе и, подобно ему, анализируя причины привлекательности голливудских звезд, приходит к выводу: «Они не столько актеры, сколько статичные типажи». Обладая самым восхитительным телом в мире, она, как и Шварценеггер, соглашается играть посредственные роли в третьеразрядных фильмах типа «Геракл отправляется в Нью-Йорк», будучи убеждена в том, что со временем она «войдет в каждый дом», и тогда уж «им не останется ничего, кроме как давать мне такие сценарии, какие я пожелаю». Позднее Арнольд скажет о Джейн Менсфилд: «Ты вынуждена была утверждать себя там, где никто о тебе и не слышал. Тебе пришлось лепить саму себя. И по мере разрастания киноимперии, медленно, чтобы продюсеры не успели осознать это, возводить собственную маленькую крепость. И вдруг они обнаружили, что уже ничего не могут сделать, и вынуждены идти к тебе, потому что у тебя есть то, что они хотят. Ибо ты прочно стоишь на ногах и твои фильмы неизменно приносят продюсеру или студии доход». К сожалению, фильмы с Джейн Менсфилд, за исключением картины «Это не ее вина», не приносили студии достаточной прибыли, и она попала в западню алкоголизма и проституции. Арнольд подобной ошибки не совершит. Вместе с тем, фильм «История Джейн Менсфилд» перекликается и с самыми мрачными сторонами жизни самого Арнольда. Так же, как и Микки Харджитей, он размышлял о судьбе Джейн: «Для нее было очень важно достичь успеха в жизни. Меня всегда интересовало, что толкало ее на постоянное стремление к славе». Вспомнив, что отец Джейн умер, когда ей было три года, Арнольд сам ответил на свой же вопрос: «Да, ей все время не хватало любви». В конце 1980 года, обедая с Риком

Уэйном, Арнольд рассказал ему о своих планах сделать миллионный фильм. Рик было предположил, что он имеет в виду тот миллион долларов, в который встанут съемки фильма, но Арнольд милостиво просветил его на этот счет: «Ну, нет, я имею в виду, что этот фильм принесет миллион долларов мне». Такой картиной стал «Конан-варвар».

Герой фильма — мускулистый сверхчеловек Конан, живший в мифическую Гиборейскую эру двенадцать тысяч лет тому назад — по словам сотворившего его в своей книге Роберта Хоуарда, «охвачен стратью убивать, всаживать нож в живую плоть поглубже, проворачивая окровавленное лезвие в кишках». Но сколько бы ни были пропитаны кровью и внутренностями рассказы Хоуарда о Конане — а, может быть, именно поэтому — но их почитатели буквально молились на своего героя. Единственный в семье и весьма болезненный ребенок, Хоуард, упражняясь, достиг веса в двести фунтов. Начиная с 1932 года, он написал двадцать один рассказ о Конане. Воплощенная в образе Конана философия Хоуарда представляет собой колоритную мешанину внутренних переживаний типичного самца, примером которых могут служить следующие слова Конана: «Не тронь меня, покуда я жив, дай мне познать вкус сочного кровавого мяса и терпкого вина, горячие объятия белоснежных рук, безумное вдохновение битвы, когда стальной отблеск клинка становится алым — вот тогда я удовлетворен. Пусть наставники, священники и философы размышляют над смыслом реальности и иллюзий. Для меня ясно одно: если жизнь — мираж, то мираж и я сам, а если это так, то иллюзия для меня — реальность. Я живу, сгораю от полноты жизни, люблю, убиваю и всем доволен». В 1936 году, в возрасте тридцати лет, узнав, что его мать при смерти, Хоуард застрелился. Его книги были изданы лишь после смерти писателя, и к 1982 году тираж первоначальных рассказов о Конане составил небывалую цифру. Теперь поклонники Конана со всех концов света с нетерпением ожидали появления своего любимца на экране. Смета расходов на производство фильма составила 19 миллионов долларов. Арнольд, на которого эта сумма не произвела ровно никакого впечатления, заметил, что Де Лаурентис вложил целых 24 миллиона в «Кинг-Конга» — подновленную версию киноклассики — фильм, который, несмотря на дебют очаровательной Джессики Ланж, с треском провалился. В течение всего периода съемок смета «Конана» была для Арнольда больным местом, поскольку Де Лаурентис не уставал проявлять обеспокоенность по поводу производственных расходов. Высокомерный Арнольд впоследствии не забудет ему этого. Режиссер фильма Джон Милиус, бунтарь по складу

характера, также конфликтовал с Де Лаурентисом. Он купил статуэтку Муссолини и брал ее с собой на встречи с Де Лаурентисом, чтобы иметь возможность сказать: «Дино, пока ты говоришь со мной, вообрази, что я Муссолини». Милиус, кредитовавший постановку «Конана» на паях с Оливером Стоуном, родился в Сент-Луисе в 1944 году. Не попав на военную службу из-за болезни легких и хронической астмы, он признавался, что долгие годы ощущал себя виноватым. Джон работал над фильмом «Грязный Гарри», писал первоначальный сценарий для «Великой силы», выступил вместе с Френсисом Фордом Копполой в качестве соавтора «Апокалипсис сегодня», был режиссером фильмов «Диллинджер» и «Ветер и лев». Милиус провозглашал: «Мои политические убеждения необычны. Вероятно, я анархист». Около него крутилась банда дружков-мотоциклистов с очень подходящим названием «Мобильная ударная команда параноиков». Появляясь на съемочной площадке, «его помощники, — как рассказывал очевидец, — прищелкивали каблуками и вскидывали руку в шутовском нацистском приветствии». Работа с Милиусом давала уникальный опыт.

Арнольд говорил: «На съемочной площадке он ведет себя так, как будто командует армией. Поэтому у всех такое чувство, будто это не кино, а настоящая битва. Я вновь ощутил себя водителем танка, как дома в Австрии…» Неординарный режиссер наиболее подходившего для Арнольда фильма Милиус вскоре становится его верным другом. К съемкам «Конана-варвара» приступили в морозную погоду в испанской провинции Сеговия. Затем съемочная группа перебралась в Альмерию, где ее изнуряли ужасающая жара и полчища москитов. Неустрашимый Милиус и его команда пробивались вперед, преисполненные решимости воссоздать Гиборейскую эру. Арнольд, бравший уроки боя на мечах, сам выполнял все трюки, поскольку философия Милиуса укладывалась в слова: «Боль — это только временно, а фильм — навсегда». Пообещав Арнольду, что во время съемок актер столкнется и с грязью, и с болью, Милиус сдержал свое слово. Почти обнаженного Арнольда затаптывали лошади, кусал верблюд, на нем места живого не было после сцены борьбы со змеей, в ходе которой он растянул связки колена. Готовый переносить любые испытания в интересах искусства, Арнольд объявил: «Джон хочет, чтобы на экране все выглядело настолько реально, насколько это возможно. Если на тебя нападает стервятник, то это должен быть настоящий стервятник. Если ты сражаешься на палашах, то это должны быть настоящие десятифунтовые палаши. Что, разумеется, опасно для актера».

Неустрашимый Арнольд впоследствии опишет свои подвиги в «Конане-варваре» словами, прямо-таки проникнутыми героизмом: «Иногда приходилось делать нечто по-настоящему жуткое… В первом эпизоде на меня должны были напасть четыре волка, причем настоящих. Волков из клеток выпустили слишком рано. Я побежал назад, сорвался со скалы и рассек себе спину. Меня быстренько оттащили в медицинский трейлер, и доктор наложил на раны швы. На другой день мне предстояло сражаться с двадцатью лошадьми. Третья лошадь всем крупом навалилась на меня, и я упал! Мне удалось встать, но меч пришлось бросить. Вы не можете представить себе радость сознания, что ты преодолел страх. Мне уже безразлично ранят меня или нет. Я вдохновлен тем, что никакие испытания меня не страшат». В том же духе он позднее восторженно говорил: «Джон — это настоящий лидер на съемочной площадке. Он настолько заряжен энергией, что вдохновляет тебя выполнять все его требования. Он уговорил меня прыгнуть с сорокафутовой высоты в заросли самшита, чего, я думаю, никто бы не сделал. И ты понимаешь, что заводить разговор о страховке, значит сдрейфить». Короче говоря, Милиус, зачастую называвший себя «Мистер Самец», нашел в Арнольде самого походящего для этой роли человека. Вместе с тем, уверовав в физическую подготовку Арнольда, Милиус не питал особых надежд по поводу его актерских способностей. «Шварценеггер неестественен, — говорил он. — Он выучит роль, он внесет в нее что-то свое, но он не актер». Милиус ревностно старался поправить положение и, когда ходил с Арнольдом стрелять по тарелочкам или на стенд, все время рассуждал с ним о характере Конана. При этом он запоминал выражение лица Арнольда и затем добивался его точного воспроизведения перед камерой. Однако, как бы Милиус ни стремился помочь ему, Арнольд был скован в постельных сценах с исполнительницей главной женской роли Сэндел Бергман. Принимая во внимание ставшую легендарной смелость Арнольда в отношениях с женщинами и его способность затаскивать их в койку, его неожиданной сдержанности трудно найти объяснение. Но он всегда говорил: «Постельные сцены — это очень-очень трудно. Одно дело, когда ты привык заниматься этим наедине в четырех стенах, и совсем другое, когда мы — обнажены, а вокруг — 120 грубых испанских парней, дышащих тебе в затылок. У тебя нет даже уверенности, на кого они жаждут поглазеть — на Сэндел или на тебя. Никого обычно не интересует, хочется ли нам пить в перерывах между дублями. Когда же снимают подобный эпизод, каждую минуту один из пяти парней, крутящихся здесь, спрашивает: „Арнольд, принести апельсинового сока?“

Чувствуешь себя весьма неуютно, и спасает только чувство юмора. Сэндел восседает на мне и начинает мычать, а я гляжу на нее и спокойно говорю: „И что это ты там такое делаешь?“ К тому же, когда мы снимали эти эпизоды, все шло молча — озвучивали потом. Так что мы четко слышали слова Джона: „Арнольд, перекатывайся наверх. Поцелуй ее. Коснись ее грудей“. А Сэндел все это время строила мне рожи». Сэндел Бергман, у которой в это время развивался роман с постановщиком трюков в «Конане» Терри Леонардом, находила любовные эпизоды забавными: «Они не хотели показывать слишком много тела. Это было мило, но каждую минуту я могла услышать: „Сэндел, а ну-ка, подушку… подушку быстрей. Прикрой же Арнольду его агрегат“. Мы хохотали до истерики, до слез. Мария волновалась, что еще чуть-чуть, и мы с Арнольдом воспылаем страстью друг к другу». И хотя Сэндел и Арнольд даже дали друг другу ласковые прозвища — Ганс и Гретель — Марии не стоило тревожиться. Все внимание Арнольда было сосредоточено на том, чтобы обеспечить «Конану-варвару» колоссальный успех. И его усилия не пропали даром. Фильм «Конан-варвар» вышел на экраны в Соединенных Штатах 14 мая 1982 года. Некоторые обозреватели, как, например, критик Питер Рейнер из «Лос-Анджелес геральд икземинер», были отнюдь не в восторге от игры Арнольда. «В „Конане“ у него почти нет возможностей продемонстрировать что-либо кроме своего тела, — писал Рейнер. — Он здесь не более эмоционален, чем телеграфный столб. Когда Шварценеггер, по идее, должен проявлять свой чувства к Валерии, это похоже на то, что он видит не ее, а половую тряпку». И все же «Конан» собрал 9, 6 миллиона долларов в первые же воскресные дни и стал самым популярным фильмом лета, принеся более 100 миллионов долларов дохода.

Одной из наиболее сильных сторон Арнольда всегда была самореклама. «Я — коммивояжер, — утверждал он. — Я точно знаю, что для этого требуется…» Теперь же, имея за спиной все ресурсы отдела рекламы студии «Юниверсал», он задумал приложить свой громадный талант для популяризации «Конана». Рекламная кампания Арнольда, в ходе которой в журнале «Пипл» был опубликован престижный разворот под заголовком «Арнольд Шварценеггер побеждает, как Конан и, возможно, как родня Кеннеди», делала упор на его деловой смекалке: особо отмечалось, что в настоящее время Арнольд ведет переговоры о продаже жилого квартала в центре Денвера более чем за десять миллионов долларов. Арнольд позаботился и о том, чтобы была упомянута его научная степень, полученная в Университете штата Висконсин, и его коллекция произведений искусства. В целом, он создавал имидж разностороннего и делового человека. Бравший у

Арнольда интервью журналист подчеркнул, что Шварценеггер имеет уже все необходимые для кинозвезды высшего класса атрибуты — дом в испанском стиле стоимостью в 300 000 долларов в комплекте с джакуцци, домиком для гостей и серебристым «мерседесом» в гараже. Затем, естественно, шло упоминание о связи с семейством Кеннеди, причем Арнольд объяснял, что Кеннеди приняли его в свой клан окончательно, но что женитьба пока не входит в его планы. Тем временем, Мария тоже делала карьеру. Утвердившись в своем решение стать популярным ведущим прямого эфира, а не продюсером, она связалась с голливудским агентом и попросила его представлять ее интересы. По словам Марии, она была ошеломлена, когда агент заявил ей, что она полновата для дикторской работы. Настолько ошеломлена, что сделала так, как он велел — сбросила вес, улучшила дикцию и научилась не помогать себе в разговоре «большими ирландскими фамильными руками». Ее усердие помогло получить место в Лос-Анджелесе в качестве ведущей «Вечернего журнала». Хотя Мария и Арнольд жили теперь на одном побережье, до свадьбы было еще далеко. В августе Арнольд отправился в Лондон, чтобы рекламировать «Конана». Он шутил: «Мария — такая пышка. Я ей говорю, что если мы поженимся и заведем детей, то с ее телом и моими мозгами им достанется в нашей семье все самое лучшее». Канул в прошлое культуризм, его место заняла жизнь кинозвезды, утонченной и уверенной в себе, сдержанно отвечающей на вопросы о романе с Марией Шрайвер. Известный отныне как звезда мирового экрана, бизнесмен, ценитель искусств и обладатель собственности, Арнольд Шварценеггер создал все своими руками в прямом смысле этого слова.

Глава 15: «Конан-Разрушитель»

1983 год начался для Арнольда не слишком удачно. Его мать, и так часто болевшая, слегла. В конце января он сел на самолет, чтобы дежурить при матери в госпитале Граца. Хотя ему и не хватало внимания в детские годы, хотя он оказывался вечно вторым после Мейнарда и не чувствовал родительской любви — все эти детские переживания не отразились на его отношении к матери. Зная, что она скучает без него, Арнольд приглашал Аурелию погостить у него в Америке по меньшей мере шесть недель в году. Выделив в своем доме комнату матери, он с удивлением наблюдал, как Аурелия, эта гордая австрийская домохозяйка, отстаивает свое право чистить его обувь и мыть посуду. С ней он обычно встречал Рождество или Новый год и доводил ее до потрясения, приглашая с собой на съемки фильмов, в которых участвовал. Хотя Арнольд прожил в Америке уже пятнадцать лет, он не отрывался от своих австрийских корней, объясняя это тем, что, сменив европейский склад характера на американский, сохранил свою «европейскость». «Мне от этого не уйти, — говорил он, — и мне это нравится». И хотя Арнольд подал заявление о предоставлении ему американского гражданства, тем не менее, он обратился к своему старому наставнику Альфреду Герстлю, ныне влиятельному политику в Граце, с просьбой посодействовать и помочь ему сохранить также и гражданство австрийское. Двойное гражданство — дело необычное, но Герстль, связавшись с губернатором Штирии Джозефом Крайнером, устроил так, что Арнольд его получил. Никто не смог бы упрекнуть Арнольда в том, что он забывает об оказанных ему услугах. Впоследствии, во время выборов в Австрии он отблагодарит Герстля, приняв участие в его предвыборной кампании, выступая на телевидении, записываясь в рекламных роликах и во всеуслышание объявив, что своей карьерой он обязан Герстлю. Арнольд косвенно отдаст долг и Крайнеру, пригласив его в следующем, 1986 году на свою свадьбу с Марией. Характер его политических амбиций определяется и тем, что в самом ближайшем будущем Арнольд установит еще более тесные связи с другим ведущим австрийским политиком. 16 сентября 1983 года в «Шрайн-аудиториум» в Лос-Анджелесе Арнольд был провозглашен американским гражданином. Его инстинкт прирожденного шоумена подскажет, каким образом использовать неординарные обстоятельства этого события. Он выжмет из представившегося случая все возможное, одев костюм в белую и голубую полоску и повязав красный галстук. Сжимая в

руке небольшой американский флаг, Арнольд исполнил национальный гимн и, приложив руку к сердцу, вместе с двумя тысячами других иммигрантов, продекламировал Клятву Верности флагу и «республике, которую он символизирует». Когда торжественная церемония закончилась, он поцеловал Марию и сообщил группе журналистов, призванных засвидетельствовать историческое событие: «Я всегда стремился попасть на самый верх, а стать американцем — все равно, что стать игроком команды-победительницы». Затем Арнольд скрылся с Марией в поджидавшем их лимузине. Будучи отныне американским гражданином, Арнольд хорошо понимал, какие рекламные выгоды можно извлечь, размахивая флагом в порыве патриотизма. И он никогда не упускал случая довести до всеобщего сведения свою веру в Америку и Американскую Мечту, производным которых был. В интервью журналу «Тайм» он говорил: «В Европе люди находят тысячи причин крушения своих планов… А у американцев великолепная история, необыкновенная уверенность в своих силах. Когда я приехал сюда, в Америку, мне показалось, что я попал в рай. Это было самым чудесным впечатлением в моей жизни. Все значительное случилось со мной после того, как я приехал сюда». Снова и снова он будет делать аналогичные — поразительно эффективные заявления, ни одно из которых не нанесет ущерба его имиджу. Говоря о том, что он всегда хотел преуспеть в бизнесе, Арнольд констатировал: «Вот почему я приехал в эту страну. Америка известна как страна больших возможностей. Когда сюда приезжает иностранец, эта страна представляется ему раем небесным, поскольку здесь никто не создает препятствий, мешающих делать деньги… Я всегда мечтал обосноваться в Америке. Я чувствовал, что это место — для меня. Мне не нравилось жить в маленькой стране, такой, как Австрия. Я сделал все, чтобы оттуда выбраться». Последнее заявление Арнольда должно быть огорошило австрийцев, которым Арнольд всегда с гордостью заявлял: «В глубине души я всегда останусь штирийцем». Американскую же публику, ублаготворенную патриотическими заявлениями Арнольда, возможно, в свою очередь, удивило его нежелание отказаться от австрийского гражданства. Маловероятно, конечно, чтобы они когда-либо узнали об этом, поскольку в своих интервью прессе он редко упоминал о двойном гражданстве. Арнольд прежде всего был политиком, а уж затем культуристом и актером. Как только Арнольд получил американское гражданство, слухи о его политических взглядах сразу же породили споры. Да и его друзья подливали масла в огонь. Чарльз Гейне поведал репортеру из

«Эсквайра» Линн Дарлинг: «Размышляя о всех приоритетных ценностях, выдвинутых Рейганом, — патриотизме, бодрости духа, оптимизме, этике, упорстве в работе — я не могу представить себе человека, который заработал бы на этом больший капитал, чем Арнольд». Политические позиции Шварценеггера, несмотря на неоднократные колебания, теперь, казалось, определились.

В 1984 году он посетил съезд Республиканской партии в Далласе и выступил на завтраке с речью, заявив, что испытывает безграничную гордость в связи с тем, что на первых в своей жизни президентских выборах будет иметь возможность голосовать за такого человека, как Рональд Рейган. О съезде он позднее с восторгом скажет: «Меня переполняет восхищение Рейганом… Потому что он делает невозможное — никогда не проигрывает выборов. У него есть настоящий контакт с людьми — вот почему он побеждает… О, Боже, когда мне будет столько лет, сколько Рейгану, я хотел бы сохранить такую же активность. Он замечательный человек». Будучи человеком не слов, а дела, Арнольд, ставший благодаря съемкам в фильмах и вложениям в недвижимость миллионером, поддерживает Республиканскую партию и в финансовом плане. Линн Дарлинг писала: «По существу, он — убежденный консерватор республиканского толка, ярый антикоммунист, черпающий веру в свободном предпринимательстве и подкрепляющий свои взгляды щедрыми взносами не только в фонд президентских предвыборных кампаний Рональда Рейгана, но и чуть ли не каждого калифорнийца-республиканца, выдвинувшего свою кандидатуру на какой угодно пост, вплоть до должности городского собаколова». Казалось, рождение «сенатора Шварценеггера» — всего лишь вопрос времени. Раздалась лишь одна настораживающая нотка, причем со стороны самого Арнольда. Когда в одном из интервью его спросили, существует ли вероятность его ухода в политику, Арнольд, отбросив в сторону свой патриотизм и высокопарные заявления, рассудительно заметил: «Я боюсь, что здесь я абсолютный профан». Если же не касаться политики, то карьера Арнольда в кино шла по восходящей, как и планировалось.

Осенью 1983 года он приступил к съемкам фильма «Конан-разрушитель» — продолжения «Конана-варвара». На этот раз, однако, режиссером был не Джон Милиус, а Ричард Флейшер. Сначала Арнольд пригласил Флейшера к себе домой, чтобы тот посмотрел, как он сражается на мечах с мастером Ямасаки. По словам Арнольда, демонстрация прошла превосходно. Флейшер заметил: «Это — чистая фантастика, ничего лучшего я не видел ни у одного актера. Но, Арнольд, можно тебя на минуточку?»

Тактично отведя актера в сторонку, Флейшер осмелился высказать предположение: «Мне об этом неловко говорить, но не мог бы ты накачать побольше мускулов?» Арнольд, несколько смущенный, откликнулся на этот призыв, стал посещать гимнастический зал, тренироваться с полной нагрузкой по пять часов в день, поглощать больше белковой пищи и, в конечном счете, набрал десять фунтов. Флейшер остался доволен. Однако в ноябре, когда в мексиканском местечке Саламаюка в пятидесяти милях к югу от границы начались съемки, все пошло отнюдь не гладко. Арнольд и съемочная группа остановились в отеле «Плаза Хуарец». Вскоре после их прибытия журналистка, ведущая в «Диарио де Хуарец» страничку светской хроники, Алисиа Фигейроа подошла к Арнольду и семи другим членам труппы, расположившимся у гостиничного бассейна, и попросила сделать несколько фотографий. Арнольд не разрешил. Другие промолчали, и Алисиа начала их фотографировать, остановившись лишь тогда, когда один из актеров закрыл рукой объектив. Затем в дело вступил Арнольд, потребовав у нее «строгим», как впоследствии утверждала Алисиа, голосом пленку, и вынул ее из камеры. Хотя Арнольд и отдал ей за пленку пресловутые четыре доллара, Алисиа в своей колонке обозвала Арнольда «грубым и подлым» и сообщила об инциденте в Ассоциацию печати Хуареца, которая, в свою очередь, обратилась с жалобой к мексиканским иммиграционным властям, потребовав вышвырнуть Шварценеггера из страны. Вместо этого был выслан один из замешанных в происшествии у бассейна актеров, а Арнольду удалось остаться в стороне. Этот инцидент служит наглядной иллюстрацией неумения Арнольда справляться с непривычной ситуацией при общении с журналистами.

К примеру, в мае 1987 года на Манхеттене, когда он и Мария направлялись к отелю «Ридженси», их попытались сфотографировать. Чем это кончилось, можно узнать из отчета фотографа. «Шварценеггер подошел ко мне, — рассказал он, — заломил мне руку за спину, схватил сзади за волосы и потянул назад, скрутив меня… К моменту, когда мне удалось позвать на помощь полицию, Шварценеггеры уже скрылись за дверями „Ридженси“». В 1986 году нью-йоркский фотограф Майкл Шварц, приглашенный управляющим манхеттенского «Либерти Кафе» для съемок, также в полной мере испытал на себе гнев Арнольда. По словам Шварца, после того, как он начал снимать Арнольда за столом, тот встал, подошел к нему и сказал: «Если ты будешь еще меня фотографировать, я разобью тебе морду». В другой раз, в 1988 году, Арнольд был приглашен на ланч в честь сенатора от штата Техас Фила Грэмма в Национальную ассоциацию

стрелкового оружия. Распорядитель на ланче Чарльтон Хестон спросил его, как это он, будучи республиканцем, одновременно входит в клан Кеннеди. Ответ в хронику не попал, но когда другой журналист спросил, имеет ли он оружие, Арнольд обрезал: «Я не собираюсь говорить на эту тему. Но, если хотите знать, республиканец ли я, то запишите: я, как и Фил Грэмм, Фил Грэмм. Мы с ним братья по духу». Со времени своего первого интервью в Великобритании в 1968 году он не терялся в тех случаях, когда мог указать журналистам, что им следует писать, нежели когда вынужден был разрешать им свободно задавать вопросы и — по возможности правдиво и точно — освещать события так, как им заблагорассудится. В 1988 году на съезде Республиканской партии в Новом Орлеане эта скованность дала о себе знать при встрече с шестнадцатилетним журналистом из «Чилдренз Экспресс» Адамом Горовицем, который подошел к нему и спросил, зачем он приехал на съезд. Вместо ответа, совершенно неожиданно для себя, он услышал предостерегающее «Назад!» После чего разгневанный Арнольд отпихнул его. На протяжении всей карьеры Арнольд ошибочно полагал, что пресса принадлежит ему, как образцы товара — коммивояжеру, и что она чего-то стоит и заслуживает уважения, только если ее использовать как средство, помогающее продать последний фильм или разрекламировать его новейшую выдумку. Требуя позитивной рекламы и ничего больше, он зачастую приходил в ярость, когда в прессе появлялись отрицательные отзывы о нем. К примеру, если какое-либо издание публикует фотографию или статью, которые кажутся ему нелестными, Арнольд или его помощник по рекламе иногда обращаются к издателю с жалобой. В 1988 году Питер МакГау, редактор британской версии «МусклМэг Интернэшнл», издающейся в Ноттингеме и имеющей тираж на Британских островах в 35 000 экземпляров и в США — 150 000, устав от чрезмерного обожания Арнольда, продолжавшего преобладать в британской культуристской прессе, сыграл с искусным мастерством подначки шутку. В осеннем номере журнала он дал рекламу будущей статьи: «НЕОБЫКНОВЕННО. Арнольд разоблачен. Арнольд: дикие оргии у Сталлоне! Арнольд: величайший пьяница! Арнольд: признаки помешательства налицо! Арнольд: запрещенная книга! Арнольд: шокирующие факты! Скверная шутка с Арнольдом Питера МакГау из „МусклМэг“, который знает о нем больше, чем кто-либо другой из журналистов». На самом деле «Арнольд» — это местечко близ Ноттингема, в котором есть дискотека под названием «У Сталлоне». Однако, каким бы незначительным ни был журнальчик, какое бы несущественное место он ни занимал в

разработанной Арнольдом схеме средств массовой информации мира — такое рекламное объявление могло повредить его репутации. Редактору Питеру МакГау позвонила из Лос-Анджелеса секретарь Арнольда по связям с прессой Шарлотта Паркер, которая заявила: «Предполагаемая статья нанесет ущерб частной жизни Арнольда и его профессиональной карьере». Далее она стала угрожать серьезными последствиями, не имея при этом ни малейшей информации о содержании статьи. Пытаясь убедить МакГау, что его источники, какими бы они ни были, лживы, она намекнула, что в обмен на отказ от публикации оскорбительной статьи «можно было бы кое-что предпринять». Осенью 1989 года Арнольд сказал: «С течением времени я осознал — в Америке прекрасно то, что люди имеют свободу самовыражения». Это утверждение прозвучало несколько неубедительно для тех журналистов и авторов, кто сталкивался с цепкой хваткой Арнольда, пытавшегося подчинить их своей цензуре. И хотя случаи вмешательства Арнольда в дела прессы обычно имели место не до, а после той или иной публикации, они тем не менее усиливали впечатление, что «Большой брат» Арнольд всегда начеку. То самое впечатление, которое он всегда старательно лелеял, не предпринимая никаких попыток развеять его. К августу 1983 года Мария привлекла к себе внимание всесильного Эда Джойса из «Си-Би-Эс». Посмотрев пленку с ее репортажем, предоставленную ее агентом Артем Каминским, он принял ее на работу в качестве корреспондента «Си-Би-Эс» по Западному побережью, чтобы поставлять «второстепенный материал» для «Утренних новостей». Она добывала новости вместе с обозревателем Пэт Коллинз и — в Нью-Йорке — с бывшей «Мисс Америка» Филис Джордж, выступавшей в роли главной ведущей. Мария, с ее высоким профессионализмом, вскоре затмила своих конкуренток. Ее сюжеты были весьма разнообразными — от откровенного разговора с автором бестселлеров Дэниэл Стил до забавного репортажа со свадьбы Мадонны и Шина Пенна, или интимной беседы со звездой сериала «Династия» Линдой Эванс. В свои двадцать семь лет, она яростно отстаивала ценности, взращенные в ней католическим воспитанием, отказываясь, например, задавать Линде Эванс вопросы о ее личной жизни. «Я никогда и никому не задавала постельных вопросов», — говорила она. Воспитание Марии продолжало оставаться поводом для пересудов в прессе. Мария как-то сказала: «Вы все видите меня в прямом эфире. Считайте, что мое отношение к семейству Кеннеди — мираж. Мои родители воспитали меня так, как могла бы быть воспитана любая другая двадцатисемилетняя девушка, пытающаяся сделать имя и добиться успеха в своей профессии».

Мария и Арнольд быстро завоевывали репутацию классической пары восьмидесятых годов, живущей исключительно интересами работы. В Хуареце, во время съемок «Конана-разрушителя», Арнольд спал не более пяти часов в сутки. Его единственная «измена» в Хуареце — жесткая постельная сцена с английской актрисой Сарой Дуглас, исполнявшей роль главной злодейки в фильме. Сара говорила печально: «Было полно пота и грязи, мелькающих ног. В общем, обычная похабная сцена». Фильм получил классификацию «PO» («только в сопровождении родителей») и вышел на экраны Америки на следующий год в июле, получив весьма посредственные отзывы критики, но собрав изрядные кассовые поступления. 1983-й, однако, завершился так же неудачно, как и начался. 29 декабря информационное агентство ЮПИ сообщило, что Арнольд и Мария попали в автомобильную катастрофу. Около полуночи на междуштатном шоссе номер 10, в девяноста милях к востоку от Лос-Анджелеса, Арнольд не справился с управлением, и джип, в котором они ехали, свалился под откос с высоты сорок футов. Мария получила легкие ранения. Пресс-атташе Управления дорожной полиции Калифорнии Грег Трэнсу позже сообщил подробности этого происшествия: «Шварценеггер собирался остановиться, чтобы передать руль мисс Шрайвер. По всей вероятности, он полагал, что к югу от предполагаемой стоянки, была еще одна полоса. В результате он пересек асфальтовый предупредительный выступ, выскочил на обочину и врезался в ограждение дороги». Трэнсу добавил, что Арнольд будет привлечен к судебной ответственности, поскольку управлял автомобилем без прав. Говорят, что люди водят автомобиль также, как живут, и что манера вождения отражает стиль жизни. Арнольд, как бы он ни был уверен, что каждый шаг не его жизненном пути предопределен заранее, в глубине души давал судьбе благодатную почву для неоправданной спешки. И хотя 1984 год начнется приятным в новогоднюю ночь благородным решением вставать каждый день в пять утра и читать в течение часа журнал или книгу — он, в конечном итоге, завершится похотью, сексом и безрассудством.

Глава 16: Джит

9 марта 1984 года в Лос-Анджелесе начались основные съемки «Терминатора» — фильма, завоевавшего Арнольду колоссальную известность. Первоначально Арнольд лишь пробовался на роль главного героя — Риза, но затем буквально влюбился в роль «терминатора» — киборга-убийцы из будущего, которому суждено было изменить ход истории. Он стал входить в эту роль и смело облазил все злачные места в центре Лос-Анджелеса, совершенствуя подобающее роботу выражение лица убийцы. Он был без ума от машин будущего и лазерных пистолетов, использовавшихся в фильме, равно как от автомата «Узи», который на съемочной площадке оберегали два агента ФБР. На протяжении всего фильма ему предстояло произнести всего пять-шесть фраз, и он набирал очки за счет того, что во время съемки не переодевался. Его кожаная куртка и темные очки «терминатора», равно как постоянно повторяемое выражение «я еще вернусь» породили что-то близкое к помешательству публики в течение всей осени 1984 года, когда «Терминатор» вышел на экраны. Зрители обожали его в роли злодея, сходя с ума от восторга, когда он крушил полицейский участок. Один из самых кассовых фильмов 1984 года, «Терминатор» вошел также в десятку лучших фильмов года согласно публикации журнала «Тайм». Всю весну и лето 1984-го звезда Арнольда, казалось, восходила все выше. Выход на экраны в июле «Конана-разрушителя» еще более увеличил кассовые поступления, и все же успех «Терминатора» затмил даже этот фильм. Летом он выпустил пластинку с курсом физических упражнений, которая, наряду с книгами-бестселлерами по культуризму, еще более укрепила его позиции в области физической культуры и атлетизма. Популярность Арнольда в прессе получила новый импульс после того, как он посетил съезд Республиканской партии в Далласе. Мария продолжала добиваться успехов в избранной ею области, прилежно работая на «Си-Би-Эс» тележурналистом в Лос-Анджелесе. И их роман продолжал волновать воображение американской публики. Судьба, как обычно, была благосклонна к Арнольду. По крайней мере казалось, что это именно так. Все началось с того, что Дино Де Лаурентис, пролистывая груду журналов мод, впервые увидел лицо этой женщины. Ей шел двадцать первый год, и отмечена она была тем, что французы называют «la beaute du diable» — красотой дьявола. Ее звали Бриджит Нильсен. Ей было суждено вскружить голову, околдовать и чуть не уничтожить двух

наиболее ярких представителей мужского пола, которых когда-либо знавал Голливуд. Если бы вам удалось вызвать ее на откровенность, Бриджит на ломаном английском с налетом ее родного датского языка, на который по необъяснимой причине наложился южный говор обитателей луизианских болот, объяснила бы, что она — человек настроения, эмоциональный и страстный. Затем, изменив голос, как если бы она попыталась продемонстрировать чары, сравнимые по силе лишь с притягательностью ее удивительного тела, могла бы добавить: «Но это не мешает мне жить». Она всегда была словно ураган, не находящий покоя и безрассудный, снедаемая желанием вырваться из опостылевшей среды.

Родилась Бриджит в семье среднего достатка: отец — инженер, мать — библиотекарь. Семья включала также брата Дженна, на три года моложе ее. Проживали они в загородном домике с кирпичным фасадом швейцарского типа в Херлеве, на окраине Копенгагена. Годы спустя Бриджит очаровывала даже тех, кто, зная о ее репутации, относился к ней с предубежденностью. Школьницей она испытывала трудности в общении со сверстниками. Более того, она им не очень-то нравилась. Она не чуралась компании, участвуя в школьном хоре и покуривая травку с другими девчонками в туалете, но вместе с тем все время чувствовала себя не на месте, не ко двору в датском пригороде. Она всегда стремилась самостоятельно зарабатывать деньги. Одиннадцатилетней — разносила почту, а затем устроилась на неполный рабочий день продавать хлеб в булочной. Пища тем не менее не представляла для Бриджит жизненной необходимости: в тринадцать лет ее рост составлял пять футов одиннадцать дюймов, а весила она каких-то жалких девяносто фунтов. Получив кличку «жираф» от своих одноклассников, Бриджит отличалась повышенной активностью и была подвержена поразительным всплескам энергии. Ее подростковые грезы могут рассказать многое: по ее словам, Бриджит всегда хотела стать ветеринаром и писать стихи. И ставя перед собой цели как общественно полезные, так и романтические, она никогда не могла окончательно решить для себя, кем все-таки будет — Флоуренс Найтингейл (Медсестра, героиня Первой мировой войны. — Прим. ред.) или кем-то еще более блистательным. Ее отец Свен воспитывал в долговязой девушке-подростке уверенность в себе. Его девиз: «Будь вежливой и никогда не бойся задавать вопросы». Бриджит, как выяснилось, никогда не стремилась быть чересчур вежливой, ибо успех, которого она сперва и не очень-то добивалась, пришел к ней легко и быстро. В семнадцать лет Бриджит, наслаждавшуюся

стаканчиком вина в кафе «Педерокса» копенгагенского района Грабодретр, случайно заметила фотограф Марианна Дирс. Она спросила, не пробовалась ли Бриджит на фотомодель. Та ответила, что слишком уродлива для этой цели. Бриджит также поведала Марианне, что ненавидит свою жизнь, рассказав, как в школьные годы все время плакала, считая себя слишком высокой и худой. Поняв, что Бриджит потрясающе красива, Марианна предложила ей позировать. Затем послала фотографии в один из престижных копенгагенских домов моды, возглавляемый Трайс Томсен. Трайс вспоминает: «Я сразу же поняла, что эта девушка не похожа на других. Но, чтобы убедить ее поверить в себя, потребовалось время. Я решила сделать ей короткую прическу, подчеркнуть длинные ноги. Теперь она выглядела как богиня». Увидев свои фотографии, Бриджит сразу же прониклась чувством эгоцентризма и уверенности в себе. По словам Трайс, «Бриджит, наконец, осознала, что с ней происходит, и ее честолюбие возросло. Ею овладела решимость сделать себе имя. Любовники или друзья — все стало для нее не так важно. Амбиции взяли верх». Желая добиться успеха, Бриджит еще до восемнадцати лет ушла из дома, чтобы работать у Трайс, которая стала создавать из нее «лицо восьмидесятых». Следуя по проторенной дороге фотомоделей, она вступила на усыпанный золотом маршрут между Парижем, Миланом и Римом, переезжая с фотосеанса на фотосеанс. Когда ей исполнилось семнадцать с половиной, Бриджит начала работать на итальянскую фирму спортивной одежды, снимаясь у фотографа Монте Шэдоу, с которым провела три недели на Сейшелах. С самого начала она его покорила. Монте вспоминает: «Бриджит была высокой и сильной, пышущей здоровьем и очень сексуальной. Но странное сочетание. С одной стороны, она напоминала потерявшегося ребенка, а с другой — неукротимого и любившего приключения юнца. Через четыре дня после того, как мы приехали на Сейшелы, там начался переворот. Бриджит настаивала, чтобы ей разрешили пойти посмотреть на беспорядки, хотя я и приказал ей не высовываться. Тогда она ушла одна, и на несколько часов ее взяли заложницей. Бриджит импульсивный человек, никогда не обдумывающий свой следующий шаг». Будучи индивидуалистом по натуре, Джит, как ее называли близкие, тем не менее не была одинока. Некоторое время она нежилась в лучах той известности, которую тело амазонки принесло ей в Милане. По словам Монте, «на приемах Бриджит появлялась в чересчур открытых нарядах. Она любила, когда люди обсуждали ее и она была в центре внимания. Она была королевой Милана, диско-звездой». Вскоре она стала жить с миланским антрепренером фотомоделей Лукка Росси. Он

обеспечивал ей чувство безопасности, пока она ждала успеха, который, как она считала, принадлежал ей по праву. Ее близкий друг, также миланский фотограф Риккардо Гэй рассказывает о Бриджит тех дней: «Не было сомнений, что она сделает себе имя. В ней чувствовалось нечто магическое, чувственное, стильное. Она была как вулкан чувств на пороге извержения». Однако, пока извержения не произошло, вулкан оставался спящим. В 1982 году Бриджит встретила музыканта, Каспера Уиндинга, и переехала в его трехкомнатную квартиру на копенгагенской Кронпринцессгаде. Каспер преуспевал, любил Бриджит, и спокойная домашняя жизнь представлялась неизбежной. Вскоре они поженились, она забеременела, и перспектива стать звездой моды вроде бы отдалилась. Ее будущее, на первый взгляд, казалось предопределенным, особенно после рождения сына Джулиана. Позже она будет утверждать, что хотела назвать Джулиана Сильвестром, в честь героя фильма «Рокки» Сталлоне, но Каспер, из чувства ревности к ее детской прихоти, не позволил ей этого сделать. Маловероятно, однако, что Каспер мог бы когда-либо удержать Бриджит. Она была женщиной волевой, не знала никаких тормозов и жаждала славы, так что, когда Дино Де Лаурентис предложил ей сниматься, никто, даже Джулиан, не мог удержать ее. На протяжении почти целого года Де Лаурентис искал свою Красную Соню — актрису на роль амазонки, героини его предполагаемого одноименного фильма, рассказывающего историю женщины — подобия Конана. Путешествуя по свету, он задался целью найти уникальную женщину, полную огня и страсти, способную воссоздать на экране образ легендарной воительницы Хоуарда. И вот счастливый случай — Бриджит Нильсен, украшающая собой обложку журнала мод. Рассмотрев ее фотографию, Де Лаурентис, известный ценитель женского тела, сразу понял, что свою Красную Соню он наконец-то нашел. Последняя находка Де Лаурентиса, звезда будущего и открытие 1984 года, Бриджит Нильсен помчалась в Лондон, чтобы взять уроки боя на мечах у эксперта — Майка Финна. Там она дала свое первое интервью прессе на английском языке. Виктор Дэвис из «Лондон дейли экспресс» нашел Бриджит «дружелюбной» и «добросердечной». Затем была студия Понтини в Риме, где без долгих проволочек, 24 сентября, планировалось приступить к съемкам. Американский режиссер Ричард Флейшер рассчитывал завершить фильм в течение одиннадцати недель, включая съемки на натуре в итальянской области Абруцци. Флейшер с восторгом вспоминал: «У Бриджит — много задора, восхитительное тело, и вообще она — потрясающая девушка». Главные роли должны были играть Бриджит и еще две кинозвезды — вездесущая Сэндел

Бергман и исполнитель главной мужской роли Арнольд Шварценеггер, который заинтересовал Бриджит своей мужской статью. Мария Шрайвер, охваченная, возможно, предчувствием неизбежной беды, советовала Арнольду не ездить в Рим и не соглашаться на роль в новейшей феерии Де Лаурентиса. Арнольд и вправду попытался выйти из игры под предлогом неприятия сценария, но не смог нарушить контрактные обязательства, связывавшие его с Де Лаурентисом. И вот он в Риме, на съемочной площадке «Красной Сони», лицом к лицу — впервые в жизни — с Бриджит Нильсен. Каждый из них научился пользоваться своим обаянием, чтобы пленять всех, кто попадается на пути. Но сейчас они оба осознали, что встретились с достойным противником. Ибо со многих точек зрения Бриджит Нильсен была двойником Арнольда, его зеркальным отражением в женском облике, его вторым "я". Их обоих сжигало неукротимое честолюбие: Арнольда оно привело к одиссее по четырем континентам, завершившейся стабильной жизнью в Голливуде, Бриджит — заставило отказаться от маленького сына Джулиана в Дании, оставив его со своим вскоре уже бывшим мужем Каспером. Оба они были искателями приключений — выходцами из Европы, преисполненными решимости покорить Америку. Их обаяние не знало преград и могло быть пущено в ход по первому желанию, они были неотразимы и могли поймать любого в свою паутину, из которой практически невозможно было выпутаться. Арнольд отточил каждую грань своего имиджа за годы карьеры на сцене. С Бриджит все было по-другому — в свои двадцать один год она уже необъяснимым образом стала обольстительницей мирового класса. Обаяние и шарм — опасный подарок богов, который хотя и открывает многие двери, но вместе с тем способен быстро завести обольстителя в области неизведанного, с которым он или она не смогут совладать. Не подлежит сомнению, что обаяние Бриджит Нильсен завело ее очень далеко и быстро приковало к ней беспрецедентное внимание прессы. Через три с половиной года после съемок «Красной Сони» автор настоящей книги брала у Бриджит интервью и тем самым получила возможность заглянуть во внутренний мир этой женщины, превратившей в раба сперва Арнольда Шварценеггера, а затем Сильвестра Сталлоне.

В начале 1988 года, придя к ней, чтобы взять интервью для сенсационного материала в американском иллюстрированном журнале, я встретила Бриджит одетой в облегающий костюм от Аззедайн Алайи. Она была словно золотодобытчик — прямо таки увешана золотом: здесь украшение от Булгари, там — от Картье, а тут — созвездие бриллиантов в еще одной массивной золотой

оправе изысканного итальянского фасона. Интервью было первым в американском журнале после развода Бриджит с Сильвестром Сталлоне, но она беспечно отвечала на все вопросы, не проявляя чувств, как будто все любовные дела Бриджит совсем не касались. Она потягивала пиво, прикуривала «Мальборо» одну сигарету от другой и давала понять, что интервью интересует ее не больше, чем жевательная резинка. Но все это до тех пор, пока я не заговорила об астрологии. Как-то между делом я заметила, что изучала этот предмет, и тут она вся преобразилась. Я упомянула, что ее солнечный знак — рак, и стало ясно — Нильсен преисполнена решимости продолжить дискуссию, надеясь услышать мое истолкование событий, предначертанных ей звездами. Внезапно на меня обрушилась лавина внимания и заботливости. Не выпью ли я амаретто? А, может быть, чуть-чуть коньяку? А, может каппучино? Или, коли вы англичанка, чашечка чая будет более уместной? О, какое у вас прекрасное обручальное кольцо! А давно вы замужем? А вы счастливы? Ее заинтересованность и стремление услужить казались совершенно искренними. В мгновение ока мы были сестрами из модного дома Алайи. Создавая атмосферу интимности, Бриджит, словно случайно, заметила, что очень хотела бы обсудить свое астрологическое предначертание. Если бы кто-нибудь при сем присутствовал, то вполне бы мог прийти к выводу, что в данный конкретный момент для Бриджит Нильсен, стремящейся вычислить по расположению звезд свою судьбу, я стала самым важным человеком в мире. Во время интервью, хотя с момента первой встречи Нильсен с Арнольдом прошел уже изрядный срок, на просьбу рассказать о нем она ответила весьма кратко: «Ну, я не так уж хорошо знала Арнольда». Это, однако, не соответствовало истине. В первые дни в Риме Арнольд дал ей понять, что они всего лишь работают вместе и что их взаимоотношения не будут выходить за рамки чисто деловых. Он еще не осознал, что у них с Бриджит есть одна характерная черта, которая сыграет ключевую роль в судьбах обоих: необычайно сильная воля к победе. Вспоминая решимость Арнольда не поддаваться ее чарам, Бриджит позднее поведала своему телохранителю Майку Кантацеззи: «Выхода не было. Я этого хотела, а значит, и должна была добиться во что бы то ни стало». И она своего добилась. Вскоре после их первой встречи, Бриджит удалось соблазнить Арнольда. И, надо сказать, это было не очень-то трудно. По словам давнишней подружки Арнольда Сью Мори, он позднее сравнивал Бриджит с ней — чувственная и незакомплексованная, она хотела заниматься любовью где угодно, когда угодно и как угодно. Слухи об их взаимоотношениях настолько широко

распространились, что даже «Венский курьер», обычно стремившийся уберечь имидж сына своей родины от нападок, 11 октября поместил заметку, рассказывающую о взаимных чувствах, вспыхнувших у Арнольда Шварценеггера и Бриджит Нильсен. В ноябре Аурелия Шварценеггер навестила Арнольда на съемочной площадке «Красной Сони» в Риме и к своему ужасу обнаружила, что он впутался в безумную связь с датской секс-бомбой Бриджит Нильсен. Как только Аурелия увидела ее, обращаясь к Арнольду, она воскликнула: «Господи, кто эта дура?» Привыкшая совершать престижные посещения церкви с Марией Шрайвер и предвкушая сладостную перспективу стать бабушкой, породнившись с Кеннеди, Аурелия, вполне земная и простая женщина, бросила на искательницу приключений, околдовавшую ее сына, взгляд, полный разочарования. Арнольд рассказал Сью Мори, что подозревающая неладное Мария внедрила в съемочную группу шпионов, доносящих о каждом его шаге. Это случилось после переезда актеров фильма «Красная Соня» в Абруцци на натурные съемки. Безрассудно закусив удила, Арнольд отказался оборвать свою любовную связь, поскольку он и Бриджит буквально пьянели от сексуальной близости друг с другом. Она была одержима им. И Арнольд, уже практически обрученный с Марией Шрайвер, понял, что он изо дня в день все больше влюбляется в Бриджит. Она вдохновляла Арнольда и презирала опасность, которую чуть ли не открыто навлекала на себя. Арнольд также, должно быть, смаковал это ощущение неизведанного — нечто такое, чего он, по всей вероятности, никогда не испытывал. Возможно, он никогда не проходил через обычные подростковые ритуалы ухаживания и никогда его не бросало в дрожь от сочетания страха и наслаждения, ужаса перед тем, что его сексуальные устремления могут быть обнаружены, и предвкушения сладости запретного плода. Да, он жил с Сью Мори, когда ухаживал за Марией, но это было в самом начале их взаимоотношений. Теперь же они были вместе в течение уже более семи лет, и свадьба становилась практически неизбежной. Он, конечно же, избранник Марии. Но, несмотря на то, что Арнольд знал о ее шпионах, по возвращении из Рима, на обеде со Сью, он хвастался ей, как вместе с Бриджит обводил их вокруг пальца. Среди работников телевидения и кино бытовало выражение: «Все, что на натуре, — несерьезно». Это значит: когда камеры остановлены и картина завершена, интрижкам тоже приходит конец. Принимая во внимание присущий Арнольду самоконтроль и его способность принимать верные решения при любых жизненных обстоятельствах, в сочетании с умением использовать любое благоприятное стечение событий себе на пользу, можно было бы ожидать окончания

романа с Бриджит по завершении съемок и отъезде из Рима. Австрийская пресса намекала на эту интрижку, но слухи о ней в американские газеты и журналы еще не просочились. Мария, возможно, получала донесения от своих «шпионов», но измена Арнольда пока не стала предметом общественного обсуждения. Короче говоря, мосты, казалось, еще не были сожжены. В любом случае, если бы достоянием гласности стала связь Арнольда с Бриджит, практически не более чем молоденькой актрисулькой, это похоронило бы его роман с Марией, и он с треском был бы вышвырнут за ворота замка короля Артура, попутно разрушив до основания свой имидж в прессе. И, тем не менее, 9 декабря Бриджит и Арнольд вместе вылетели в Вену. Из-за тумана самолет прибыл из Рима, опоздав на полсуток. Они остановились в венском отеле «Хилтон». Затем, отбросив всяческую осторожность, Арнольд повел Бриджит к своему старому другу Бернду Циммерманну. Посещение циммерманновского «Центра здоровья» на Кайзерштрассе вылилось в довольно обширный прием, на котором присутствовали представители венской прессы. Кое-кто из журналистов, бросив взгляд на Арнольда и Джит, сразу же верно оценил ситуацию. К вящему удивлению собравшихся, Арнольд лишь укрепил их подозрения, позируя перед объективами вместе с Бриджит, крепко прижав ее к себе. Стоя рядом, они наяву воплощали арийский идеал — сильные, высокие, уверенные в себе. Бриджит, с такой же ослепительно обворожительной улыбкой на лице, что и у Арнольда, бесстыдно глядела прямо в камеру.

Она, возможно, осознавала, что они с Арнольдом — блистательная пара, которую, вероятно, отыскали и свели вместе сами боги. Этим субботним вечером Циммерманн, очарованный, должно быть, Бриджит, пригласил ее и Арнольда в принадлежащий Гуга Рейнпрехту бар «Гринцингер», где они пировали, наслаждаясь ветчиной, яйцами и кислой капустой, заедая все это булочками с тмином, а на сладкое лакомясь зальцбургскими пирожными и штруделями. Затем они вернулись в бар Климмта в «Хилтоне», где проговорили до двух часов ночи. Партнер Арнольда по бизнесу и его наставник Джим Лоример случайно или намеренно оказался в это время в Вене. Вспомнив об осторожности, Арнольд оставил Бриджит в «Хилтоне», отправившись с Джимом на воскресный завтрак с американским послом в Австрии Хелен Ван Дамм. Весьма вероятно — в свете последовавших событий — Арнольд поведал подробности своего страстного увлечения Бриджит старшему товарищу. Но и совет консервативного Лоримера порвать с Бриджит не произвел на Арнольда должного впечатления. И хотя Джит должна была

покинуть Вену в это же воскресенье, Арнольд, воспротивившись этому, забрал ее с собой в Мюнхен. «Венский курьер», осведомленный об этом факте, отозвался заметкой на тему, где утверждалось, что Арнольд и Бриджит очень подходят друг другу. 27 декабря недремлющий «Курьер» сообщил, что Арнольд вовсю рекомендовал Бриджит своему агенту Лу Питту из «Интернэшнл Криэйтив Мэнеджмент». Арнольд неистово и откровенно восторгался Бриджит: «Она как райская птица. Если бы я мог, я завтра же привез бы ее в Голливуд». До сей поры американская пресса не замечала измены Арнольда. Но вместо того, чтобы возблагодарить звезды, Арнольд решил сыграть с судьбой злую шутку, взяв Бриджит с собой на ежегодные лыжные каникулы — чисто мужское развлечение, до которого Мария обычно не допускалась. На этот раз Арнольд поехал туда в компании Нильсен и трех приятелей — Эрика Холма, Бернда Циммерманна и Вольфганга Спикера, владельца центра здоровья в Мюнхене. В Аксамсе, крохотном лыжном курорте в двенадцати милях от Инсбрука, они поселились в отеле, принадлежавшем двум друзьям Арнольда — австрийскому чемпиону по лыжам Клаусу Хайдеггеру и его жене — американке Джейми, тренеру по аэробике. Хотя Аксамс дважды служил местом проведения зимних Олимпийский игр, в обычные дни это была типичная тирольская деревушка — идеальная декорация для любовного романа, требующего уединения. Однако Бриджит, никогда не мирившаяся с отсутствием внимания, вскоре взбудоражила всех местных жителей, покупая лыжное снаряжение в лавочке около отеля. Они прожили у Хайдеггеров лишь два или три дня, наслаждаясь пребыванием в типично швейцарской гостинице с сауной. Гостиница Хайдеггеров, сегодня уже сменившая владельца и название и известная как «Соннпарк», была милой, непретенциозной и простой — как раз такое место, куда Арнольд никогда бы не взял Марию. Во время их поездок в Австрию Мария и Арнольд путешествовали по высшему разряду, останавливаясь в одном из лучших отелей Граца или как-то раз — в «Шлосс Фушль» близ Зальцбурга, шикарном курортном местечке, частенько привечающем королей и королев. Мария и Бриджит, и это было очевидно, принадлежали к прямо противоположным мирам: Мария была оберегаемой — принцессой из рода Кеннеди, а Бриджит — яркой и любящей наслаждаться жизнью фотомоделью. Как это ни покажется забавным, но обе женщины не скрывали своих честолюбивых устремлений, хотя каждая по-своему. Находящаяся в привилегированном положении Мария работала над своей карьерой куда более усердно, в то время как Бриджит, умудренная улицей искательница приключений, была

дилетанткой, не желавшей учиться своему мастерству сколько-нибудь продолжительное время. В то время как Мария стоически отказывалась пользоваться выгодами своего происхождения, обучаясь искусству достижения успеха, Бриджит, с ее непревзойденной внешностью и телом, упорно торговала только ими и ничем более. 9 января 1985 года «Тирольская хроника» опубликовала снимок всей компании за обедом у Хайдеггеров. Бриджит на снимке не было. Но Арнольд должен был понять, что американская пресса доберется до его любовной интрижки. Это был лишь вопрос времени. Как бы то ни было, но он слишком долго искушал судьбу — вероятно, подобно сенатору Гэри Харту, который последует по его стопам — подсознательно стремясь вырыть себе яму и пожертвовать своим блестящим будущим. И Гэри Харт, и Арнольд принадлежали к числу людей, обладающих властью и потенциальными возможностями, и оба явно наслаждались предоставившимся случаем подергать птицу счастья за хвост, попытаться пролететь у самого солнца, бросая вызов богам, способным уничтожить их. Чем больше щекочет нервы опасность, тем сильнее она опьяняет. Арнольд, самонадеянно отдавшись своему желанию, должно быть, полагал, что как бы близко к краю пропасти он ни осмелился подойти, все равно не сорвется. Однажды он сказал: «Я никогда не буду спускаться по безопасному склону, это скучно. Я все время иду на риск». Арнольд всегда ставил во главу угла честолюбие и успех, приносящий радости жизни. И все же на короткое время он отклонился от предначертанной ему судьбой прямой дороги, рискуя быть обнаруженным, выставленным на посмешище и ставя под смертельный удар свои отношения с Марией Шрайвер. Возможно, он так сильно рисковал, потому что где-то в глубине души надеялся, что эта интрижка взорвет его связь с Марией. Кроме того, он, возможно, в какой-то момент и в самом деле поддался такому искушению, чтобы связать свою жизнь с Бриджит. Как он позднее признавался Сью Мори, в Бриджит он влюбился. Не только в сексуальном плане, хотя, по его словам, она в этом отношении была чем-то невероятным, но и потому, что где-то в душе она была уязвима и позволила Арнольду понять это. И так же, как он, она была отчаянной, не обращающей внимания на условности и, несомненно, чувственной. И все же рассудительный внутренний голос, редко подводивший Арнольда, должно быть, сказал ему, что Бриджит для него — это уж слишком: слишком уж опрометчивая, слишком безответственная. Арнольд не был бы Арнольдом, если бы не почувствовал, что Бриджит может не только уничтожить себя, но и их обоих. Касалось ли это любви или чего иного, но он всегда

ставил самосохранение на первый план. Кроме того, помимо его животного инстинкта, был и еще один фактор, беспокоивший Арнольда, — отношение Бриджит к своему сыну Джулиану. Сью Мори рассказывала, что позже он признавался: «Я любил ее, но уважать не мог. Ведь она буквально выбросила своего сына на помойку… И для меня была слишком безрассудной». 11 января 1985 года он возвращался в Америку на «Конкорде» один. Одетый в коричневую кожаную куртку, Арнольд выглядел задумчивым и грустным. Может быть, он размышлял о том, что их благословленный звездами роман завершился и он видел ее в последний раз, и что Бриджит уже никогда больше не войдет в его жизнь. Может быть. Но скорее это было не так. Ибо Бриджит относилась к слепым силам природы и, как и сам Арнольд, сжигаемая честолюбием, была преисполнена решимости претворить в жизнь стремление своей души.

Глава 17: Арнольд, Бриджит, Мария и Сталлоне

Вернувшись в Лос-Анджелес, Арнольд приступил к съемкам «Коммандос» — приключенческого боевика, близкого по стилю и содержанию к фильму Сильвестра Сталлоне «Рэмбо: первая кровь, часть II», имевшему феноменальный успех. Арнольд исполнял роль солдата войск спецназа, желающего уйти на покой и воспитывать дочь, но вновь берущегося за дело, когда его дочь похищают. Он проходит через неслыханные испытания, чтобы вызволить ее. Признавая, что «Рэмбо: первая кровь, часть II» и «Коммандос» весьма похожи друг на друга, продюсер Джоэл Силвер позднее скажет: «Конечно, „Рэмбо“ и „Коммандос“ имеют много общего. Это не просто история из жизни мультипликационных героев, действующих в немыслимо благоприятных условиях и побеждающих. Я думаю, что, поскольку в „Коммандос“ играл Арнольд, там есть чувство юмора, отсутствующее у Рэмбо». Когда в октябре 1985 года фильм вышел на экраны, он принес значительный кассовый сбор, хотя и не затмил «Рэмбо». С момента, когда Арнольд впервые встретил Сталлоне на церемонии вручения призов «Золотой глобус», прошло восемь лет, и верх пока брал Сталлоне, а не Арнольд. Благодаря своим отношениям с Марией и семейством Кеннеди, Арнольд в светской жизни затмил своего соперника. Но с появлением «Рэмбо: первая кровь, часть II» Сталлоне стал американской легендой, народным героем, удостоившимся быть принятым президентом Рейганом в Белом доме. Его личная жизнь могла быть уязвимой, особенно после исключительно скандального развода с женой Сашей, но в профессиональном плане Сталлоне был неуязвим. И, конечно же, Арнольд принял решение изменить ситуацию в свою пользу. Начиная с 1977 года, Сталлоне неизменно получал куда большие гонорары и обладал в Голливуде куда более сильным влиянием, нежели Арнольд. Короче говоря, Сталлоне был для Арнольда его Фрэнком Зейном, его Серджио Олива — человеком, победившим его, которого он, в свою очередь, был преисполнен решимости одолеть. Рекламируя «Коммандос», Арнольд дал старт кампании по смещению Сталлоне с престола. «Я бы разгневался, услышав свое имя рядом со Сталлоне, — заявил он журналисту Иану Хармеру. — Сталлоне применяет накладки для некоторых кадров крупного плана в своих фильмах. Я же — нет… Вероятно, в „Коммандос“ мы поубивали больше людей, чем Сталлоне в „Рэмбо“, но отличие в

том, что мы не пытаемся оправдывать насилие патриотическими чувствами. Этот вечно развевающийся флаг — не больше чем куча дерьма. Мой фильм получился лучше, чем у Сталлоне, и я готов подождать, чтобы время доказало мою правоту». Пресс-секретарь Сталлоне откомментировал это выступление так: «Сталлоне не желает вступать в спор о том, кто из них сильнее». В междоусобной войне, затеянной Арнольдом, он сделал первый выстрел. Возможно, он выжидал подходящего случая еще со времени их первой встречи. Реплики насчет «Коммандос» были первыми из его действий, нацеленных на то, чтобы взбаламутить воду и подорвать позиции Сталлоне. Следующий шаг Арнольд предпринял в июле 1986 года в интервью журналу «Джи Кью», отметив: «Я полагаю, что Сталлоне, насколько я его знаю, все время слишком напряжен, даже когда он приходит в гимнастический зал — как будто постоянно участвует в соревнованиях. Если кто-то выполняет наклоны с нагрузкой 120 фунтов, он обязательно скажет: „А я смогу и со ста тридцатью“. Он одержим: это заметно по тому, как он одевается, как настойчиво пытается заниматься благотворительностью. Все это напускное, от Рокки, а не от души. Ну, вы меня понимаете, — Арнольд показывает на сердце. — Здесь нет любви. И люди это видят. Можно фальшивить на протяжении года, но в течение десяти лет — уже слишком трудно. В конце концов, все выходит на поверхность. Вот в чем основное различие между мной и Сталлоне». Журналистка Пэт Х. Броске рассказывала, что Сталлоне позвонил Арнольду и сообщил, что если бы не он, то Арнольд никогда бы не снялся ни в одном боевике. «Я сказал ему, что места здесь хватит нам обоим, — говорил Сталлоне. — Так чего ради обмениваться уколами?» Арнольд ответил, что «Джи Кью» исказил его интервью.

Примерно в то же время, когда Арнольд давал это интервью «Джи Кью», Рик Уэйн, работавший в журнале «Флекс», собрался опубликовать фотографию, сделанную Артом Зеллером, на которой были изображены Арнольд, Франко и Сталлоне у спортивных снарядов в гимнастическом зале «Уорлд Джим». Вдруг зазвонил телефон. Рик рассказывает: «Это был Арнольд. Он попросил меня не публиковать этот снимок. Или убрать его с фотографии. „Зачем мне это нужно, — сказал он, — оказаться на одном снимке вместе со Сталлоне?“ Эти слова прозвучали так, словно он отказывался рекламировать Сталлоне. Фотография никогда не была опубликована». Стало ясно, что Арнольд решил отомстить Сталлоне. Бриджит Нильсен была преисполнена решимости продолжить свой роман с Арнольдом. Формально Шварценеггер уведомил ее, что у них все кончено, подарив ей

часы, о которых Бриджит позднее презрительно отзывалась как о недостойной ее дешевке. Тем не менее, несмотря на мизерный подарок, она чувствовала себя защищенной своими телесными чарами и была убеждена в том, что все еще имеет власть над Арнольдом. Бриджит решила преследовать его и дальше. В новом, 1985 году, Монте Шэдоу привез Нильсен в Сент-Моритц на короткие каникулы. Ее пригласили там на один престижный прием. Шэдоу вспоминает: «Бриджит была взбудоражена тем, что принц Монако Альберт собирается быть на приеме. Но она никак не могла смириться с тем, что Арнольд избавился от нее. Два или три раза по пути в Сент-Моритц я вынужден был останавливаться — она отчаянно пыталась связаться по телефону с Арнольдом и очень нервничала. Арнольд избегал ее и не брал трубку. Но она продолжала преследовать его и на четвертый день в Сент-Моритце ухитрилась связаться с Арнольдом. Бриджит сходила по нему с ума. Она не знала удержу, обожала секс и боготворила того, кто оказался сильнее ее. Она рассказывала мне, что всегда мечтала о невероятных, пышущих здоровьем, сильных, симпатичных и мускулистых мужчинах. Так что Арнольд был для нее идеалом. Бриджит отчаянно хотела Арнольда. Он уже отравил ее, она желала быть похожей только на него. Она делала все, чтобы выглядеть сильной, ибо хотела стать Сталлоне или Шварценеггером в женском облике. Бриджит — невероятно честолюбива». Как-то весной 1985 года Нильсен приехала в Америку — вроде бы для рекламы «Красной Сони», но на деле — с явной целью отвоевать Арнольда. Преуспела она в этом или нет — вопрос. Но одно не вызывает сомнений. Бриджит определенно встречалась с Сильвестром Сталлоне. Причем по инициативе Нильсен, которая послала Сталлоне письмо и свою разящую наповал фотографию. Но существует и другая версия — отнюдь не Купидон, а Арнольд Шварценеггер собственноручно подстроил первую встречу Бриджит со Сталлоне. Ибо через некоторое время после возвращения из Австрии Арнольд поведал близкому другу, что он подговорил одного из знакомых устроить встречу Бриджит со Сталлоне, так как хотел избавиться от нее. В интервью, опубликованном в немецком издании журнала «Плейбой», Арнольд признавал, что Бриджит хотела выйти за него замуж. Когда он напомнил ей о своих обязательствах перед Марией, Нильсен заметила, что ее все равно никто не превзойдет. Тогда Арнольд предложил ей обратить свои чары на кого-либо еще. Бриджит была знакома с его юристом Джейком Блумом (вероятно, повстречав его в Риме во время съемок «Красной Сони»). Джейк как-то пригласил ее пообедать и там, по словам Арнольда, ее свели со Сталлоне, который с первого взгляда

безумно влюбился в Бриджит. «Я был просто счастлив, — говорил Арнольд, — поскольку не хотел, чтобы она бегала за мной». Абсолютно не подозревая, что Арнольд с самого начала подстроил его новое любовное увлечение, Сталлоне действительно был околдован Бриджит. Уже на пороге съемок «Рокки-IV» в Канаде, он быстренько переписал сценарий, создав специально для Бриджит роль русской переводчицы, жены Ивана Драго, которого играл Дольф Лундгрен. Очевидец рассказывал: «Бриджит не выносила ни малейшей критики в свой адрес… Она вела себя так, как если бы была звездой». И охотно принимала подарки: шубу из белой канадской лисицы и инкрустированные бриллиантами часы «Пантера» от Картье с гравировкой: «Я буду любить тебя до скончания века». Сталлоне — в отличие от Арнольда — был романтиком и подчинялся в большей степени велению сердца, чем разуму. Несмотря на импозантную внешность, когда речь заходила о любви, он становится мягок как зефир, а не крепчал как сталь. Одиночка, избегающий толпы и слишком тесного общения с людьми, Сталлоне, казалось, предпочитал оставаться наедине, а не в компании, в то время как Арнольд всегда любил находиться в центре внимания, быть душой различных сборищ. Сталлоне же — мужчина уязвимый, обращенный внутрь себя, временами незащищенный, подверженный переменам настроения, темпераментный и восприимчивый к женской лести — был для Бриджит после перенесенного ею разочарования превосходным объектом. Так же, как Арнольд пытался отделаться от Бриджит, Сталлоне желал с ней сближения. На съемках «Рокки-IV» у Сталлоне во время эпизода боя с Дольфом Лундгреном начался сердечный приступ. Его срочно отправили в больницу, куда за ним по горячим следам бросилась Бриджит. Тремя годами позже, рассказывая о съемках «Рэмбо-III» в Юме (штат Аризона), Сталлоне вспоминал: «Она была со мной двадцать четыре часа в сутки. Она даже спала у моей кровати. Медсестры умоляли ее покинуть палату. Но она отказалась… Я чувствовал себя очень одиноким после моего разрыва с Сашей. И искал, на кого бы опереться. Бриджит выглядела идеальной женщиной. Она посылала мне розы, окутывала меня любовью и была самой нежной в мире. Она выглядела скромной и преданной. Я еще не встречал таких добрых и самоотверженных женщин. Я сходил с ума от любви к ней». Исполняя роль Флоуренс Найтингейл у постели пленительной суперзвезды, Бриджит наконец-то в полной мере претворила в жизнь свои противоречивые подростковые мечтания. Она также, должно быть, знала, что Арнольд — главный соперник Сталлоне, и ее любовная связь может

настолько задеть Арнольда, что тот попытается вернуть ее. И она утверждала свою власть над Сталлоне, не допуская к нему в палату даже его мать Жаклин. К маю 1985 года Бриджит еще крепче сомкнула капкан, в котором держала сердце Сталлоне. Арнольд тем временем сконцентрировал свое внимание на недвижимости. 20 марта он уплатил почти миллион долларов за собственность в Денвере неподалеку от предполагаемого места строительства центра для общественных мероприятий стоимостью в 129 миллионов долларов. Его последняя книга — «Энциклопедия современного культуризма», которая в рукописи составила тысячу страниц, должна была выйти в июле. «Красная Соня» вышла на экраны в июле и столкнулась с убийственной критикой (в одной рецензии ее называли «бесстыдно глупой», в другой — «дурацкой»), но, учитывая незначительность его роли в фильме, это не очень задело Арнольда. Вероятно, из уважения к Марии он не стал проталкивать картину, оставив всю рекламу на долю жаждущей славы Бриджит. Вместо этого он сосредоточился на своей новой роли в фильме «Жестокий обман» — многообещающем проекте, который должен был возглавить Де Лаурентис.

В общем, в профессиональном плане жизнь его вроде бы шла, как задумано. В личной жизни, однако, все было наоборот. Хотя документальных подтверждений и нет, весьма вероятно, Марии стала известна вся правда относительно связи Арнольда с Бриджит. Когда в 1986 году журналистка Моника Коллинз спросила ее, не желает ли она быть принцессой при царствующем мускулистом человеке, как, к примеру, Бриджит, обычно дипломатичная Мария взорвалась: «О, Бог мой, не надо об этом. Вы ее встречали? Боже мой». Известие об измене Арнольда направило, однако, события в устраивавшее Марию русло. В мае 1985 года, за четыре месяца до официальной отставки Бриджит, Арнольд, встретившись в сауне с Джимом Лоримером, стал размышлять с ним о женитьбе. Лоример сказал ему: «Арнольд, ты действительно прошел через очень многое. Твоя жизнь вместила куда больше, чем ты мог предположить. Единственное, чего у тебя не было и обязательно должно быть — это семья, дети и внуки. Так ты достойно завершишь жизненный путь. Тебе следует пройти все этапы. Ты живешь с Марией уже восемь лет. Мне кажется, что наступило время сделать ей предложение». Через восемь недель Лоример получил от Арнольда и Марии, отдыхавших в Австрии, телеграмму: «Мы последовали твоему совету». Арнольд, бывший столь безрассудным с Бриджит, срежиссировал свое обручение с Марией весьма расчетливо. В день своего тридцативосьмилетия, вновь показав любовь к

театральности, он повез Марию в Таль. Человек, всегда ненавидевший ординарность, Арнольд не хотел заурядности и в данном случае. Он пригласил Марию прокатиться на лодке по Талерзее, где все когда-то начиналось. Арнольд рассказывал об этом так: «Был великолепный солнечный день. Вокруг нас простирались прекрасные зеленые горы. Мы гребем, а я говорю себе: „Все складывается как нельзя лучше“. Никто не мог нас побеспокоить или помешать, как это частенько случалось, когда я куда-либо приезжал. Я подумал, что все это очень романтично. И сделал ей предложение». Мария вспоминала, что она ответила просто: «Здравствуй, Арнольд, а что такого особенного произошло сегодня? Разве я в последнее время была несказанно хороша? Разве я стала по-настоящему красивой?» Что ответил Арнольд, никто не знает. Американская пресса объявила об их обручении 10 августа. А за два дня до этого «Нью-Йорк дейли ньюс» опубликовала второе крупное интервью в американской прессе Бриджит Нильсен. В своем первом, появившемся на страницах журнала «Пипл», она объявила: «Арнольд не так уж и хорош как мужчина», и, ответив утвердительно на вопрос, любит ли она Сталлоне, добавила: "Я молода, но пережила много. Нельзя сидеть в кресле и ждать, пока все произойдет само собой… Я готова зайти очень далеко. У меня колоссальная энергия. Я говорю себе: «А ну, пойдука я и на это». В своем интервью «Пипл» Бриджит «пошла на это», по сути в пику Арнольду. В интервью «Дейли ньюс», опубликованном 8 августа, Бриджит, отвечая на вопрос, не собираются ли они со Сталлоне пожениться, объявила на весь мир, и, самое главное, Арнольду: «Собираемся. Я очень люблю Сталлоне». Принимая во внимание момент, когда было сделано это заявление, трудно не прийти к выводу, что кто-то предупредил Бриджит о намерениях Арнольда. Причем этот кто-то, зная о ее планах, хотел подготовить Бриджит к тому, что ее надеждам выйти замуж за Арнольда осуществиться не суждено. Тем не менее, она не признала себя побежденной. Майк Кантацеззи, ее личный телохранитель, в течение всех двадцати месяцев, когда она жила со Сталлоне, рассказывает: «Бриджит все еще была одержима Арнольдом. У нее были тонны фотографий, где они изображены вместе. Я видел эти снимки, когда вместе с ней дважды посещал ее родительский дом в Дании. Возвратившись в Лос-Анджелес, Бриджит продолжала кружить вокруг дома Арнольда в надежде увидеть его. Некоторое время она дружила с приятелями Арнольда — Анной и Свеном-Оле Торсенами — и продолжала бывать в их доме, пытаясь узнать, не собирается ли наведаться к ним Шварценеггер. Она все время говорила об Арнольде и его мускулатуре. Она рассказывала мне,

что Арнольд в постели великолепен». На первый взгляд могло показаться, что разочарование Бриджит — не более чем крушение девичьих грез, усугубляемое воспоминаниями о прекрасных, но ушедших днях. И все же кое-кто утверждает, что чувства Бриджит к Арнольду подогревались чем-то более существенным, нежели ностальгия по прошлому. В июле 1987 года вовсю распространялись слухи о любовной связи Бриджит как с Тони Скоттом, режиссером ее последнего фильма «Полицейский с Беверли-Хиллз-II», так и ее личной секретаршей Келли Санджер. Сталлоне объявил о своем разводе с ней. Хотя она и опровергала слухи, говоря о том, что ее более всего ранят сплетни об отношениях с Санджер, газеты и журналы по всему свету, от «Пипл» до «Вэнити Фэр», публиковали сообщения о пристрастии Бриджит к лесбиянству, сопровождаемые откровенно сексуальными снимками. Однако не только пресса пожинала жатву в связи со скандальным разводом. Арнольд Шварценеггер также не упустил свой шанс. В то время, когда имидж Сталлоне свелся к образу мужа-рогоносца, Арнольд случайно встретил брата Сталлоне Фрэнка в «Патрике Роудхаус» и в сочувственном тоне заметил ему: «Мне так жаль твоего брата. Я всегда знал, что Бриджит из себя представляет. Не успел только предупредить его». Если вспомнить, что Арнольд, не афишируя это, сам организовал первую встречу Сталлоне и Бриджит, его соболезнования, высказанные Фрэнку, вызывают в памяти «Качая железо» — фильм, сделавший Арнольда знаменитым и прославивший его способность умело пользоваться неудачами соперников. И те, кто изучал применявшуюся в прошлом тактику Арнольда, направленную на подрыв позиций его конкурентов, уверены в том, что точно так же, как раньше подначки («сахарную диету» и «технику крика»), теперь он мог использовать против Сильвестра Сталлоне Бриджит Нильсен. Как заметила Сью Мори, "Арнольд, вероятно, знал, что от нее нельзя было ожидать ничего, кроме неприятностей, а причинить неприятность он хотел именно Сталлоне… Ну, прямо, как в фильме «Качая железо». Знал Сталлоне или нет о той роли, которую Арнольд сыграл в его преждевременно закончившейся семейной жизни, следующий шаг Шварценеггера, совершенно очевидно, не ускользнул от внимания Сталлоне. В ходе интервью «Плейбою» журналистка Джоан Гудмэн задала Арнольду вопрос: «Вы что, забыли своего друга — партнера высочайшего класса по фильмам-боевикам Сильвестра Сталлоне? Разве он не самый высокооплачиваемый актер?» Арнольд ответил: «Во-первых, я ничего не знаю об этих гонорарах. А во-вторых, Сталлоне вовсе не мой друг. Он не приемлет меня. Изо всех доступных человеку сил я стараюсь

проявлять дружелюбие к этому парню, но Сталлоне не желает ответить тем же. Что бы он ни делал, все выходит не так. Приведу пример. Не так давно мы завтракали вместе, поскольку снимаемся в фильмах одной и той же кинокомпании. Мы обсуждали вопрос, как бы сделать так, чтобы не стоять друг у друга на пути, и пытались договориться, когда этим фильмам следует выйти на экран. Разговор был во всем очень доброжелательным, но затем Сталлоне сказал: „Ты должен стать членом моего нового клуба“. Я спросил: „Какого?“ Он пояснил: „Это будет чисто мужской клуб, женщины туда не будут допускаться. Почти как в старые времена. Только мужчины. Мы будем сидеть вместе, покуривать тонкие сигары и хорошо проводить время“. Я сказал ему, что для меня это никак не подходит. Мы живем в переломное время, когда женщины борются за равноправие. Я сказал, что мне многое не нравится в эмансипации, но подобный клуб заденет чувства каждой толковой женщины в стране. За это лучше и не приниматься. Если ты хочешь собрать чисто мужскую компанию, приглашай ребят к себе домой: Я делаю именно так. Слушайте дальше: он нанял лучших рекламных агентов в мире, и все же они не смогли организовать такой клуб. Здесь вообще ничего нельзя было придумать, чтобы не подставить под удар самого себя и свой имидж. Это как с его гардеробом. Его белый костюм, надев который Сталлоне пытается выглядеть парнем что надо, всегда возмущает окружающих. А золотой перстень и золотые цепочки, которые прямо-таки взывают: „Вы только посмотрите, как я богат“. Все это только раздражает. Ну, как это никто не научил его не выпендриваться. Ему следовало бы носить ботинки от Л. Л. Бина и вельветовые штаны с рубашкой-шотландкой. Вот это было бы прилично: именно так должен выглядеть режиссер, а не напяливать на себя на площадке эту дурацкую меховую шубу». Ко времени появления интервью с Арнольдом в «Плейбое», именно Сталлоне скорее всего должен был быть недоволен Шварценеггером. Ведь, в конечном итоге, любил и потерял свою любовь, разведясь с Бриджит летом 1987 года. И вне зависимости от того, послужил Арнольд инициатором любовной связи между ними или нет, он, несомненно, был первым, а Сталлоне лишь следовал по проложенной им любовной тропе. Но почему тогда Арнольд не прекращал свои публичные нападки на Сталлоне? Прямая атака в печати одной крупной звезды против другой — вещь необычная, но Арнольд предпринял именно такой шаг, преднамеренно провоцируя Сталлоне в трех появившихся в прессе материалах. Если проанализировать публичные высказывания Арнольда, то они кажутся чем-то большим, чем

обычная конкурентная борьба. И напрашивается вывод: язвительные комментарии Арнольда могли подогреваться его затянувшимся чувством к Бриджит, равно как застарелой ревностью и ненавистью к человеку, за которого она вышла замуж — сопернику по кино, упорно продолжавшему обгонять его по кассовым сборам. Нельзя исключать и того, что беспрецедентная атака Арнольда на Сталлоне была спровоцирована еще и его старыми заблуждениями, когда он без всяких последствий унижал и изводил своих наиболее уязвимых соперников. Но Арнольд забыл, что сейчас своим противником он избрал не какого-то никому не известного культуриста, которого толкнешь — и тот упадет поверженным, но Сильвестра Сталлоне, одного из могущественнейших актеров Голливуда. И все-таки Арнольду, должно быть, слышался голос Густава, эхом отдававшийся в глубине его души и побуждавший его нанести удар — заверить читателей «Плейбоя» и весь остальной мир в том, что «он — лучший». Когда Сталлоне задали вопрос, почему Арнольд выступил против него в «Плейбое», тот ответил: «Это — нечто, над чем следует поразмыслить на досуге. Что бы ни возникало в отношениях между двумя людьми, оно не должно выноситься на всеобщее обозрение. С такими вещами следует разбираться наедине». Позднее Арнольд, в телевизионном интервью с Чентелом для передачи «Доброе утро, Америка», принес Сталлоне извинение. Арнольд утверждал, что в интервью «Плейбою» его отношение к Сталлоне было полностью искажено: «Я уважаю этого человека как актера, как режиссера и просто как человека. Не говоря уже о его вкладе в кино, он делает многое для окружающих и в плане благотворительности, и меньше всего мне хотелось бы каким бы то ни было образом оскорбить его». Редактор «Плейбоя» заявил, что журнал ничего не искажал, добавив: «Это сейчас он так говорит. Может быть, задним числом Арнольд и задумался, но отношение его к Сталлоне в тот конкретный момент было совершенно определенным». Сотрудники «Плейбоя» позже рассказывали, что не предназначенные для печати высказывания Арнольда о Сталлоне были еще более злыми, чем появившиеся на страницах журнала. Извинение, как бы то ни было, состоялось. Вместе с тем, небезынтересен постскриптум ко всему этому эпизоду Рика Уэйна: «Джо Уэйдер научил Арнольда говорить „простите, пожалуйста“. Он научил его, что, в конечном счете, сказать „простите“ не так уж сложно. После того, как все услышали твое заявление, что такой-то и такой-то парень — дрянь, очень просто повернуть на 180 градусов и сказать „извините“. То, что ты сказал, уже опубликовано, но, извинившись, ты опять выглядишь

достойно». Однако противостояние продолжалось. 17 сентября 1988 года «Шестая страница» газеты «Нью-Йорк пост» поместила заметку следующего содержания: «Междоусобная война между самым мускулистым человеком Голливуда Арнольдом Шварценеггером и Сильвестром Сталлоне с каждым днем разгорается. Слай с группой телохранителей как-то зашел в один из ночных баров Лос-Анджелеса и, увидев на стене фотографию Арни, сказал хозяину, что если тот не снимет ее, то он уйдет и больше ноги его здесь не будет. Хозяин снял фото и отдал ее ребятам Слая, быстренько разорвавшим ее на клочки». Причины, по которым Сталлоне не выходил из борьбы, были налицо. Что касается Арнольда, то его враждебное отношение к Сильвестру оставалось загадкой. Фильм Шварценеггера «Близнецы», ставший «хитом» 1988 года, включал быстро промелькнувший кадр, в котором Арнольд проходит мимо афиши с рекламой «Рэмбо-III» с язвительной усмешкой на лице. И хотя в титрах «Близнецов» Сильвестру Сталлоне выражена благодарность, этот эпизод свидетельствует о том, что Арнольд все еще был одержим жаждой мести. Не прошло и месяца со времени объявления о разводе Нильсен и Сталлоне, как «Пипл» сообщил, что Бриджит и Келли Санджер присутствовали на завтраке по случаю сорокалетия Арнольда в «Патрике Роудхаус». «Нильсен, поздравляя Шварценеггера, крепко прижала импозантного культуриста к груди, а затем вихрем пронеслась по кругу, демонстрируя мальчикам свое переливающееся всеми цветами радуги бикини под броней микро-мини платья». Через шесть месяцев после развода Бриджит с напускной храбростью объявила: «Я ни о чем не жалею. Мои дела идут лучше, чем когда-либо прежде». Вскоре ее личная жизнь действительно пошла на подъем и увенчалась широко разрекламированным романом со звездой команды «Нью-Йорк джетс» Марком Гастэно. Бриджит забеременела и 15 декабря родила мальчика (через два дня после того, как у Арнольда и Марии также родился ребенок). Хотя ее карьера в кино, кажется, застыла на мертвой точке, она и Марк живут с той поры в Аризоне и, по всей видимости, счастливо. И все это — вопреки тем, кто нашептывал, что Бриджит выбрала себе в качестве очередного партнера еще одно воплощение мужественности, чтобы попытаться пробудить интерес Арнольда и вновь заманить его в свои сети. К весне 1988 года Арнольд из кожи вон лез, чтобы убедить всех без исключения, что его любовь к Бриджит умерла навсегда. Стоило бывшему тренеру Арнольда Гельмуту Чернчику, приехавшему к нему из Австралии в Лос-Анджелес, упомянуть имя Бриджит, как Арнольд разразился потоком брани. Однако все могло быть и не так как казалось. В первую неделю апреля 1989

года личный пресс-секретарь Нильсен Джоэл Броко сообщила, что Арнольд и Бриджит только что беседовали по телефону. Каковы были истинные чувства Арнольда по отношению к Бриджит, неизвестно. Что же касается самой Бриджит, то слова «Я буду любить тебя до скончания века», выгравированные на часах «Картье», подаренных ей Сталлоне, могут с не меньшим успехом характеризовать ее глубокое и неизменное чувство к Арнольду.

Глава 18: Свадьба. Подарок Курта Вальдхайма

Арнольд и Мария были помолвлены. Свадьбу назначили на 26 апреля 1986 года. Стало ясно, что Арнольд снова вышел на прямую дорогу. После их возвращения 2 сентября из Австрии Мария заняла новые рубежи в своей карьере на телевидении, сменив бывшую «Мисс Америку» Филис Джордж в качестве основной ведущей в престижной программе «Утренние новости Си-Би-Эс». Мария испытывала сомнения, не достигла ли она успеха благодаря семейным связям или даже своему знаменитому жениху. К вящему разочарованию агента Марии — Арта Каминского, Арнольд и в самом деле сыграл некоторую роль в ее новом назначении на «Си-Би-Эс». По словам Эда Джойса, взявшего ее на работу после заключения сделки с Каминским, при уточнении некоторых деталей контракта, Арнольд выхватил у Марии трубку и заорал: «Эти условия не подходят. Сделка не состоится!», после чего швырнул трубку на рычаг. Каминский позвонил снова, но Арнольд не подпустил Марию к телефону. Ситуация в конечном итоге была урегулирована с помощью Бобби и Сарджента Шрайверов, объяснивших Арнольду, что в их семье заключенная сделка сомнению не подлежит. Арнольд сдался, сделка состоялась, и Мария должна была отправиться в Нью-Йорк на «Си-Би-Эс». С самого начала она полностью отдалась работе, проживая в полном одиночестве в нью-йоркском отеле. Каждый день она вставала в три часа ночи, чтобы за четверть часа добраться на такси от своего отеля до студии «Си-Би-Эс» на 57-й улице в западной части Манхеттена. В половине пятого утра Мария уже читала телетайпные сообщения, затем в четверть седьмого шла в гримерную и в семь утра выходила в эфир. Каждую пятницу Мария возвращалась самолетом в Лос-Анджелес, чтобы повидать Арнольда. Или, если он был на съемках, летела туда, где они проходили. Но будни, когда работа перед камерой завершалась, проходили скучно. Она отказывалась от приглашений отобедать и проводила свободное время, главным образом, катаясь на лошадях в Центральном парке. Не принимала Мария участия и в ночной жизни Нью-Йорка, избегая посещать популярные клубы типа «Палладиум» и предпочитая ходить на чай к друзьям. На «Си-Би-Эс», как рассказывал Питер МакКейб в «Плохих новостях у Черной скалы», «Мария любила повеселиться, и с ней тоже было весело, но временами она могла быть на удивление нетерпимой, когда нарушалось ее понятие о

нравственности. Особенно, если ктонибудь из клерков развлекал ее разными историями про мужчин, про секс и всякие любовные похождения кинозвезд, которых она знала». Хотя она и преуспела больше, чем Филис Джордж, Марию постоянно раздирали противоречия: «Мне только и говорят, — писала она. — „О, она богата, красива и выходит замуж за Арнольда“. Так вот: каждый день я задаюсь вопросом, как бы мне прожить его так, чтобы позволить себе съесть пять булочек и не набрать десять фунтов. Да, у меня есть любимый, но он в трех тысячах миль отсюда, и это тяжело. Я здесь абсолютно одна. Передо мной все время стоит дилемма: поехать на ближайшие выходные к родителям или к Арнольду. Это очень трудно. Достаточно ли я уделяю внимания моим друзьям, моим братьям? Все время приходится изворачиваться». Теперь, когда они наконец обручились, отношения Марии и Арнольда должны были получить дальнейшее развитие, но тем не менее они встречались реже, чем когда-либо. На первый взгляд их жизнь врозь объяснялась работой Марии в Нью-Йорке и тем, что Арнольд не мог покинуть Лос-Анджелес. Но такая жизнь, казалось, устраивала Арнольда. Во всяком случае, эта странная ситуация явно затянулась. Никогда не признававший устоявшихся обычаев, Арнольд, благодаря «Си-Би-Эс» и честолюбию Марии, и на сей раз ухитрился совместить свою будущую семейную жизнь с укоренившимися привычками. Он и Мария начнут жизнь как семейная пара на разных побережьях Америки и не предпримут ничего, чтобы изменить такой образ жизни. Марии предложили работу в Лос-Анджелесе в качестве интервьюера в другой программе «Си-Би-Эс» — предложение, позволявшее ей чаще бывать с Арнольдом, — но она отклонила его.

В ноябре 1985 года, за пять месяцев до дня свадьбы, Арнольд купил примерно за пять миллионов долларов особняк в испанском стиле на Пасифик Палисейдз, где его ближайшими соседями стали звезда сериала «Династия» Джон Форсайт и на некоторое время, по иронии судьбы, Сильвестр Сталлоне и Бриджит Нильсен. Дом располагался на двух акрах парка, раскинувшегося на террасах, которые вели к живописному ручью. Особняк, в котором насчитывалось семь спален и четыре ванных комнаты, имел все необходимые для дома голливудской звезды удобства: бассейн, теннисный корт и, разумеется, гимнастический зал. По словам Арнольда, он рассчитывал, что его дети будут расти в новом и просторном доме. 1 ноября в Чикаго Арнольд приступил к съемкам фильма «Жестокий обман». В нем он исполняет роль агента ФБР, которого за превышение полномочий увольняют из Бюро. Рассчитывая вернуться на прежнее место, он

уступает мольбам своего бывшего коллеги, обратившегося к нему с просьбой проникнуть в чрезвычайно опасную банду и уничтожить ее. В фильме предпринимается попытка очеловечить образ героя Арнольда — в сюжет введена жена-алкоголичка и интрижка с любовницей гангстера, роль которой исполняет Кэтрин Харрольд. Арнольд и Дино Де Лаурентис на протяжении всех съемок спорили об этой сюжетной линии. «Ну, нет! Ты трахаешь девушку! — настаивал Дино. — Ты ее трахаешь и отваливаешь! И идешь спать с женой!». Но Арнольд, интуитивно чувствовавший господствовавшие в стране настроения, был непреклонен: «Этим будешь заниматься ты, Дино. Но не я. Я хочу выглядеть в фильмах значительнее, чем в жизни, а не хуже, не говоря уже о том, что общественное мнение склоняется к консерватизму». Эта тенденция, которую он так хорошо ощущал, чрезвычайно нравилась Арнольду. В самом деле, всего через месяц после помолвки с Марией он предложил свои услуги новому и в то время безупречному выразителю этики консерватизма, бывшему генеральному секретарю ООН Курту Вальдхайму. В сентябре 1985 года, когда обвинения о связях с нацистами в годы войны еще не были предметом яростных нападок общественности, Вальдхайм объявил о намерении выдвинуть свою кандидатуру на предстоящих президентских выборах в Австрии. Подруга Арнольда Эрика Циммерман познакомила Шварценеггера с венским архитектором Герхардом Велли, представителем организации «Молодежь за Вальдхайма». В результате, 12 сентября 1985 года Арнольд выступил в поддержку Вальдхайма. Он опубликовал открытое письмо к своим австрийским соотечественникам, в котором объяснял, что, на его взгляд, Вальдхайм — наиболее достойный претендент на высший в Австрии государственный пост. 4 марта 1986 года Всемирный еврейский конгресс впервые предал гласности преднамеренное сокрытие Вальдхаймом некоторых фактов из своего прошлого. Дальше-больше: 1 апреля конгресс подкрепил свои обвинения документами, из которых следовало, что Вальдхайм служил в оперативном отделе штаба части, участвовавшей в «Бойне у Козары» — нацистских зверствах в Югославии в годы войны. Наконец, 24 апреля министерство юстиции США дало рекомендацию не допускать Курта Вальдхайма на территорию Соединенных Штатов.

Через два дня в Хайяннисе (штат Массачусетс), Арнольд Шварценеггер взял в жены Марию Шрайвер. Подготовка к свадьбе заняла восемь месяцев. В феврале Мария и Юнис вылетели в Париж, чтобы с помощью Пэт Кеннеди-Лофорд выбрать свадебное платье для Марии у Диора на авеню Монтень. Торжества

начались задолго до дня свадьбы. 22 февраля в «Икзайлс» на Манхеттене состоялся предсвадебный прием для счастливой пары и сорока гостей. Юнис и Сарджент Шрайверы, а также Джон Ф. Кеннеди-младший, Кэролайн Кеннеди и Бобби Шрайвер потягивали марочное итальянское вино и отведывали треску во фритюре, закуски из красного перца, прошюто (Окорок итальянского приготовления. — Прим. пер.), тушеных овощей и паштета со сливочным сыром рикотта. Затем следовала форель, а на десерт — шоколадное суфле. Весь ужин, включая плату за аренду восьмидесятиместного ресторана, обошелся в 3 000 долларов. В апреле, в Санта-Монике для Арнольда устроили «мальчишник», подробности которого не афишировались. Говорили только, что это было из ряда вон выходящее событие, во время которого Арнольда заковывали в цепи и отдавали на милость повелительницы бала. Мать невесты, Юнис Шрайвер, прилетела в Хайяннис-Порт во вторник 22 апреля. На следующий день к ней присоединилась Мария, которая перед тем, как покинуть Нью-Йорк, не упоминая о свадьбе, сообщила зрителям «Утренних новостей Си-Би-Эс», что она на несколько дней берет отгул. На следующий день Мария появилась в отеле «Данфи Хайяннис», где занялась гимнастическими упражнениями и сделала массаж. В пятницу 25 апреля Арнольд, участвовавший в съемках фильма «Хищник» в Пуэрто-Валларта, прилетел в Хайяннис-Порт, арендовав для этих целей реактивный самолет «Лир». В тот же день Кэролайн Кеннеди устроила ланч в коттедже своей матери, расположенном во владениях Кеннеди. Тридцать гостей лакомились чаудером (Густая похлебка из рыбы или моллюсков со свининой, сухарями и овощами. — Прим. пер.) из кружек, украшенных надписью «Мария и Арнольд. Лучший чаудер». Вечером в арендованном Шрайверами по этому случаю изысканном клубе «Хайяннис-Порт Кантри Клаб», Аурелия выступила хозяйкой на обеде, служившем как бы генеральной репетицией основного торжества. В ходе приема, получившего название «Австрийский пикник на берегу моря», гостей развлекал разудалый австрийский оркестр и обслуживали одетые в австрийские национальные костюмы официантки, а украсившие клуб полотнища были выдержаны в американских и австрийских национальных цветах. Сам обед тоже представлял собой ассорти из австрийских и американских блюд: венский шницель, омары, корзиночки с клубникой и торт-безе. Во время обеда Кэролайн Кеннеди, Сидни Лоуфорд-Мак-Келви и Кортни Кеннеди-Рух исполнили песню о трансконтинентальном союзе новобрачных. После этого шестеро подружек невесты внесли свой вклад, исполнила скетч «Старый МакАрнольд» на мотив песенки «У

старого МакДональда ферма была». Подружки невесты, во главе с самой почетной — Кэролайн Кеннеди, преподнесли Марии подарок: набор из гребня, щетки для волос и зеркала чистого серебра в комплекте с серебряным подносом, на котором были выгравированы их имена. В ответ Мария одарила подружек черными лаковыми шкатулками с ручной росписью внутри, изображающей дом Роуз Кеннеди. Мария выглядела безмятежной и, казалось, вовсе не волновалась в связи с предстоявшим днем. По словам ее школьной подруги Тео Хейс, Мария до мельчайших деталей единолично руководила всеми свадебными приготовлениями. Список гостей служил предметом всевозможных догадок представителей мировой прессы, собравшихся в Хайяннис-Порт для освещения свадьбы. По просьбе Шрайверов-Кеннеди местная авиакомпания «Провинстаун-Бостон Эйрлайн», услугами которой должны были воспользоваться многие члены семьи и свадебные гости, закрыла доступ к своим компьютерам, чтобы какой-нибудь кассир не раскрыл прессе список гостей. В день свадьбы толпы любопытствующих начали собираться около белого, обшитого досками здания церкви Св.Франциска Ксавьера с шести утра. Недопущенные на свадебную церемонию репортеры стояли через дорогу на трибуне для зрителей, вытягивая шеи и толкаясь, чтобы занять удобное для съемок место, в то время как полчища полицейских, собранных по этому особому случаю, поддерживали правопорядок. В четверть одиннадцатого к церкви начали прибывать лимузины и арендованные автобусы с гостями и участниками свадебной церемонии. Как пресса, так и собравшиеся у церкви толпы народа ожидали увидеть парад знаменитостей, сравнимый лишь с церемонией вручения премии «Оскар» в Голливуде. Но все были разочарованы. Ибо список не только гостей, но и участников свадьбы отражал верность жениха своему прошлому и верность невесты своей семье. Большинство из более или менее заметных голливудских звезд в него не попали. Принцесса Монако Каролина, Клинт Иствуд, Сильвестр Сталлоне и Бриджит Нильсен, которые, по слухам, должны были быть среди присутствующих, не появились. Однако такие знаменитости, как Сьюзен Сент-Джеймс, Том Брокау, Форрест Сойер и Эбигейл Ван Бюрен, прибывшая в белом «Роллс-ройсе», были здесь. В середине церемонии прибыла под приветственные возгласы толпы партнерша Арнольда по «Конану-разрушителю», вечная любимица публики Грейс Джоунс, одетая в облегающее платье от Алайи и закутанная в меха, под руку с Энди Уорхолом. Подружками Марии были Алекса Хэлеби, сестра Лизы Хэлеби, ныне королевы Иордании — Нур; Шарлот Соумз Хэмбро, одна из

давних приятельниц Марии; Тео Хэйс; телепродюсер Роберта — Холландер; кузина Сидни — Лоуфорд МакКелви; невеста Тимоти Шрайвера — Линда Портер; кузина Кортни Кеннеди-Рух; давняя приятельница Рене — Мейер Шинк; а также писательница Ванда МакДаниэл-Радди, чей трехлетний сын, крестник Марии Джон Радди выступал в роли хранителя кольца. Со стороны жениха первым прибыл Франко Коломбо. Во главе группы, представляющей культуристское прошлое Арнольда, в качестве шаферов выступали Альберт Бусек, открывший Арнольда в Штутгарте; Свен-Оле Торсен, один из его ближайших друзей по культуризму; американский культурист Билл Дрейк; его партнер по бизнесу Джим Лоример; Нил Нордлинджер; а также Мицу Кавасима, антрепренер и друг Арнольда с Гавайев. Мужская половина семейства Шварценеггеров и Шрайверов замыкала список шаферов: Карл Шварценеггер, кузен Арнольда; его племянник и крестник Патрик Кнапп; а также, разумеется, братья Марии. Юнис Шрайвер была одета в изумрудного цвета шелковый костюм от Диора в тон с изумрудными туфлями и шляпкой. Аурелия, в сиреневом платье под норковой шубой, тепло приветствовала всех без исключения, причем ее белозубая улыбка почти ничем не отличалась от улыбки невесты. На подъезде к церкви Арнольд велел водителю автомобиля притормозить. Затем, открыв окно лимузина и держа в руке сигару, широко улыбнулся толпе. Войдя в церковь, он лично приветствовал почти каждого из пятисот гостей, заметив при этом: «Я и не думал, что здесь будет столько народа», а затем добавил: «Мы все немножко взволнованы». Как только он вошел в церковь, на него уже были нацелены три видеокамеры, готовые снимать свадебную процедуру с тем, чтобы, по словам Арнольда, «дома я смог бы поучаствовать в своей свадьбе». Мария, запоздавшая на несколько минут, подъехала на лимузине стоимостью 60 000 долларов. Ее сопровождали подружки, все одетые в костюмы по эскизам, созданным самой невестой: длинные юбки и гармонирующие с ними жакеты из муара, выдержанные в голубых, розовых и сиреневых тонах. Свадебное платье Марии от Диора из муслина с тугим корсажем французского кружева, как согласились все собравшиеся, было роскошным. Его шил Марк Боухан, также приглашенный на свадьбу. Стоячий викторианский воротник был украшен жемчугом, а сзади оно застегивалось на тридцать три обтянутые кружевом пуговицы. Шлейф был одиннадцати футов длиной, а букет состоял из ландышей, душистого горошка, французских роз Ариадны, касабланкских и амазонских лилий, орхидей, белых пионов, фрезии, цветущей вишни и дикой моркови, перетянутых лентами французского сатина.

Собравшиеся у церкви приветствовали невесту криками: «Мария, Мария», и сошлись в том, что она прекрасна, словно принцесса из сказки, идеально подходящая своему Чарующему Принцу. Мария шла к алтарю под звуки свадебного марша из «Лоэнгрина» Вагнера. Службу, длившуюся больше часа, отправлял преподобный Джон Бэптист Риордан, прислуживал ему Эдвард Даффи, священник церкви Св.Франциска. Тедди Кеннеди, Юнис Шрайвер, Сарджент Шрайвер и Джим Лоример читали отрывки из Библии, а Опра Уинфри, знавшая Марию со времени совместной работы на местной телевизионной станции в Балтиморе, прочитала стихотворение Элизабет Бэррет Браунинг «О, как я люблю тебя», выбранное самой Марией. Из уважения к европейской традиции как жених, так и невеста одели обручальные кольца. Однако, по просьбе Марии, она и Арнольд были объявлены «мужем и женой», а не «мужчиной и женой его». Молодые покидали церковь. Звучала тема Марии из фильма «Звуки музыки». Счастливая пара была встречена на улице криками восторга, но отказалась целоваться на виду у фотографов. После церемонии Мария и Арнольд сели в поджидавший их лимузин и отбыли во владения Кеннеди. Прием состоялся под двумя шатрами, развернутыми на просторах лужайки Кеннеди. Он был грандиозен. Гостям запретили фотографировать. Тем не менее Уэг Беннетт — тот самый Уэг ранних лондонских дней, Уэг, знавший столько секретов Арнольда — пронес контрабандой под цилиндром свой верный «Кэнон» и то и дело щелкал затвором. Арнольд, которому донесли об этом, все же разрешил старому другу продолжить съемку. В результате, Уэгу удалось сделать на приеме более 350 запечатлевших славное событие фотографий, многие из которых появились впоследствии на страницах британского журнала по культуризму, издаваемого женой Уэга Дианой. Под первым шатром стол был накрыт для коктейля. Здесь собрались почетные гости: Бернд Циммерманн, Арт Зеллер и Уэг и Диана Беннетты. Они беседовали с Джекки Онассис, сдержанной и полной достоинства в ее темно-синем костюме, а также с другими знаменитостями. Стол под вторым шатром предназначался для обеда. Здесь же должны были состояться танцы. Его украшали четырнадцать цветущих фруктовых деревьев, включая грушу, вишню, яблоню, сливу и усыпанную цветами дикую яблоню. Учитывая довольно прохладную погоду — было всего около пяти градусов тепла — оба шатра обогревались. Остальные гости обедали за другими покрытыми розовыми скатертями столами, в центре которых стояли корзины с лилиями, розами, анемонами, душистым горошком и цветущей дикой морковью. Каждая

корзина была скомпонована специалистами нью-йоркской «Роберт Изабелл Компани». Обед, приготовленный поварами «Криэйтив Гурмет», из Бостона, включал такие деликатесы как холодные омары, куриные грудки в шампанском с креветками и спаржей, паштеты и жюльен из овощей на гарнир, и после всего этого — десерт: продолговатая калифорнийская клубника, венские пирожные и фирменное австрийское блюдо — шоколад с марципанами. Свадебный торт, сотворенный Стивеном Хеснаном, шеф-поваром семейства Шрайверов, весил 425 фунтов и был семи футов в высоту. Представлял он собой восемь ниспадающих ярусов бисквита из всевозможных ингредиентов и был точной копией свадебного торта Юнис и Сарджента. Глазированный кремом, торт был украшен розовыми лентами, цветами, кружевами, белосахарными колокольчиками и увенчан фигурами невесты и жениха. Под аккомпанемент оркестра из семи музыкантов под управлением Питера Дюшена Мария и Арнольд станцевали первый вальс. К этому времени невеста сменила свои атласные туфельки на теннисные тапочки. Незадолго до свадьбы она оступилась и сломала палец ноги. Мария выглядела прекраснее, чем когда-либо. Ее лицо освещала радость. Это был ее день — день, к которому она шла с пятилетнего возраста. Она была теперь замужем, и Арнольд принадлежал ей. Во время приема Арнольд и Мария ускользнули от гостей, чтобы повидаться с Роуз Кеннеди, которая сильно болела и не могла присутствовать ни на свадебной церемонии, ни на приеме. Арнольд танцевал со своей тещей, затем с Джекки Кеннеди-Онассис. В перерыве он показал своей родне исполненный Энди Уорхолом на шелке портрет Марии. Обращаясь к гостям, Арнольд произнес: «Я люблю ее, и я всегда буду заботиться о ней. Не надо беспокоиться». В атмосфере любви, витавшей в воздухе, маловероятно, чтобы кто-либо в этом сомневался. Напутствуемые добрыми пожеланиями друзей, членов семьи и всех гостей, присутствовавших на их восхитительной свадьбе, Арнольд и Мария сели в частный реактивный самолет и взяли курс на Антигуа, где в роскошном отеле «Сент-Джеймс клаб» их ждал номер, в котором они должны были провести медовый месяц. Кеннеди и Шрайверы были удовлетворены, что Мария и Арнольд, наконец, поженились. Этель Кеннеди, в восторге от переполнявших ее чувств, сказала: «Это была самая прекрасная свадьба, на которой я когда-либо присутствовала». Давние друзья Арнольда были восхищены тем, что он помнит о них, и польщены, что их пригласили на столь престижную свадьбу. А мировая пресса заработала на сенсации, рассказав о сказочном союзе между наследницей Кеннеди и голливудской кинозвездой.

Арнольд, как и его отец, женился в тридцать восемь лет. Его холостая жизнь закончилась. О своей новообретенной родне — Кеннеди-Шрайверах — он говорил: «Они всегда относились ко мне с большим уважением». И это было на самом деле так, хотя во время свадебного приема новоявленный тесть Арнольда Сарджент Шрайвер столкнулся с неприятностью, которая, как он позднее признался, оказалась для него полной неожиданностью. Произошла лишь одна маленькая неувязка, прозвучала только одна фальшивая нотка, грозившая, впрочем, омрачить радость празднества. На все добрые пожелания и надежды, на семейное счастье, любовь и согласие легла черная тень от подарка, преподнесенного одним человеком. Многие его восприняли как злой рок. Это были две куклы из папье-маше в полный рост. Одна — точная копия Арнольда — держала на руках другую — одетую в платье с облегающим лифом и широкой юбкой Марию. Куклы были присланы с родины Арнольда — Австрии — Куртом Вальдхаймом. Выставленные на почетное место во время свадебного приема, они выглядели несколько зловеще, словно могли неожиданно раскрыться и выпустить на волю усмехающийся призрак Курта Вальдхайма, затаившийся в их туловищах. Ведь только накануне в прессе появилась очередная заметка о двойной игре Вальдхайма, его нацистском прошлом и о свидетелях нацистских зверств, в которых он мог быть замешан. Но, как бы то ни было, подарок мог остаться незамеченным, если бы не сам Арнольд. Может быть, он опять попытался отстоять свою независимость, — что, по словам одного из гостей, заставило Джекки Кеннеди-Онассис побледнеть — так или иначе Арнольд произнес следующие слова, записанные позднее присутствовавшим на свадьбе Энди Уорхолом себе в дневник: «Мои друзья не хотят, чтобы я упоминал имя Курта из-за всей этой недавней шумихи с нацистским прошлым и спором в ООН, но я люблю его, и Мария любит его, и потому — спасибо тебе, Курт». Терри Смит из «Си-Би-Эс», также присутствовавший на свадьбе, подтверждает, что заметки Уорхола отразили лишь суть высказываний Арнольда. Далее — и все испытали при этом неловкость — Арнольд продолжал превозносить Вальдхайма, добавив, что тот пал жертвой недружелюбных нападок прессы. Как оказалось, Арнольд отчасти был прав. С Вальдхайма и в самом деле была снята большая часть обвинений, прозвучавших в 1986 году. Но ведь в момент свадьбы эти обвинения были только что выдвинуты и мировое общественное мнение осуждало Вальдхайма. Поскольку на приеме присутствовали многочисленные представители прессы и демократической партии, выступление Арнольда в защиту Вальдхайма не прошло

незамеченным, найдя отражение в целом ряде публикаций — от журнала «Пипл» до «Нью-Йорк дейли ньюс» и культуристской прессы. Впрочем, от своих слов в защиту Вальдхайма Арнольд так и не отказался. Точно так же, как он не отказывался и выступать в поддержку Вальдхайма. В мае 1986 года, через несколько недель после свадьбы Арнольда и Марии, Курт Вальдхайм был избран президентом Австрии, набрав 54 процента голосов. Лауреат Нобелевской премии мира Илиа Визель сказал по этому поводу: «Избрание Вальдхайма австрийским народом — это пятно, которое ляжет на Австрию и на все человечество». Несмотря на нарастающий поток свидетельств о сомнительном прошлом Вальдхайма, в августе 1986 года Арнольд посетил австрийского президента в его летнем доме на озере Аттерзее близ Зальцбурга. Этот визит, чрезвычайно широко освещавшийся как в австрийской, так и в немецкой прессе, был весьма примечателен, ибо Вальдхайм, лишенный тогда права въезда в Соединенные Штаты (запрет, который так и не был отменен), редко принимал важных персон, так как был подвергнут остракизму во всем мире.

Вальдхайм разрекламировал визит Арнольда и, воспользовавшись моментом, позировал с ним для фотографов. Арнольд, казалось, не возражал против такого обращения и впоследствии описал это посещение как «частную и дружескую встречу старых приятелей». Сисси Вальдхайм, жена президента и первая леди Австрии, подала Арнольду на завтрак мюэсли (Пюре из сухофруктов и овсянки с молоком. — Прим. пер.), кофе и яичницу с ветчиной. Во время трехчасовой встречи президент, одетый в джинсы и спортивную рубашку, пригласил своего гостя пройтись вдоль озера. Согласно сообщениям в прессе, хозяин и гость продолжили затем разговор, причем Вальдхайм поблагодарил Арнольда за помощь в ходе предвыборной кампании. Осенью 1988 года, отвечая на вопрос журналистки Шарон Черчер о его приверженности Вальдхайму, Арнольд отказался назвать встречу с ним необдуманной. Арнольд не несет и никогда не нес ответственности за политические пристрастия своего отца. И все-таки, почему Арнольд, вместо того, чтобы осудить Вальдхайма за его двойную игру и попытку утаить нацистское прошлое, принялся публично защищать его. Друзья Арнольда и, как говорили, его жена хотели, чтобы он избрал иной путь.

Глава 19: Май 1986-Февраль 1990

Арнольд и Мария ушли с приема в честь их свадьбы 26 апреля в половине шестого вечера. На следующий день в половине десятого утра Арнольд уже делал зарядку в отеле «Сент-Джеймс клаб» на Антигуа, где он проводил с Марией медовый месяц. После физических упражнений новобрачные приступили к позднему завтраку, причем свежеиспеченная г-жа Шварценеггер выглядела, по слухам, весьма соблазнительно в черном облегающем трико и с ярко-розовым бантом в волосах. Их медовый месяц на Антигуа в номере с садом на крыше отеля за 800 долларов в день проходил безмятежно. Но вскоре пришла пора вернуться к обыденной жизни, ибо жених и невеста, по обыкновению, Должны были идти каждый своим путем. 12 мая Мария вернулась к работе на «Си-Би-Эс», ведя репортаж с премьеры фильма «Снайпер» в «Астор плаза» на Манхеттене, а Арнольд отправился за три тысячи миль в Калифорнию. Трансконтинентальный характер их широко разрекламированной семейной жизни многих ставил в тупик, но, казалось, вполне устраивал Арнольда. Не прошло и четырех недель после окончания медового месяца, как он заявил: «Я очень независимый человек. Я могу жить один, но в то же время радуюсь, когда мы вместе. Временами нам с Марией не хватает времени, иногда у нас его слишком много. Но у нас все получается. Я не вижу в этом какой-либо проблемы». В июле 1988 года Арнольд все еще старательно работал над созданием имиджа благополучной семьи и, отвечая на вопрос журнала «Космополитэн», каким образом выдерживает испытания их семейная жизнь в связи с работой, которая так далеко отдаляет мужа и жену друг от друга, заявил: «Мария и я очень любим друг друга. Мы оба невероятно нуждаемся друг в друге — для меня нет большего счастья, как быть вместе с Марией, так же, как и для нее, быть вместе со мной. Едем ли мы куда-либо вдвоем, или катаемся на лошадях, или идем в картинную галерею, или просто проводим время с ее семьей или с моей матерью, нам хорошо вместе. Мы дорожим обществом друг друга так сильно, что планируем наши встречи, как и дела — все это расписано в наших планах, точно так же, как и работа». Хорошо понимая, чего ждет от него публика, Арнольд прилагал все усилия, чтобы подать свою недавнюю женитьбу как результат необычайного сексуального согласия. В те дни журнал «Пипл» напечатал следующее его интервью: «Мы летаем на самолете туда-сюда, как только представится возможность и тратим на телефонные разговоры тысячи долларов… У нас —

секс по телефону». Но, чтобы такой образ жизни не вызвал интригующих сомнений, выступая в «Утренних новостях Си-Би-Эс», он особо подчеркнул все прелести Марии. Так, на вопрос ведущей Форрест Сойер Арнольд ответил: «Она буквально дьявол в постели. Повторяю, она в постели — сущий дьявол». Позднее он расписывал свою семейную жизнь в еще более радужных красках, утверждая: «Я не думаю, что женитьба как-то изменила меня… Говорили, я буду чувствовать себя скованным и не смогу, скажем, поехать кататься на лыжах, когда и куда захочу. Я — независимый человек. И ничего у меня не изменилось. В то же время следует, наверное, согласиться с мнением окружающих: после свадьбы я стал добрее, не так выпячиваю себя, держусь сдержаннее и становлюсь все большим домоседом». Арнольд и Мария воплощали собой идеал современной семейной пары: образ их здоровой, могущественной, преуспевающей и прекрасной семьи рекламировался по всей Америке на обложках самых популярных журналов. Для публики было очевидным, что союз Арнольда и Марии будет длиться долго, затягивая их обоих в водоворот активной деятельности, путешествий, светской жизни и никогда не прекращающегося успеха. Фильм «Жестокий обман» вышел на экраны 6 июня 1986 года и дал хорошие сборы. Критика отмечала: «В картинах, подобных этой, Шварценеггер выглядит весьма привлекательно. Пусть он делает таких побольше».

В августе Арнольд съездил с Марией в Грац навестить мать. Когда Мария возвратилась в Америку, он с Аурелией поехал в Вену, где они остановились в «Хилтоне» и 22 августа присутствовали на премьере «Жестокого обмана» в венском кинотеатре «Колизеум». Затем, словно утверждая за собой добрачное право совершать чисто мужские путешествия, Арнольд поехал в Цюрих кататься на велосипедах с Берндом Циммерманом. Пришел сентябрь. Арнольд выезжает на конкурс «Олимпия — 1986», где завоевывает почетный приз. 6 ноября, в первый после свадьбы день рождения Марии, ее муж пригласил Венский хор мальчиков на вечеринку в честь праздника в их лос-анджелесский дом. После выступления маленькие певчие всласть полакомились креветками, гамбургерами, пирожными и экзотическими фруктами, получив затем в подарок майку с портретом Арнольда. Рождество 1986 года, а потом и новогодние праздники прошли, как было заведено Арнольдом еще в холостяцкой жизни: Рождество он провел с матерью в Зеефельде, после чего покатался на лыжах с Циммерманном, а затем возвратился в Америку, чтобы встретить Новый год с Марией. Первые месяцы после женитьбы показали, что Арнольд не собирается радикально менять свой стиль жизни. Позднее,

отвечая на вопрос, какие причины Арнольд и Мария обычно находят для ссоры, Арнольд поведал Опре Уинфри в ее шоу: «Я думаю, что сейчас поступаю правильно, когда уезжаю из города ради рекламной кампании. Конечно, Марии хотелось бы, чтобы я оставался дома. Ведь она так нуждается во мне». При этом Арнольд саркастически кашлянул и затем добавил: «Да, мы временами спорим по поводу моих отлучек. Так ли уж необходимо мне быть в дороге столько времени? Так ли уж нужно кататься на лыжах тридцать дней каждую зиму? И двадцать из них — без нее, с друзьями. Так что я думаю, все это действительно ей не нравится — и мне бы, естественно, такое не понравилось. Все это можно понять». Возможно или невозможно понять, но, повторяем, стиль жизни Арнольда не претерпел изменений. В начале 1987 года Арнольд начал снимать «Бегуна» — оригинальный научно-фантастический фильм. 2 июня 1987 года он удостоился чести поставить свой автограф в Голливуде. Мария и Аурелия присутствовали при этом, Арнольд был тронут, горд тем, что он — сельский мальчик из Австрии — обладает теперь своей собственной звездой — за номером 1847 — на Голливуд-бульваре. (В честь выдающихся голливудских киноактеров на вишневом тротуаре многокилометрового проспекта Голливуда выложены светлые звезды с обозначением имени актера и присвоенного ему номера. — Прим. ред.) Вскоре он добился еще большего успеха. Новый фильм «Хищник» вышел на экраны 12 июня и за первые три недели принес невероятную сумму 34, 9 миллиона долларов, завоевав тем самым приз «Звезда года — 1987», присуждаемый Национальной ассоциацией владельцев кинотеатров. В «Хищнике» — фильме, который Арнольд снимал в Пуэрто Валларта как раз в канун свадьбы — он вновь выступает в героической роли специального агента, посланного в Южную Америку с заданием убить невидимого хищника из глубин Вселенной, обладающего тепловым зрением и способного сдирать с человека живьем кожу. Режиссер «Хищника» Джон Мак Тирнан высоко оценил способности Арнольда. «Его возможности как актера каждый день расширяются, — говорил Мак Тирнан. — Меня предупреждали, что придется делать по 112 дублей, пока он не сыграет, как надо, но все оказалось иначе. Мы никогда не делали больше девяти, причем четыре из них по причине проблем с камерой и лишь два — игры Арнольда или какого-нибудь другого актера. Этот парень станет вторым Джоном Уэйном». Может, он и стал бы им. Но Арнольд начал потихоньку отходить от стереотипа и искать более многогранный образ. Правда, в то время это были лишь слабые попытки. Примечательно, например, его мечтательное высказывание:

«Трудно делать героические фильмы и показать в них свою уязвимость». В частной жизни Арнольд старался не дать звездной болезни одолеть его и отказывался от найма телохранителей или шоферов. С ревом проносясь по Голливуду в собственном красном «Порше» или на «Харлей Дэвидсон», он утверждал: «Вы видите: звезды нанимают людей, чтобы те водили за них автомобиль, отвечали на телефонные звонки, назначали свидания, выбирали им одежду и подбирали за ними обувь. У них есть даже люди, которые ходят или бегают за них. А потом эти „звезды“ начинают удивляться, почему у них ничего не получается и они чувствуют себя оторванными от окружающих. Свой камин я предпочитаю растапливать сам. Мне нравится все делать самому. Мне нравится быть звездой и не выглядеть дураком». В ноябре 1987 года «Бегун» вышел на экраны и, по словам продюсера Кейта Бэришу, вызвал у женской половины зрителей наибольший восторг по сравнению со всеми прочими фильмами Арнольда. «Бегун», в котором в одной из главных ролей — ведущего шоу-игры будущего — снимался Ричард Доусон, рассказывает о первом фашистском режиме Америки, при котором в рамках напоминающей гладиаторские бои телевизионной программе под названием «Бегун» пленникам надлежит ускользнуть от разного рода убийц. Напряженность сюжета несколько смягчается сценарным текстом, дающим Арнольду возможность привнести в него комедийные моменты. Джим Браун, например, спускается с небес на изрыгающем пламя портативном реактивном двигателе. Арнольд язвительно замечает при этом: «Здрасьте, приехали!». Казалось, он наслаждался проблесками дегероизации своего персонажа, утверждая, что скоро сделает комедию. И тот, кто следил за его карьерой, не испытывал никаких сомнений, что Арнольд, как всегда, достигнет поставленной цели. 1988 год начался, так, как и всегда у Арнольда — с катания на лыжах в Австрии.

Перед тем, как приступить к съемкам следующей картины «Красная жара», Арнольд, по просьбе режиссера Уолтера Хилла, сбросил десять фунтов. В фильме он исполнял роль русского милиционера Ивана Данко, направленного в Америку, чтобы отомстить за смерть одного из своих коллег и привезти в Россию его убийцу. Глядя, как он смотрится в форме русского милиционера — столь похожей на мундир Густава, который Арнольд примерял в детстве — Хилл заметил: «Секрет Арнольда — его лицо средневекового воителя, проникнутое великим, чуть ли не королевским достоинством». Согласно сценарию, русские изображались, как люди, которым не чуждо ничто человеческое. В свете наступающего потепления международного климата это

был очень грамотный выбор. Арнольд, с его блестящей интуицией, предвосхитил настроения американцев. В отличие от тактики его взаимоотношений с конкурентами в мире культуризма, поведение Арнольда по отношению к коллегам в кино, кроме очевидного исключения в лице Сильвестра Сталлоне, сводилось к тому, чтобы помогать им, хвалить и пленять. Основным партнером Шварценеггера по «Красной жаре» был Джим Белуши. Арнольд, как этого ему и хотелось, произвел большое впечатление на Белуши, который позднее говорил: «Это очень интеллигентный актер. Я прозвал его „профессор“. Вне экрана говорил только он. Он научил меня, как приводить в порядок финансы, поступать с собственностью, организовывать рекламу…» Фильм, съемки которого проходили частично в Будапеште и Чикаго, начинается в русской бане, где Арнольд сталкивается с торговцем наркотиками. Эпизод в бане снимался в Шладминге, неподалеку от Граца. Радость Арнольда от того, что съемки проходят поблизости от его дома, была короткой — на съемочной площадке произошла трагедия. 6 февраля от внезапного сердечного приступа в возрасте пятидесяти четырех лет умер дублер Арнольда — Бенни Доббинс. По словам очевидца, Арнольд, хорошо относившийся к своему дублеру и только что преподнесший Бенни подарок в память об их совместной работе, глубоко переживал эту смерть. Он должен был присутствовать на ежегодном балу в Венской опере вместе с матерью и Марией, которая специально ради этого собиралась прилететь в Австрию, но отменил все свои планы из уважения к памяти Бенни. 9, 10 и 11 февраля съемочная группа работала в Москве. Это была первая американская труппа, получившая разрешение производить съемки на Красной площади. Благодаря невероятной удачливости Арнольда и его чувству времени труппа «Красной жары» оказалась на Красной площади как раз в тот день, когда Горбачев объявил о выводе советских войск из Афганистана, подтвердив тем самым способность Арнольда точно предвосхитить политический климат. «Красная жара» была показана 17 июня в полутора тысячах кинотеатров по всей стране. Однако фильм не принес ожидаемого успеха. Тем не менее он стал известен как картина, за которую Арнольд получил сногсшибательную сумму — 10 миллионов долларов. В довершение всего, обозреватель из «Нью-Йорк тайме» отвесил ему комплимент, написав: «Хотя г-н Белуши играет в фильме главную комедийную роль, самым комичным все-таки остается г-н Шварценеггер». В марте растущий авторитет в Голливуде позволил Арнольду держать вступительные испытания в мужском клубе «Фрайарз клаб». Самое длинное в истории клуба, оно

продолжалось пять часов. Подначки так и сыпались со всех сторон. Доминировали при этом актеры комедийного плана, что позволило потом Арнольду играть в комедии Ивена Рейтмана под названием «Близнецы». Тремя годами ранее Арнольд в ходе встречи с Рейтманом выразил желание попробовать себя в комедийной роли. Рейтман заказал сценаристам разработку концепции такого фильма, которая в конечном итоге вылилась в сценарий «Близнецов».

Весной 1988 года съемки шли полным ходом. Арнольд исполнял роль Джулиуса Бенедикта — человека, созданного в пробирке с использованием наследственного материала шестерых гениев и наделенного всеми лучшими чертами человеческого характера. Арнольду нравилось сниматься в комедии, и он моментально сыгрался со своим главным партнером Денни Де Вито, исполнявшим роль его брата-близнеца Винсента. На премьере «Близнецов» 5 декабря 1988 года режиссер Ивен Рейтман подошел к Марии Шрайвер и сказал: «Люди, наконец, поймут, почему ты вышла замуж за Арнольда». И он оказался прав. Этот фильм и в самом деле продемонстрировал неизвестную ранее грань таланта Арнольда — способность играть более мягкий и более ранимый характер, чем это было в предыдущих его фильмах. Арнольд всегда был прирожденным комедиантом, хотя его отдающие садизмом шутки часто не попадали в цель. В «Близнецах» он сумел выложиться до конца, не проявляя при этом жестокости. В фильме юмор Арнольда — скорее ласковый, чем злобный, а его персонаж — исключительно обаятелен. И зрители по-настоящему полюбили его. На премьеру «Близнецов» был приглашен Джордж Буш, полюбивший Арнольда. Он сказал, что «был весьма признателен его „близнецу“ в ходе прошедшей кампании». Арнольду нравился Никсон, он обожал Рональда Рейгана и, будучи теперь влиятельной силой в Голливуде, бросил все свое значительное влияние на поддержку предвыборной президентской кампании Джорджа Буша. Он не только оказывал финансовую поддержку предвыборному фонду Буша, но и участвовал в работе общенационального съезда Республиканской партии в Новом Орлеане, заявив: «Я активно поддерживал Рейгана, хочу послушать его последнее выступление и увидеть его и Нэнси». Арнольд агитировал за Буша, выступая с речами в различных районах страны, включая штаты Нью-Джерси и Огайо. Там, благодаря культуристским конкурсам, проводимым в Коламбусе уже более десятилетия, популярность Арнольда достигла пика. Поэтому знающие люди в Республиканской партии имели все основания сказать, что никто иной как Арнольд принес Бушу победу в штате Огайо. В начале 1990 года президент Буш

вознаградил Арнольда за поддержку, назначив его председателем Совета по физической культуре и спорту при президенте. Участие Арнольда в предвыборной кампании принесло ему прозвище «Конан-республиканец» и подогрело слухи о том, что он собирается сделать политическую карьеру. Члены клуба «Арниа» все еще полагают, что политика — это судьба Шварценеггера. В октябре 1989 года «Нью-Йорк дейли ньюс» опубликовала заметку, автор которой сообщал, основываясь на дошедших до него слухах, что Арнольд «серьезно рассматривает» возможность выставить свою кандидатуру на пост губернатора Калифорнии. В январе 1990 года «Чикаго сан тайме» сообщила о планах Арнольда бороться за пост заместителя губернатора Калифорнии. Между тем, жизнь Арнольда шла своим чередом: тренировки, киносъемки, реклама и путешествия. Финансовые поступления росли день ото дня, равно как и вложения в недвижимость, составляющие ныне значительную часть его состояния. В октябре 1989 года журнал «Форбс» оценивал доход Арнольда за 1989 год в 35 миллионов долларов — на шесть миллионов долларов больше, чем в 1988 году. Это выдвигало Шварценеггера на шестое место по получаемому доходу в мире шоу-бизнеса, чуть-чуть позади занимающего пятое место Сильвестра Сталлоне, чей доход в 1989 году оценивался в 38 миллионов долларов. В 1987 году Мария оставила «Си-Би-Эс» и стала основной ведущей в передаче «Эн-Би-Си» «Сегодня воскресенье». Теперь она могла несколько больше времени проводить с Арнольдом, совершая поездки в Вашингтон, правда, лишь на один вечер в неделю. Но вскоре Марии предложили одну из самых престижных должностей в «Эн-Би-Си» с окладом, по слухам, в размере 475 000 долларов в год. В ее функции входило теперь не только вести передачу «Сегодня воскресенье», но также комментировать «Ночные новости Эн-Би-Си» по субботам и делать обзор ежевечернего центрального журнала новостей «Вчера, сегодня и завтра». В честолюбии и профессионализме Марии никто никогда не сомневался. Благодаря ее способностям и привычке упорно работать, передачи «Вчера, сегодня и завтра» с ее участием получили в целом благоприятные отзывы. Журнал «Ти-Ви гайд» дал ей прозвище «Мария Страйвер» («Борец» (англ.)). И все же ее коллеги отзывались о ней как о недостаточно подготовленном специалисте, и, согласно заметке в «Ти-Ви гайд», она проявляла в работе странную смесь житейского опыта и наивности, присущей детям из привилегированной семьи". В дальнейшем, однако, профессиональные планы Марии пошли вразрез с ее семейной жизнью. Арнольд публично утверждал: «Мария хочет иметь пятерых детей, поскольку в ее семье их было пять, а я хочу двоих,

потому что в моей семье нас было двое». Он объявил, что его дом на Пасифик Палисейдз был куплен с расчетом на будущих Шварценеггеров. Однако, хотя со времени свадьбы прошло уже три года, потомство никак не давало о себе знать. Знатоки культуризма поговаривали о стероидах, которые, как это было давно известно, при чрезмерном употреблении вызывают бесплодие и могли оказать на Арнольда негативное воздействие. Впрочем, еще Сью Мори поставила перед ним этот вопрос в 1985 году, спросив, может ли он иметь детей или стероиды уже не позволят их зачать. Арнольд ответил, что никаких проблем здесь нет. «Я проверялся, все в порядке», — заверил он ее.

О том, что Мария беременна, было объявлено в мае 1989 года. Арнольд, особенно на публике, высказывал свой восторг. В передаче «Доброе утро, Америка» он рассказывал Чентэлу, как ждет не дождется своего маленького «Шварценшрайвера». «Нешнл энкуайрер» он поведал, что с нетерпением ожидает, когда станет отцом, и хочет быть заботливым папой. Кэтрин Юнис Шварценеггер, первый ребенок Арнольда и Марии, родилась 13 декабря в больнице Св.Иоанна в Лос-Анджелесе. Будущее Кэтрин — наследницы королевства Шварценшрайверов — выглядит усыпанным золотом. Но каким образом ее рождение окажет влияние на образ жизни ее гордого отца остается вопросом. В период беременности Марии Арнольд виделся с ней приблизительно раз в две недели, участвуя в течение четырех месяцев в съемках фильма «Вспомнить все» на студии Чурубуско в Мексике. Боевик из межпланетной жизни планировалось выпустить на экраны летом 1990 года. Репутация Арнольда как звезды вдохнула новую жизнь в этот фильм, который продюсеры десять лет не могли поставить. Арнольд добился утверждения сценария и состава киногруппы и решил значительную часть вопросов, связанных с запуском в прокат этого фильма. «Вспомнить все» должен был закрепить за Арнольдом титулы короля фильмов-боевиков и суперзвезды двадцатого века. Ожидание ребенка не изменило привычного течения жизни Арнольда. Обходясь лишь шестью часами сна в сутки, он вставал в шесть утра и в семь приступал к своей ежедневной часовой тренировке в «Уролд джим». Его появление в гимнастическом зале обычно порождало волнение, особенно среди женщин, которые стремились украдкой подобраться к нему, выпрашивая автограф. Без Марии Арнольд иногда пользовался «правом сюзерена», присущим любому завоевателю, испытывая радость от трофеев и прижимая их к себе несколько крепче, чем следовало бы. Помимо спортивных игр и забав, он действительно наслаждался утренними тренировками. «Я расслабляюсь и

сплетничаю с другими парнями, — писал Арнольд, — между комплексами упражнений. Это все равно как собраться поиграть в карты или посидеть за стойкой бара… У меня нет нужды идти в мужской компании куда-нибудь вечером». После тренировки он с группой культуристов шел завтракать, причем Арнольд платил за всех, кто присоединялся к нему. Он часто ходил в «Пэтрикс Роудхаус», где около половины десятого утра его можно было застать в одном из четырех кабинетов. Здесь его тепло приветствует хозяин ресторана Билл Фишлер, который неизменно подает Арнольду яичницу из трех яиц с луком и помидорами — специально приготовленное блюдо, рецепт которого, по слухам, составлен Аурелией. Кроме того, он обычно съедал горячую английскую булочку и выпивал несколько чашек кофе. Временами, вместо того, чтобы идти к «Патрику», Арнольд завтракал в кафе «Роуз» напротив его конторы в Венис, районе, все еще населенном хиппи — несколько странном месте для штаб-квартиры убежденного республиканца, как мог бы заметить сторонний наблюдатель. В этом кафе, расположенном поблизости от «Уорлд джим», он предпочитал есть овсянку и яйца. Даже когда они с Марией бывают дома, обед доставляется из ресторана, если, конечно, Арнольд не жарит на открытом огне мясо, после чего сам моет посуду. Вместе с тем, Арнольд обычно предпочитает рыбу и цыплят. Сыр он тоже любит, но старается обходиться без него, как и без других молочных продуктов. Единственной поблажкой, которую он делает себе, это — сигары. В день Арнольд выкуривает две черные кубинские сигары «Давидофф» стоимостью 25 долларов за штуку. Во время вызвавшего споры интервью «Плейбою» он предупредил журналистку Джоан Гудмен, что интервью будет продолжаться, пока он не выкурит сигару. До беременности Марии Арнольд отдыхал с ней, играя в теннис, причем Мария неизменно выигрывала. Они также катались на лошадях: Мария — в английском седле, а Арнольд предпочитал седлать коня так, как это принято на диком Западе. Иногда они выезжали покататься на лыжах в Эспен, где у Арнольда есть близкий друг — магнат Дик Бьютера, останавливаясь там в отеле «Джером». В Эспене Арнольд любил ходить на завтрак в «Вьенерстьюб», наслаждаясь подлинно австрийским мюэсли. Родина Арнольда остается близкой его сердцу. Хотя мать навещает его в Калифорнии по меньшей мере два раза в год, он проводит в Австрии все возможное время. В 1988 году он ездил туда четыре раза: сперва — на съемки «Красной жары», затем — вместе с Марией, потом еще раз с Марией, тестем и тещей, Сарджентом и Юнис Шрайверами, и, наконец — один. Однажды, во время своего третьего визита на

родину, после того, как Альфред Герстль сделал все необходимые приготовления, Арнольд, Аурелия, Юнис, Серджент и Мария в арендованном «Мерседесе» с наемным шофером совершили короткую поездку из Граца в Таль. Там лимузин остановился у дома 145 по Таль-Линак. Здесь вырос Арнольд. Блистательных гостей ждали Хельга Андервальт, ее три дочери — Сюзанна, Элизабет, Рут и сын Давид. Проходя по комнатам, Арнольд рассказывал о холоде, нищете, голодных ночах и мечтах своего детства. Давид Андервальт был примерно в том же возрасте, что и Арнольд, когда тот дал старт своей одиссее, впервые подняв штангу и отдавшись своей первой мечте. Сегодня Давид спит в той же комнате, где когда-то Арнольд, видит перед собой те же, что и Арнольд, развалины старого замка, ходит в ту же самую школу, и учится многому из того, чему Арнольд научился когда-то. Шварценеггер задал ему вопрос, кем Давид хочет быть, когда вырастет, но тот не нашел, что ответить. Тогда вмешалась Аурелия, рассказавшая историю о том, как десятилетний Арнольд, будучи спрошенным о своем желании, провозгласил: «Я не хочу никем быть. Я хочу ходить по миру с шляпой, палкой и обезьянкой». Андервальты, знающие, что он добился несравнимо большего, воззрились на Арнольда в изумлении. В 1988 году Арнольд дважды посещал Таль, и его односельчане были вне себя от оказанной им чести. Шварценеггер — их единственная знаменитость, и они как пчелы вились вокруг него, полные почтения и любви. Швейцарский драматург Фридрих Дюрренматт написал как-то пьесу — в экранной версии она называлась «Визит» (актеры Ингрид Бергман и Энтони Куинн) — о девочке-крестьянке, которая, еще подростком забеременев, была изгнана с позором из деревни. Через пятьдесят лет, богатая и знаменитая, она возвращается в деревню и подговаривает односельчан выследить и убить человека, от которого забеременела и который затем бросил ее. Слушая, как говорят о своем Арнольде жители Таля, кое-кто из которых когда-то презирал его, нельзя избавиться от впечатления, что во время одного из своих визитов он, как героиня пьесы Дюрренматта, сможет убедить их пойти ради него на все. И не то чтобы у Арнольда в душе пылала ненависть и жажда мести. Напротив. Разве может такое произойти с ним — победителем-триумфатором всегда и во всем? И все же его посещения Таля должны были приносить ему громадную радость. Ведь он прекрасно сознавал, как далеко ушел, сколь многого достиг, как высоко вознесся, пройдя через самоистязания, тренируясь, как одержимый, на протяжении всей своей молодости и выполняя поставленную перед собой задачу сделать жизнь полной чашей. А его современники остались там

внизу, на земле и живут повседневной жизнью: ходят в кино, назначают свидания девушкам, так и оставшись уравновешенными и заурядными. В отдельные редкие моменты он выражал эти чувства превосходства и удовлетворения. В Шладминге, во время съемок начальных эпизодов «Красной жары», к нему зашел старый друг Франц Хорманн. Арнольд, охваченный вспышкой ностальгии и теплых чувств, отозвал его в сторонку и признался: «А помнишь, в те давние годы вы играли и развлекались, а я нет. Я только и делал, что тренировался. Но теперь мой черед. Теперь я могу делать все то, чем вы занимались тогда и на что у меня никогда не хватало времени. Теперь я могу наслаждаться жизнью». В его признании не было — даже если напрячь воображение — ни грана злорадства. Подход Арнольда к жизни напоминал позицию великого романиста, лелеющего мысль о том, что персонаж, который он создал, безграничен во времени и станет вечной легендой. Ибо Арнольд всегда создавал себя сам, лепил из маленького нелюбимого мальчика-неудачника, барахтающегося в нищете. Он создал шедевр, который признан во всем мире и которым все восхищаются. И все же, возможно, только возвращаясь к своим истокам, он по-настоящему оценивает величие своих достижений и наслаждается тем, что из него получилось. Только в сравнении может он вкусить сладость победы.

Эпилог

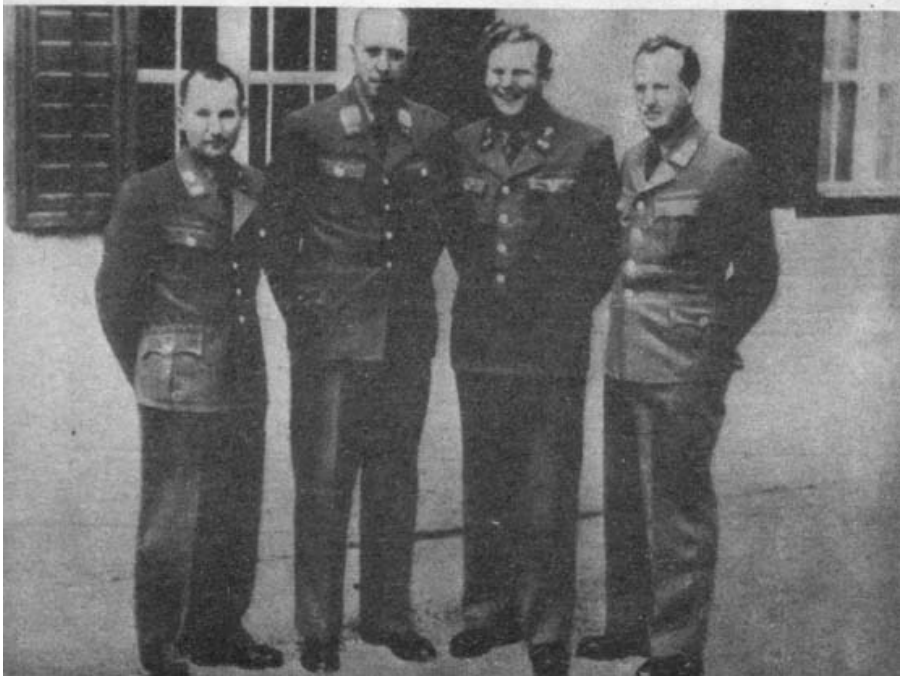
Арнольд Шварценеггер стал голливудской легендой, «Великим Гэтсби» наших дней, человеком, создавшим самого себя, чья непоколебимая вера в успех позволила покорить немыслимые вершины в поисках путей реализации избранной им судьбы. Его обаяние, интеллект и талант принесли ему все, что только могло пожелать его сердце: богатство, власть, лесть, деньги, успех. Но счастлив ли он? Или, может, он боится наступления утра, необходимости вновь писать сочинение, или ужасной перспективы, что отец вновь исчеркает его красным карандашом? Теперь, когда он покорил свою Вселенную, неужели он на заключительном этапе борьбы все еще говорит со своим собственным прошлым: «Да, пока все хорошо, но что будет на следующий год?» Так что же принесет наступающий год Арнольду Шварценеггеру, «Мистеру Сверхобаяние», прочно обхватившему своими широкими и мускулистыми руками весь мир? Чего еще, в самом деле, может желать Арнольд? И кем, в конечном итоге, он станет? В 1986 году, во время одной из редких вспышек самоанализа, он сказал: «Люди удивляются, насколько я изменился, но я все тот же. Я никогда не шел с молотка. Я всегда один и тот же, независимо от того, где я и с кем. Я чувствовал себя великолепно десять лет назад и чувствую себя прекрасно сейчас. Я полностью реализовал себя десять лет назад — и в работе, и в финансах, и в своих взаимоотношениях с людьми. И сейчас не отступаю. Мне иногда приходится даже притормаживать. Временами я слишком разгоняюсь и начинаю относится к окружающим нетерпимо. Я жду от каждого, что он все время будет восхищаться мною. Я слишком много ожидаю от людей, но мне действительно нечего в себе менять. В моей жизни нет больших разочарований. Я не хотел бы жить чьей-либо другой жизнью. Я не принадлежу к числу людей, которые, сложа руки, анализируют складывающуюся ситуацию. Это — самое плохое, что может быть в жизни». Возможно, и так. Вместе с тем, каким бы он ни казался удивительным, те, кто знает его, определенно вспомнят и о его неудачах, его слабостях, уязвимых местах в броне, которой он защитил себя, и о том, какие стимулы побуждают Арнольда действовать. По этому поводу Сью Мори рассказывала весьма характерную историю. Однажды в дни их романа она и Арнольд на пути в Эспен застряли в Денвере. Свирепствовал буран, и все авиационные рейсы были отложены. Они решили взять напрокат автомобиль и в прокатной конторе познакомились с неким джентльменом из Арканзаса. Поскольку

Арнольду богатство еще только светило в будущем, он, чтобы сэкономить деньги, предложил этому джентльмену войти в долю и поехать с ним и Сью в Эспен вместе. "Арнольд всегда жаловался, что люди осаждают его и выпрашивают автографы, — рассказывает Сью. — Но когда Арнольд понял, что этот арканзасец не имеет о нем ни малейшего понятия, он не мог успокоиться. Всю поездку Арнольд рассказывал, кто он такой и кого из знаменитостей знает. Он даже показал этому джентльмену номер журнала «Тайм», в котором была помещена фотография Арнольда как одного из выдающихся людей года, и сказал ему: «Вот это я. Если ты когда-либо попадешь в Лос-Анджелес и захочешь побывать в особняке „Плейбоя“, то я могу тебя провести». Сью все время подчеркивала, что Арнольду необходимо было внимание. «Каждому нравится быть желанным и нужным, ценимым и любимым, — говорил Арнольд. — Некоторые довольствуются тем, что их любит семья, или дети, брат или жена. Но некоторые хотят большего. Я принадлежу к их числу». Однажды он обнаружил, что перед зрителями может выжать в положении лежа на шестьдесят фунтов больше, чем на тренировках в гимнастическом зале. Может быть, в броне Арнольда и нет брешей. Может быть. Но одна, наверное, все-таки есть — страх перед безвестностью. Мария Шрайвер как-то сказала: «Люди, глубоко верящие в Бога, такие как моя бабушка, проникнуты, как бы это сказать, внутренней умиротворенностью. Они знают, что на пути наверх никому не причинили боли, не солгали и не сделали чего-либо, нарушающего их душевный покой. Несмотря ни на что, они очень сосредоточенные люди». Применимы ли рассуждения Марии к Арнольду, остается под вопросом. Но как бы то ни было, будущие историки вполне смогут рассматривать жизнь и карьеру Арнольда и культ героя, который он породил, как весьма характерную черту для мира, в котором мы живем, и, в особенности, для жаждущих успеха людей из восьмидесятых. Ибо, подобно Дональду Трампу (Трамп Дональд — финансовый магнат США, владелец, казино «Атлантиксити». — Прим. ред.), Арнольд — представитель оригинальной породы героев, идол двадцатого века, создавший новую религию самоутверждения. Безжалостность, честолюбие и финансовый успех — вот из каких черт складывалась слава Арнольда. А отнюдь не из того, что он сделал для человечества. Со многих точек зрения Арнольд и в самом деле сотворил невозможное, усилием воли поставил с ног на голову классическое определение трагедии и превратил ее в успех. Великие трагические герои Шекспира сравнивались с совершенными статуями, несущими в себе смертельный изъян,

который в конечном итоге превращал их в прах. Однако жизнь Арнольда — живое опровержение этому. Он вступил в мир, не имея ничего кроме изъянов — гонимый, нелюбимый, мрачный неудачник с разрушительными наклонностями и грандиозными фантазиями — но поборол все эти изъяны, сорвал их оковы и создал то, что сегодня в буквальном смысле слова можно назвать статуей без изъянов. Арнольд, и это очевидно, имеет все: весь мир и все что угодно в этом мире. И все-таки чего-то в нем ему не хватает. Ибо нелюбимый ребенок, ребенок, неутешно плакавший долгими тальскими ночами, продолжает оставаться неутешным, а его любовь — невостребованной. Он может быть теперь и в самом деле одним из любимых сынов человечества, но никогда не станет любимым сыном своего отца. И сколько бы любви, сколько бурных приветствий, сколько восхищения и обожания ни досталось ему, всего этого не хватит, чтобы возместить ему давние дни детства, то, чего он так страстно желал, но никогда не получал в достатке. Но Арнольд не был бы Арнольдом, если бы не предпринял еще одну попытку. 11 марта 1989 года в «Ветеранз Мемориэл Аудиториум» он провел первый конкурс имени Арнольда Шварценеггера, выставив в качестве награды самые крупные призы, которые когда-либо знал культуризм. Он вернулся назад к тому, чему принадлежал: к своей семье, к успеху, к тому, в чем был неповторим. В Голливуде он никогда бы не стал первым, но в культуризме, среди тех, кто преклонялся перед ним, его превосходство, захлестываемое водопадом любви, было несомненным. Культуризм — единственная сфера, где Арнольд мог достичь состояния, близкого к пресыщению, получить всю любовь, которой так отчаянно добивался. Он ушел с помоста почти десятилетие назад, но все еще господствовал в этом виде спорта. Он втоптал в грязь и подверг унижению многих, кто считал себя выше его, и все они стали восхищаться им. И что бы они ни чувствовали по отношению к нему, как бы глубока ни была их горечь и как бы ни охвачены они были ревностью, они все равно радостно приветствовали его, вскакивая на ноги и крича до хрипа. Зал гремел: «Арнольд! Арнольд! Арнольд!» Радость публики была безграничной, оглушающей, всеохватывающей. Плотину любви прорвало, и любовь обрушилась на него, стоящего на помосте и улыбающегося. И — на мгновение — наконец-то реализовавшего себя. Навеки — побеждающий. Навеки — завоеватель. Навеки — величайший. Навеки — Арнольд.

Фотографии

Густав Шварценеггер (второй слева) в своем великолепном мундире начальника полиции. Этот мундир очень любил примерять Арнольд.

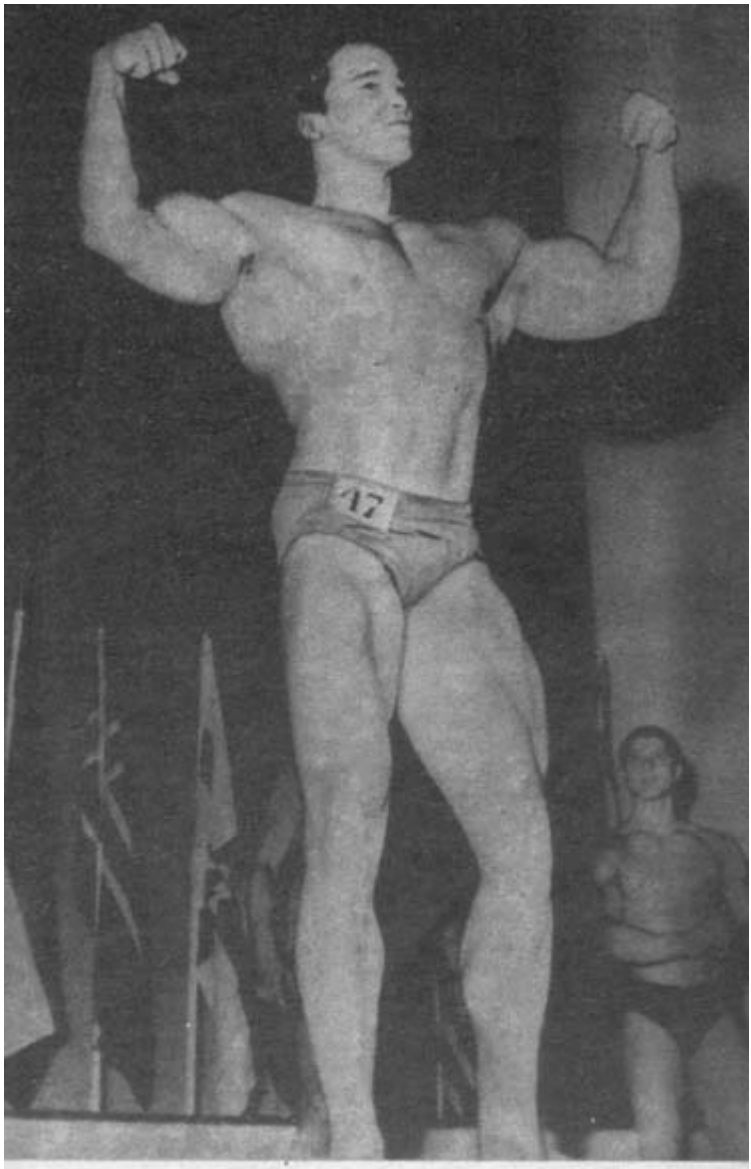


Густав во главе оркестра полиции Граца.

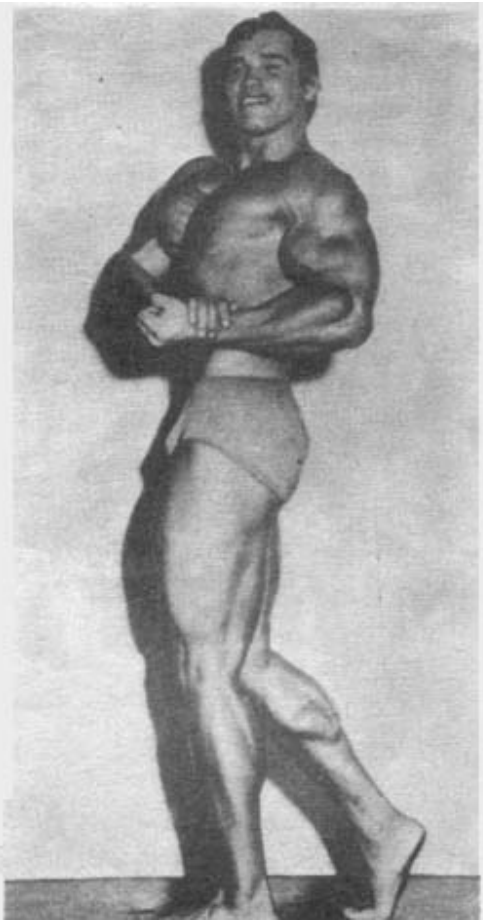
1963 год. Арнольд с Куртом Марнулом, который «открыл» Арнольда, но вскоре был отодвинут им в тень.

Молодой Арнольд выступает на своем первом состязании в гостинице «Штирер-Хоф» в Граце.
Демонстрация мускулов помогает установить контакт с девушками.

Школа в Тале, в которой учи̇лся Арнольд.
Позже здание было перестроено.

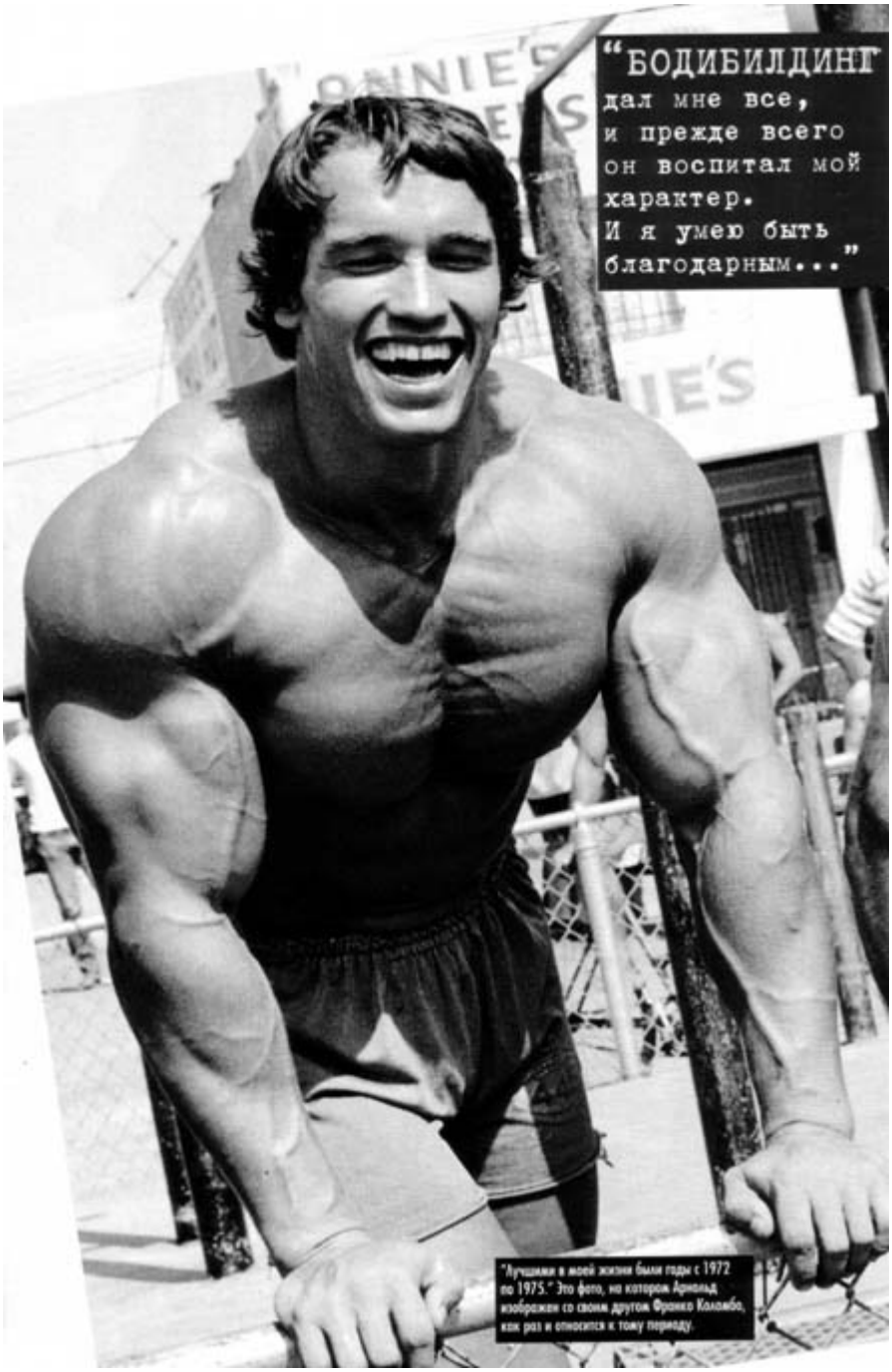


1967 год. Победа в конкурсе «Мистер Вселенная». Арнольд стал самым молодым победителем этого конкурса за всю его историю.



«Мистер Вселенная», 1969 год.

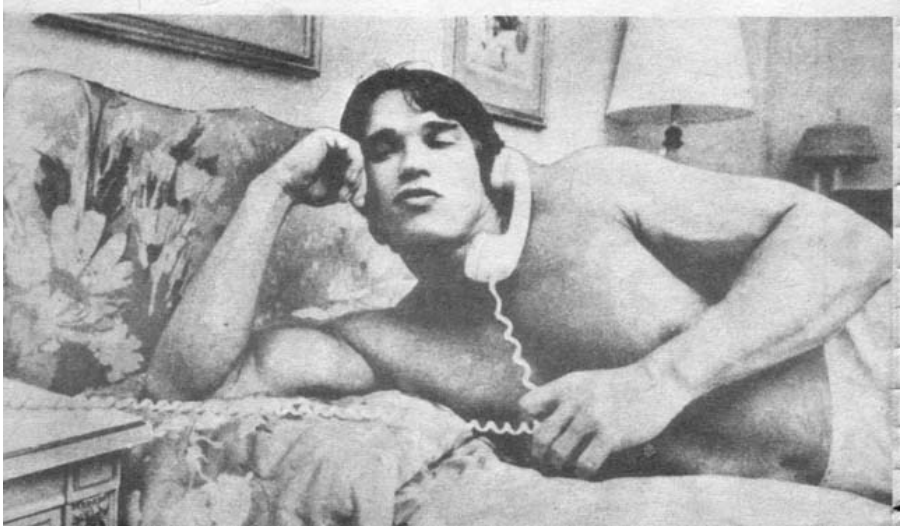
Арнольд позирует вместе со своим главным соперником Серджио Олива, 1972 год.

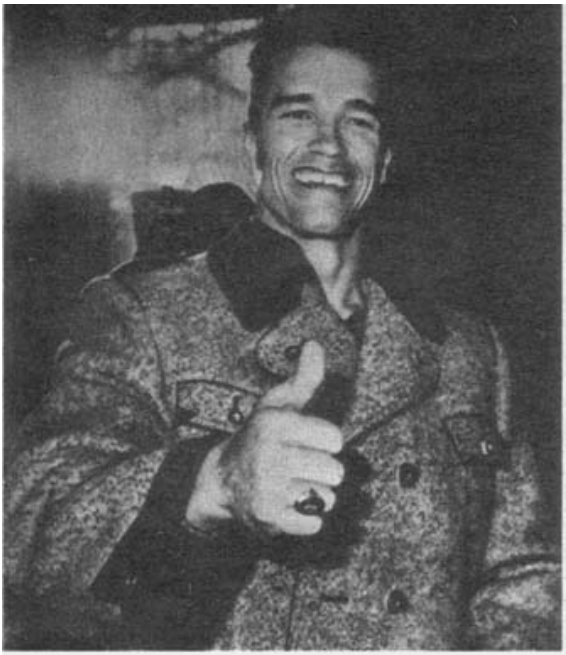


"Лучшими в моей жизни были годы с 1972 по 1975." Это фото, на котором Арнольд изображен со своим другом Франко Коломбо, как раз и относится к тому периоду.

Арнольд со своим кумиром Рэгом Парком (второй справа) на конкурсе «Мистер Вселенная» в 1970 году. Через несколько часов Рэг будет побежден своим учеником, а Арнольд в пятый раз завоюет титул «Мистер Вселенная».

Арнольд в непринужденной обстановке, январь 1977 года.





Арнольд
в штирийском
национальном костюме
во время съемок
фильма «Красная жара»
в Австрии.
Вскоре он узнает
о трагической
смерти своего дублера.

Переполненная
гордостью Аурелия
Шварценеггер
навещает своего сына
в Будапеште во время
съемок фильма
«Красная жара».

Встреча в клубе «Арниа» (слева направо): Пол Грэхэм, Уэг Беннет, Джо Уэйдер (люди, которым Арнольд многим обязан) и Диана Беннет.

Арнольд дурачится с Сэндел Бергман,
своей ведущей партнершей по фильму «Конан-варвар», 1982 год.

Настоящая любовь: Арнольд с Бриджит Нильсен в декабре 1984 года
в Вене на вечеринке (центр здоровья Берндта Циммерманна).

Арнольд со своей невестой Марией приветствует толпу, собравшуюся около церкви в день их бракосочетания 16 апреля 1986 года.

Свадебная фотография. Подружки невесты (слева направо): Рене Мейер Шинк, Шарлотта Соумз Хамборо, Сидни Лоуфорд Маккелви, Кортни Кеннеди Рук, Линда Поттер, Тео Хейес, Роберта Холландер, Ванда Макданиел Радди, Алекса Хэлаби, Каролайн Кеннеди. Шаферы (стоят, слева направо): Тимоти Шрайвер, Бобби Шрайвер, Энтони Шрайвер, Свен-Оле Торсен, Патрик Кнапп, Альберт Бусек, Карл Шварценеггер; (сидят, слева направо): Митцуо Кавасима, Нил Нордлинджер, Марк Шрайвер, Джим Лоример, Франко Колумбо, Билл Дрейк, Джон Радди и Эл Радди.

Арнольд, Аурелия и Мария наносят визит семейству Андервальдов, которое проживает в Тале в том же доме, где прошло детство Арнольда.

Женщины при мужчине: Аурелия и Мария сопровождают Арнольда на экскурсию в часовую башню в Граце, 1985 год.

notes

Примечания

1

Николсон, Джек (род. 1937) — выдающийся американский киноактер, сценарист и режиссер. Снимался в фильмах «Один выпал из гнезда» (1975), «Профессия репортер» (1976) и др. В фильме «Долгое прощание» исполняет второстепенную роль. — прим. ред.

2

Рэдфорд, Роберт (род. 1937) — американский актер, режиссер, продюсер, играл в театре и кино. Главная роль в фильме «Три дня кондора» (1975). — Прим. ред.